

№ 3

2022

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
**ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА
(К ЮБИЛЕЮ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ)**

ISSN 2412-9798

9 772412 979809

16+

90 1932-2022
лет
на страже
НАСЛЕДИЯ

16+

№ 3

(31)

●
2022

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 29.09.2022
Размещен в сети Интернет: 30.09.2022

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА

Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА

Галина Васильевна

доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН

Маицео Мгадла

PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ

Ирена

PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ

Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ	Юрий Валентинович	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация
КУДРЯВЦЕВ	Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР	Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА	Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА	Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАЛЫГИНА	Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация
МАТВЕЕВ	Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация
НЕРЕТИН	Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
НИСТОЦКАЯ	Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА	Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО	Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА

Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК

Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА

Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ХАНГЕЛЬДИЕВА

Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ШЛЫКОВА

Ольга Владимировна

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.3

(31)

2022

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 29 September 2022
Published online on 30 September 2022

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.

AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Galina V.

ALEKSEEVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Aleksandra O.

ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M.

BOLAANE

PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Vladimir K.

EGOROV

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

Shakhrudin A.

GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Irina G.

KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Yuri V.	KITOV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Dehli, Republic of India
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V.	MALYGINA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V.	SHLYKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N.	SOKOLOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА:
К ЮБИЛЕЮ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ»
(РЕДАКТОР Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА)**

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (К ЮБИЛЕЮ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ)	15
<i>С. Ю. Житенёв</i> Три юбилея: веки истории Института Наследия	15
<i>А. Л. Цимцба</i> Деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе в деле школьного строительства в Абхазии (середина XIX – начало XX веков)	27
<i>С. Я. Суций</i> Культурная динамика Юга России – становление и развитие региональных комплексов (XVII – начало XXI вв.)	48
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ	63
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	63
<i>И. Е. Мищенко</i> Военная культура в цифровом пространстве: анализ контента социальных сетей (опыт изучения тематической группы на платформе ВКонтакте).....	63

<i>А. Ю. Казакова</i> Культурное достояние как инструмент «мягкой силы»: лексикометрия заявок на гранты фонда «Русский Мир»	72
НАУЧНАЯ АНАЛИТИКА	90
БИОГРАФИКА	90
<i>А. Н. Соколова</i> Грани творческой и научной деятельности Шабана Салиховича Шу: к 100-летию со дня рождения	90
<i>М. Г. Куёк</i> Феликс Петуваш: картины не маслом	102
МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ	115
<i>Т. Х. Мальсагова</i> Люди, судьбы, связь поколений: к тридцатилетию телевидения Республики Ингушетия (науч. ред. Е. Ю. Третьякова)	115
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ	136
<i>Е. А. Иконникова</i> Любовь к трем экземплярам: о малоизвестном и загадочном произведении А. П. Чехова	136
IN MEMORIAM	141
<i>В. В. Тёр</i> Литературоведческие регалии профессора Чумаченко	141
<i>Н. А. Почешхов, С. Х. Хотко</i> Эмилия Аюбовна Шеуджен (1937–2021) – основатель исторической школы в Республике Адыгея	147

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**DYNAMICS OF REGIONAL CULTURAL SPACE:
ON THE ANNIVERSARY OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE
HERITAGE INSTITUTE**
(EDITED BY ELENA YU. TRETyakOVA)

FROM THE EDITORIAL COUNCIL.....	13
DYNAMICS OF REGIONAL CULTURAL SPACE: ON THE ANNIVERSARY OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE HERITAGE INSTITUTE	15
<i>Sergey Yu. Zhitenev</i> Three Anniversaries: Milestones in the History of the Heritage Institute	15
<i>Adgur L. Tsimtsba</i> Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus in the Field of School Construction in Abkhazia (Mid-19th – Early 20th Centuries)	27
<i>Sergey Ya. Suschiy</i> Cultural Dynamics of the South of Russia: Formation and Development of Regional Complexes (17th – Early 21st Centuries)	48
FULL ARTICLES	63
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	63
<i>Igor E. Mishchenko</i> Military Culture in the Digital Space: Social Media Content Analysis (Experience of Studying a Thematic Group on the VKontakte Platform).....	63

<i>Anna Yu. Kazakova</i> Cultural Heritage as a “Soft Power” Tool: Lexicometry of Applications for Grants of the Russkiy Mir Foundation	72
REVIEW ARTICLES	90
BIOGRAPHICS	90
<i>Alla N. Sokolova</i> Facets of the Creative and Scientific Activities of Shaban Salikhovich Shu: On the Occasion of the 100th Anniversary of His Birth	90
<i>Maryet G. Kuyok</i> Felix Petuvash: Non-Oil Paintings	102
MEMOIRS, DIARIES, DOCUMENTS	115
<i>Tamara Kh. Malsagova</i> People, Destinies, Connection of Generations: To the Thirtieth Anniversary of the Television of the Republic of Ingushetia (ed. by E. Yu. Tretyakova)	115
BOOK REVIEWS	136
<i>Elena A. Ikonnikova</i> Love for Three Copies: On a Little-Known and Mysterious Play by Anton Chekhov.....	136
IN MEMORIAM	141
<i>Viktor V. Tyor</i> Literary Regalia of Professor Chumachenko.....	141
<i>Nurbiy A. Pocheshkhov, Samir Kh. Khotko</i> Emilia Ayubovna Sheudzhen (1937–2021) – the Founder of the Historical School in the Republic of Adygea.....	147

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (К ЮБИЛЕЮ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ)

SPECIAL SECTION:
DYNAMICS OF THE REGIONAL CULTURAL SPACE
(TO THE ANNIVERSARY OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE HERITAGE INSTITUTE)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

УДК: 172.4: [[061.62:06.048.81]+655.59](470-13)
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.000

РАХАЕВ Анатолий Измаилович
доктор искусствоведения, профессор, ректор
Северо-Кавказского государственного института искусств,
Нальчик, Российская Федерация
Anatoliy I. RAKHAYEV
Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector,
North Caucasus State Institute of Arts,
Nalchik, Russian Federation,
mail@skgii.ru

Тема, поставленная на обсуждение в специальной рубрике нового номера журнала «Наследие веков», как нельзя более актуальна. Она имеет кардинальную связь с вопросом об источниках сложной динамики современного мира. Однако при всей ее сложности нельзя ни на минуту прерывать раздумья о культуре. И тем более – о культурном диалоге в многонациональных регионах. В самые трудные и тяжелые минуты он помогал братским народам сохранить мир в нашем общем доме.

Взаимодействие и взаимоуважение народов вырастает как из зерна из уважения к прошлому. И в смысл слова уважение мы вкладываем почитание традиций и обычаев, глубокое знание истории региона и бережное отношение к многовековым скрепам, которые позволяли погасить искры конфликтов и найти взаимопонимание между людьми ради мирной созидательной жизни на поистине богатой и благодатной земле. Мы вышли из горнила испытаний XX столетия с полной уверенностью именно в этом.

И в наши дни хотим сберечь в первую очередь – дорогу к миру, не омрачаемые враждой контакты на языке муз, в русле наук и искусства, в русле культурного обмена, знакомства с богатой и многоликой сокровищницей народных традиций. Многосторонне осмысливать, обсуждать, упрочивать, планировать перспективы таких культурных взаимодействий дают возможность современные площадки диалога и такие институции, как Южный филиал Рос-

сийского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. В сентябре он отметил 10-летие своей деятельности. Мы рады поздравить с этим юбилеем всеми нами высоко ценимый интеллектуальный центр теоретического изучения и поддержки новых культурных инициатив, а также многолетних практик, качественно наполняющих содержание настоящего и будущего народов Юга России и Кавказа.

Неоценимый вклад в развитие теоретической мысли и педагогическую практику составили изданные монографии и книги: Региональная культурная политика: методология, институты, практики культурная политика: Ценностно-нормативный подход (2019); Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики (2020); Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу (2020); Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы (2021); Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы (2022) и др.

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия регулярно организует циклы лекций, семинары, панельные дискуссии, мастер-классы, круглые столы и конференции по наиболее важной и остро актуальной тематике.

Самый масштабный проект Южного филиала – Международный научный форум «Культурное наследие народов Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» стартовал в 2015 г. и в нынешнем году прошел в восьмой раз, собрав более 150 участников. География форума помимо Северного Кавказа и Юга России охватила не только регионы страны, но и зарубежное научное сообщество (Абхазия, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Иордания, Казахстан, Узбекистан, Молдова, Украина, Швейцария, Польша, Мексика, Япония, Китай). Сборники материалов форума издаются и в традиционном «бумажном» формате, и в электронном виде, что многократно облегчает ознакомление ученых с содержанием докладов и дискуссий.

В кругу электронных журналов занял очень достойное место издаваемый под эгидой Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева электронный рецензируемый научный журнал «Наследие веков». Основанное в 2015 г. ежеквартальное сетевое издание на данный момент имеет в своем активе более 400 статей 250 авторов из 15 стран мира и проводит в целях улучшения информационного обмена и повышения цитируемости опубликованных статей политику открытого доступа к научным публикациям на основе публичных лицензий.

Выполняя почетную обязанность поздравить от лица всех представителей научного сообщества региона Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева с его юбилеем, выражаю искреннюю признательность его коллективу за благородную роль лидера и помощника в реализации гигантского числа проектов.

Совместная деятельность в этом русле дает положительный импульс и динамику огромному, многоликому региону, ведет к сплочению научного сообщества на благо созидательной работы.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

Третий номер нашего журнала «Наследие веков» был задуман как посвященный 10-летию Южного филиала Института Наследия.

Однако на 2022 г. пришлось еще две важных вехи: 90-летие научно-исследовательского института, основанного в мае 1932 г. при Народном комиссариате просвещения РСФСР, и 30-летие Института Наследия. В статье советника директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия С. Ю. Житенёва показана панорама преемственных преобразований Центрального научно-исследовательского института методов краеведческой работы, впоследствии названного Российским институтом культурологии (РИК) в Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия).

Характеризуя его структуру и историю его филиалов, С. Ю. Житенёв дает оценку их деятельности и основных научных достижений.

Динамика и позиционирование в социуме культурных учреждений, их просветительская миссия – тема, требующая многоаспектного рассмотрения в свете самых различных методов. Традицию изучения деятельности просветительских обществ феноменов с опорой на историко-архивные разыскания продолжает статья А. Л. Цимцбы о школьном строительстве в Абхазии (период от середины XIX до начала XX века). Возможности структурно-семиотической методологии при комплексном анализе вопросов регионального развития показывает статья С. Я. Суцего «Культурная динамика Юга России – становление и развитие региональных комплексов (XVII – начало XXI века)». ого на статистику.

Спектр активно применяемого и совершенствуемого инструментария наук о культуре далеко не исчерпан этими подходами. Будучи убеждены в этом, мы предлагаем коллегам, теоретикам и практикам современного культурного строительства, продолжить начатый диалог.

Редактор специальной рубрики Е. Ю. Третьякова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

ЖИТЕНЁВ Сергей Юрьевич

кандидат культурологии,
советник директора Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва,

Москва, Российская Федерация

Sergey Yu. ZHITENEV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),

Likhachev Russian Research Institute

for Cultural and Natural Heritage,

Moscow, Russian Federation,

zhitenev@bk.ru

УДК: 061.62:[725.945+316.722](470+571)

ГРНТИ: 13.09.00

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.001

Три юбилея: вехи истории Института Наследия

Three Anniversaries: Milestones in the History of the Heritage Institute

Статья посвящена анализу важнейших событий истории Института Наследия, оказавших влияние на формирование системы направлений его научной работы и обозначивших этапы его развития. Корпус материалов исследования составили ключевые публикации, созданные научными коллективами Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва и Российского института культурологии, а также его исторических предшественников. Выявлены основные направления деятельности ЦНИИ методов краеведческой работы (впоследствии – Российский институт культурологии). Подробно охарактеризована проблематика научных исследований Института Наследия в первые годы его существования и последующие десятилетия, рассмотрены история образования и дальнейшая деятельность Южного филиала Института Наследия. Сделан вывод, что Институт Наследия ныне выступает не только ведущим отраслевым учреждением в сфере культурологии и сохранения исторической памяти, но и консолидатором специалистов, исследующих науки о культуре.

Ключевые слова: Дистория науки, культурное наследие, природное наследие, Институт Наследия, Российский институт культурологии, Южный филиал Института Наследия, культурология, музеология, музееведение, памятниковедение.

В 2022 г. гуманитарным научным сообществом отмечаются три знаменательные даты: 90-летие образования Центрального научно-исследовательского института мето-

дов краеведческой работы, впоследствии названного Российским институтом культурологии (РИК), 30-летие создания Российского научно-исследовательского института куль-

турного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) и 10-летие деятельности Южного филиала Института Наследия.

Исследовательская работа, в течение многих лет проводившаяся коллективами этих учреждений, представляет собой уникальный пример эффективной организации научного поиска, органичного сочетания теории и практики, а также чуткого и ответственного отношения к высокой миссии, непосредственно связанной с защитой российской культуры и сохранением ее непреходящих ценностей. Результаты этой работы, основанные на глубоких научных изысканиях в сфере теоретических, методических и прикладных вопросов культуры и культурного наследия, по праву вошли в золотой фонд отечественного и мирового гуманитарного знания. Научная, просветительская и образовательная деятельность Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в полной мере обусловлена потребностями развития современного российского социума: сотрудники института активно участвуют в духовной жизни общества, откликаются на важнейшие события, происходящие в стране, выступают в средствах массовой информации, популяризируя отечественную культуру, обсуждая стратегии сохранения уникального культурного и природного наследия России. Можно без преувеличения утверждать, что изучение опыта созидательной деятельности, накопленного за десятилетия истории института, имеет большую общественную значимость как в силу уникальности этого опыта, так и в связи со значением научного учреждения как важнейшего центра изучения и сохранения исторической памяти и культуры народов Российской Федерации.

Комплексное изучение истории Института Наследия, учреждений и структурных подразделений, впоследствии объединенных под его эгидой, начало осуществляться сравнительно недавно: его результаты были отражены в монографии «Наука о культуре» [16] [17]. Кроме того, определенное значение в аспекте реконструкции научно-

исследовательской деятельности Научно-исследовательского института культуры имеет библиографический справочник, изданный в 1979 г. [1] и хронологически охватывающий период с 1969 по 1980 гг.

В рамках данной публикации, приуроченной к упомянутым юбилейным датам, предполагается сосредоточить внимание на ключевых событиях в истории Института Наследия, определивших основные направления и этапы его становления и развития как одного из ведущих центров российского гуманитарного знания. Опорой при этом послужили важнейшие публикации научных коллективов Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Института Наследия), Российского института культурологии (РИК) и его исторических предшественников. Комплекс классических методов исторического исследования (нарративный, историко-генетический, диахронный и т.д.) позволил последовательно проследить динамику развития данных учреждений с момента их возникновения, выявить знаковые события их истории, охарактеризовать ведущие направления их научной работы. Исследование будет способствовать приращению знаний об истории отечественной гуманитарной науки и сможет послужить одним из важных ресурсов для теоретической разработки модели успешной деятельности научного коллектива в системе постоянно изменяющихся внешних и внутренних факторов.

Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы был создан при Народном комиссариате просвещения РСФСР постановлением Совнаркома РСФСР № 455 от 03 мая 1932 г. после долгих обсуждений научной общественности. В 1933 г. Институт был передан в ведение Центрального бюро краеведения Наркомпроса РСФСР, а 1937 г. объединен с Высшими музейными курсами и преобразован в Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. Благодаря активной деятельности сотрудников Институт с самого начала своего существования стал играть заметную роль в изучении отечественной культуры и охране ее наследия.

В первые годы Институт занимался организацией краеведческой работы, с этой целью было выработано положение о внештатном сотрудничестве для привлечения широкой научной общественности. Также для подготовки высококвалифицированных кадров научных сотрудников была создана аспирантура. С 1933 г. Институт стал издателем журнала «Советское краеведение». В то время к числу основных направлений научно-исследовательской работы Института можно отнести анализ и оценку опыта деятельности музеев [6], вопросы массовой и экскурсионно-лекционной работы, разработку принципов и методов краеведения и другие.

Свои коррективы в научную деятельность Института внесла начавшаяся Великая Отечественная война. Уже с первых ее дней специалисты института включились в работу по спасению движимых объектов культурного наследия и музейных коллекций. В 1942 г. по заданию Государственной чрезвычайной комиссии при СНК СССР Институт разработал принципы оценки музейных коллекций, которые применялись для определения ущерба, нанесенного нашей стране фашистской Германией.

В марте 1945 г. Институт был передан в ведение Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме РСФСР и с октября 1948 г. начал разработку научных методов сохранения объектов культуры, их реставрации и определения подлинности.

В 1955 г. Институт был переименован в НИИ музееведения, а с 1966 г. стал называться Научно-исследовательским институтом музееведения и охраны памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР. Одно из основных направлений работы было связано с обобщением и анализом истории отечественного музейного дела [3]. В этот период подготовлены и впоследствии изданы семь томов знаменитых «Очерков по истории музейного дела в СССР». Институт уделял внимание теоретическим и методическим вопросам музееведения. Итоги многолетней научно-исследовательской работы были выражены в коллективной монографии «Основы советского музееведения» [18].

В 1969 г. Институт был переименован в Научно-исследовательский институт культуры МК РСФСР. В 1992 г. по решению Министерства культуры и туризма Российской Федерации Институт вновь изменил название и стал называться Российским институтом культурологии (РИК). В этот период РИК создал три филиала: в 1993 г. Сибирский — в Омске, в 1997 г. — в Санкт-Петербурге, а в 2012 г. Южный — в Краснодаре.

Расширился и спектр исследований РИК. Он охватил всю систему культуры — от музеев и до кино, телевидения и новых информационных технологий, от краеведения и фольклористики до художественного творчества и культурной жизни населения [15] [22] [23]. Велись интересные исследования по ряду направлений, связанных с философией, историей и теорией культуры [14], в рамках которых была опубликована серия научных сборников «Постижение культуры». Новый импульс получили прикладные исследования Института, включая изучение проблем государственной культурной политики [8] [21], культурологического образования, социализации и инкультурации [1] [4] [10] [11].

В начале XXI в. научные исследования РИК развивались по следующим основным направлениям: теоретическая, историческая и прикладная культурология, гуманитарные исследования [19] [20]. Появились научные работы по теории культуры, социально-культурной антропологии, проблемам модернизации, теории и истории художественного процесса и другие.

В 2006–2013 гг. по инициативе Санкт-Петербургского филиала РИК проводились Всероссийские культурологические конгрессы с международным участием, проходившие раз в два-три года в Санкт-Петербурге [7]. Труды ключевых участников I–IV Культурологических конгрессов были изданы в виде семитомной коллективной монографии под общим заглавием «Фундаментальные проблемы культурологии», общим объемом около 250 авторских листов, положительно встреченной научным сообществом России.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия был образован в соответствии с поста-

новлением Правительства Российской Федерации от 13 апреля 1992 г. № 241 на базе Центрального института повышения квалификации руководящих и творческих работников культуры и Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры и туризма России. 16 ноября 1999 г. приказом Министерства культуры Российской Федерации Институту Наследия было присвоено имя академика РАН Дмитрия Сергеевича Лихачёва, в связи с чем он был переименован и стал называться федеральное государственное учреждение науки «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва».

Автором идеи создания Института Наследия выступил заместитель Министра культуры и туризма России В. И. Азар, который считал необходимым организацию системы государственной поддержки научных исследований в сфере культурного и природного наследия России. Кроме того, образование Института Наследия было связано с необходимостью научного обеспечения государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» (1972) [2] [9].

Кадровую основу Института составила группа ученых, специалистов и общественных деятелей, участвовавших в работе научно-общественного Совета по уникальным историческим территориям при Советском фонде культуры [25]. Научный коллектив Института Наследия с первых лет его работы ставил перед собой задачи создания теории и методологии сохранения и использования культурного и природного наследия, разработки комплексных территориальных программ сохранения наследия, формирования системы особо охраняемых территорий, в том числе музеев-заповедников, картографического обеспечения сферы охраны наследия. При общем стремлении к разработке вопросов культурной географии научная деятельность Института Наследия имела в тот период междисциплинарный характер. В последующие

годы исследования Института Наследия, при продолжавшемся комплексном подходе, стали особое внимание уделять экологическим и природоохранным аспектам [28] [29], в том числе изучению ландшафтов [13]. Руководством Института Наследия в тот период уделялось большое внимание научно-методической поддержке существующих и вновь создаваемых музеев-заповедников в России.

Во второй половине 1990-х гг. новым направлением в разработке комплексных региональных программ стали исследования полей исторических сражений на территории России. В 2000 г. Институт Наследия совместно с музеем-заповедником «Куликово поле» провел Первый Конгресс полей исторических сражений с участием российских и зарубежных ученых и специалистов. Тема оказалась актуальной и востребованной, поэтому уже в 2002 г. Институт Наследия организовал и провел Второй Конгресс полей исторических сражений, на котором обсуждались вопросы сохранения, мемориализации и использования территорий Невской битвы в Ленинградской области, Ледового побоища на Чудском озере в Псковской области и других.

Необходимо заметить, что комплексные региональные программы выполнялись с участием многих структур и научных сотрудников Института Наследия [5]. При этом научные исследования по разработке программ культурного развития и стратегий развития исторических городов и сельских территорий, по сохранению полей исторических сражений, усадебных комплексов и т.п. проводились в различных регионах России. Особое внимание уделялось вопросам создания концепций и технологий развития известных музеев-заповедников [24] [25].

В 1992 г. в Институте Наследия был создан сектор рекреационных и туристских форм использования наследия. Деятельность этого сектора изначально была ориентирована на проведение широкомасштабных исследований потенциала, перспектив и технологий туристского использования культурного и природного наследия, подготовку прогнозов и рекомендаций по перспективам развития туристских структур в местностях и районах с высокой концентрацией объектов

наследия [12]. Специалисты сектора принимали активное участие в разработке проектов нормативных и законодательных документов по регулированию туристской деятельности, проводилась систематическая работа по терминологическим проблемам культуры и туризма, современной государственной политике России в туристской сфере и вопросам совершенствования системы туристской статистики в России [26].

В 1992 г. один из организаторов и создателей Института Наследия П. В. Боярский перенес в него из РИК образованную им Морскую арктическую комплексную экспедицию (МАКЭ). Таким образом, комплексные научные исследования культурного наследия Севера России, а также островов и архипелагов, расположенных в Северном Ледовитом океане, получили свое продолжение в Институте Наследия. МАКЭ подготовил и издал более двух десятков томов научных трудов и монографий по культурному и природному наследию Арктики. Были изданы карты и книжки-указатели к ним по природному и культурному наследию Новой Земли, о. Вайгач и Соловецкого архипелага. С 2009 г. МАКЭ начала подготовку к изданию серии трудов «Острова и архипелаги Российской Арктики», в которой впервые было представлено полное описание истории освоения архипелагов, островов и материкового побережья, объектов культурного и природного наследия Российской Арктики.

23 января 2014 г. приказом Министерства культуры Российской Федерации Институт Наследия был объединен с РИК под единым названием: «*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва*».

В связи с объединением Института Наследия и РИК Санкт-Петербургское отделение РИК было преобразовано 1 июля 2014 г. в Северо-Западный филиал Института Наследия. 12 марта 2015 г. Северо-Западный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва был сокращен и основной коллектив филиала вошел в состав Центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия. В Институт Наследия также влились два филиала РИК:

Сибирский, расположенный в Омске, и Южный, находящийся в Краснодаре, которому в 2022 г. исполняется 10 лет.

Южный филиал Института Наследия был образован в январе 2012 г. как региональная структура РИК с целью научного обеспечения государственной культурной политики и разработки региональных программ по сохранению и эффективному использованию национального наследия, а также совершенствования структуры фундаментальных и прикладных исследований по актуальным проблемам культурологии, этнокультурного развития народов региона Юга России. Концепция развития научных исследований Южного филиала была утверждена на заседании Ученого совета РИК 20 февраля 2012 г. Центральная исследовательская проблема филиала — «Культура Юга России: политика, институты, практики» — определила его структуру и первоочередные планы научной работы.

За период деятельности в составе РИК филиал осуществлял комплексные научные исследования по проблемам региональной культурной политики [20] [21], традиционной культуры и художественного творчества народов Юга России, различным аспектам сохранения культурного наследия. Были проведены всероссийские научные конференции с международным участием, посвященные проблемам культуры и образования в современном обществе, вопросам изучения ресурсного потенциала культурно-познавательного туризма, межнациональным, межкультурным и межрелигиозным отношениям народов Юга России.

В апреле 2014 г. после присоединения Российского института культурологии к Российскому научно-исследовательскому институту культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в истории Южного филиала началась новая глава. В настоящее время филиал объединяет ученых-культурологов и историков, искусствоведов и философов, филологов и специалистов в области сохранения и использования культурного наследия. Научный потенциал Южного филиала Института Наследия востребован в высших учебных заведениях г. Краснодара (Кубанский государ-

ственный университет, Краснодарское высшее военное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, Кубанский институт профессионального образования).

Коллектив Южного филиала возглавляет Ирина Ивановна Горлова, доктор философских наук, профессор, кавалер Ордена «Дружба», Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Кубани, Заслуженный деятель искусств Республик Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, лауреат Премии администрации Краснодарского края в области науки, культуры и образования, почетный гражданин г. Краснодара.

Миссия Южного филиала Института Наследия — формирование на его базе научно-го центра мониторинга, экспертного анализа и консалтинга по проблемам государственной культурной политики, изучения, сохранения и использования объектов наследия, разработки комплексных программ регионального развития для обеспечения успешного решения модернизационных задач в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

За десять лет, прошедших с момента своего создания, Южный филиал Института Наследия стал авторитетной научной институцией, объединяющей интеллектуальные силы Юга России, утвердился в регионе в качестве ведущего академического исследовательского учреждения гуманитарного профиля. Значительны наукометрические показатели деятельности филиала, научные статьи, монографии и книги востребованы научным сообществом, характеризуются достаточно высокими индексами цитирования.

Сотрудниками Южного филиала выполнены десятки научно-исследовательских работ фундаментального и прикладного характера. Филиалом издаются монографии, учебные пособия, сборники научных статей, электронный научный журнал «Наследие веков», осуществляется этнокультурная и региональная экспертиза учебных изданий, проводятся историко-культурные, культурологические, судебные экспертизы, по запросам профильного комитета Законодательного Собрания Краснодарского края готовятся предложе-

ния по оптимизации регионального законодательства в сфере сохранения культурного наследия, разработаны Программа этнокультурного мониторинга межнациональных отношений в регионах Российской Федерации, Программа мониторинга системы образования в сфере культуры и искусства Российской Федерации.

Сотрудники Южного филиала были привлечены к подготовке Государственного доклада о состоянии культуры в 2013 и 2014 гг.; информационно-аналитических материалов для рассмотрения на очередном (четвертом) заседании Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям на тему «Культура и просвещение в укреплении единства российской нации, гражданском и патриотическом воспитании молодежи»; предложений для формирования Основ государственной молодежной политики Российской Федерации (во исполнение п. 2А перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина от 03 июля 2014 № Пр-1768).

Важным направлением деятельности филиала является также организация и проведение различных научных и просветительских мероприятий — конференций, круглых столов, научно-проектных семинаров. В их числе следующие конференции: «Культура и образование в современной России: стратегии развития и сохранения», «Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности», «Кавказская война: символы, образы, стереотипы», «Британцы и народы Юга России: вопросы взаимовлияния», «Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа» и др.

Визитной карточкой филиала стал ежегодный международный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», посвященный сбережению российской идентичности, созданию единого культурного пространства, обеспечению национальной безопасности России средствами науки, культуры и искусства, развитию языков и литератур многонационального региона, прежде всего, русского языка и русской классической литературы как важнейших го-

сударственнообразующих компонентов российской цивилизации и духовности. С 2016 г. форум проводится в рамках Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р). Форум объединяет представителей научно-образовательных учреждений, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций Юга России и других регионов для обсуждения актуальных вопросов развития культуры и сохранения культурного наследия.

Южный филиал организует презентации новых изданий и проводит творческие встречи, осуществляется информационно-методическая поддержка выставочной деятельности музейных учреждений региона. Общественный резонанс получил выставочный проект «Духовная культура России и Индии», осуществленный в 2013 г. при поддержке Посольства Республики Индия в Российской Федерации. В 2016 г. при посредничестве филиала состоялась передача коллекции полотен члена-корреспондента Российской академии художеств В. Г. Коржевского в фонды Краснодарского художественного музея им. Ф. А. Коваленко. Творческое сотрудничество соединяет Южный филиал с Краснодарским представительством Союза российских писателей (обсуждение новых книг и рукописей, творческие вечера, юбилейные мероприятия, связанные с чтением классиков отечественной литературы, ежегодные Дни поэзии в концертном зале Краснодарской городской мэрии).

Среди других специальных проектов и программ, направленных на популяризацию государственной культурной политики, привлечение внимания к проблемам сохранения культурного наследия, развитие диалога культур и культурного взаимодействия народов России, можно отметить научно-просветительский проект «Диалог культур в условиях многообразия» (2013–2015); научно-просветительскую программу, посвященную юбилею М. Ю. Лермонтова (2014); научно-просветительскую программу, посвя-

щенную юбилею Шуховской башни в г. Краснодаре (2016); ежегодные программы публичных лекций и выступлений сотрудников.

Постоянное сотрудничество на договорной основе связывает Южный филиал Института Наследия с Литературным музеем Кубани (отдел Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Большое значение для развития культуры и сохранения наследия субъектов Юга России имеет и долгосрочный межрегиональный проект по подготовке к изданию энциклопедического словаря «Энциклопедия культурного наследия Юга России».

Огромные творческие и созидательные возможности, определяющие сегодня потенциал коллектива Южного филиала Института Наследия,— залог его всестороннего развития и научного роста, а также стратегической роли в культурной политике Юга России. Все это не только предъявляет повышенные требования к задачам, стоящим перед коллективом филиала, но и открывает поистине безграничные возможности для совершенствования его научной деятельности.

30 мая 2014 г. решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств Институту Наследия был предоставлен статус базовой организации государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере сохранения Всемирного наследия. Институт как базовая организация создал Экспертный совет, работа которого в связи с пандемией COVID-19 была переведена в онлайн-формат. В 2020 г. создан специальный интернет-ресурс Института Наследия, который содержит открытую базу данных по объектам Всемирного культурного наследия, а также представляет документы о деятельности организации. Представители стран Содружества, в том числе члены Экспертного совета и специалисты в сфере культурного наследия, принимают участие в Международном конгрессе «Всемирное наследие стран СНГ», который ежегодно проводит Институт Наследия.

В 2018–2022 гг. в Институте Наследия был образован объединенный диссертационный совет; возрождена работа аспирантуры;

реорганизована структура научных подразделений, в частности был создан Отдел культурологии; активизирована издательская деятельность, выпускаются в свет монографии, энциклопедии, сборники и другие научные издания. В Институте Наследия создана Экспертная комиссия ученого совета по проведению экспертизы рукописей, подготовленных сотрудниками, которую возглавил А. В. Окороков, заместитель директора по науке.

На новый уровень была поднята международная деятельность и взаимодействие с ЮНЕСКО. Успешная работа сотрудников отдела Всемирного наследия и международного сотрудничества под руководством заместителя директора Института Наследия Н. В. Филатовой позволяло России на протяжении двух последовательных номинационных циклов вносить в Список Всемирного наследия новые российские объекты, реализовывая, таким образом, задачи Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.

В Институте Наследия проводятся уникальные мероприятия:

— краеведческие конференции, которые ежемесячно проводит В. Ф. Козлов;

— Панаринские чтения, которые организовывал каждый год до недавнего времени В. Н. Расторгуев;

— Международный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс международного согласия», который ежегодно организует И. И. Горлова;

— Аношинские чтения, которые каждый год проводит И. А. Селезнёва;

— проект «Живое наследие памяти», который на постоянной основе каждый месяц организует и ведет Д. Я. Романова и другие мероприятия.

В октябре 2020 г. в Институте Наследия была проведена чрезвычайно важная и значимая Всероссийская научная конференция «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий». Это была первая в России конференция, объединяющая темы культуры и цифровизации, ученых-гуманитариев и практиков в области цифровых технологий [27].

В ноябре 2021 г. в дистанционном формате впервые после восьмилетнего перерыва был проведен Пятый Культурологический конгресс по теме «Культурное наследие — от прошлого к будущему». Конгресс собрал более 900 участников, из которых выступили с докладами более 300 ученых. Таким образом, Институт выступил не только ведущим отраслевым учреждением в сфере культурологии, но и консолидатором специалистов, исследующих науки в сфере культуры.

В 2022 г. Институт Наследия вступил в 90 год своей научной деятельности, который объявлен Годом культурного наследия народов Российской Федерации. За плечами научного коллектива Института Наследия почти вековой путь работы по развитию науки о культуре и культурном наследии России, озаглавленный выдающимися исследованиями, теоретическими, методологическими и практическими трудами, сотрудничеством с международными и зарубежными центрами изучения, сохранения и использования наследия. Научный коллектив Института Наследия продолжает славные традиции своих предшественников в деле развития научных исследований культуры и культурного наследия нашей Родины.

Sergey Yu. ZHITENEV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
zhitenev@bk.ru

*Three Anniversaries: Milestones
in the History of the Heritage Institute*

Abstract. The article analyzes the key events in the history of the Heritage Institute, which determined the main directions and stages of its formation and development as one of the leading centers of Russian humanitarian knowledge. The analysis is based on the most important publications of research teams of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev and the Russian Institute of Cultural Studies and its historical predecessors. A complex of classical methods of historical research was applied (narrative, historical-genetic, diachronic, etc.). The normative acts that determined the formation of the Central Research Institute of Local History Methods (1932) are characterized, the main directions of the Institute's activities are identified (including during the Great Patriotic War), the change in the thematic focus of research in the post-war period is traced, and the expansion of research problems up to the coverage of the entire system of culture after the Institute was renamed to the Russian Institute of Cultural Studies. The reasons for the formation of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage and the tasks that the research team faced in the first years of its operation are determined. The importance of research on the fields of historical battles that the Institute conducted since the second half of the 1990s is noted. The role of the Institute in the development of programs for the cultural development of historical cities and rural areas is analyzed, the activities of the Marine Arctic Complex Expedition are considered. The administrative transformations associated with the merger of the Heritage Institute and the Russian Institute of Cultural Studies (2014) are characterized, the history of formation and the main milestones in the activities of the Southern Branch of the Heritage Institute are considered in detail. The work carried out by the Heritage Institute as the base organization of the CIS member states in the field of world heritage conservation is described. The positive changes in the activities of the Institute that occurred in 2018–2022 are analyzed, the unique events held under the auspices of the Institute in recent years are listed. The author concludes that the Heritage Institute, with its almost a century-long history, is currently not only a leading sectoral institution in the field of cultural studies and historical memory preservation, but also a consolidator of experts conducting research in culture-related sciences.

Keywords: history of science, cultural heritage, natural heritage, Heritage Institute, Russian Institute of Cultural Studies, Southern Branch of the Heritage Institute, cultural studies, museology, museum studies, monument studies.

Использованная литература:

1. Библиография изданий Научно-исследовательского института культуры. 1969–1980 гг. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1979.
2. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М.: Ин-т Наследия, 1999.
3. История музейного дела в СССР: сб. ст. М.: Госкультпросветиздат, 1957.
4. История музейного дела: библиографический указатель отечественной и зарубежной литературы. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1991.
5. Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. М.: Ин-т Наследия, 1994.
6. Краткий указатель музеев г. Москвы и Московской области. М.: Науч.-исслед. ин-т краеведческой и музейной работы, 1941.
7. Креативность в пространстве традиции и инновации: III Российский культурологический съезд: тез. докл. и сообщений (г. Санкт-Петербург, 27–29 окт. 2010 г.). СПб.: Эйдос, 2010.
8. Культурная политика – политика для культуры: новый профиль политики в сфере культуры: матери-

References:

1. Research Institute of Culture. (1979) *Bibliografiya izdaniy Nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury. 1969–1980 gg.* [Bibliography of Publications of the Research Institute of Culture. 1969–1980]. Moscow: Research Institute of Culture.
2. Heritage Institute. (1999) *Vsemirnoe kul'turnoe i prirodnnoe nasledie: dokumenty, kommentarii, spiski ob'ektov* [World Cultural and Natural Heritage: Documents, Commentaries, Lists of Objects]. Moscow: Heritage Institute.
3. Skonechnaya, A.D. (1957) *Istoriya muzeynogo dela v SSSR: Sb. st.* [History of Museum Business in the USSR: Articles]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat.
4. Research Institute of Culture. (1991) *Istoriya muzeynogo dela: Bibliograficheskiy ukazatel' otechestvennoy i zarubezhnoy literatury* [History of Museum Business: Bibliographic Index of Domestic and Foreign Literature]. Moscow: Research Institute of Culture.
5. Heritage Institute. (1994) *Kompleksnyye regional'nye programmy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [Comprehensive Regional Programs for the Conservation and Use of Cultural and Natural Heritage]. Moscow: Heritage Institute.

алы региональной конф. Содружества Независимых Государств (г. Ереван, 5–7 ноября 2009 г.). Ереван: Б. и., 2011.

9. Культурная политика – 2020: взгляд субъектов Российской Федерации на основные проблемы и их решения. М.: Фонд «Ин-т экономики и социальной политики», 2021.

10. Культурное наследие в духовной культуре советского общества: Теоретические проблемы: аннотированный библиографический указатель 1976–1986 гг. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1988.

11. Культурное наследие и современность: библиографический указатель отечественной литературы. Ч. 1. Дореволюционный период. М.: Рос. ин-т культурологии, 1993.

12. Культурное наследие и туризм. М.: Ин-т Наследия, 2005.

13. Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия, 2004.

14. Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. М.: Смысл, 2010.

15. Малые города и села: Проблемы сохранения и развития (участие населения и партнерство). М.: Рос. ин-т культурологии, 2002.

16. Наука о культуре: История Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва и Центрального НИИ методов краеведческой работы (Российского института культурологии). М.: Ин-т Наследия, 2017.

17. Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М.: Ин-т Наследия, 2022.

18. Основы советского музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1955.

19. Памятники в изменяющемся мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. и сост. Э. А. Шулёва. М.: Рос. ин-т культурологии, 1993.

20. Памятниковедение. Теория. Методология практика: сб. науч. тр. / ред.-сост. П. В. Боярский. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1986.

21. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др. М.: Ин-т Наследия, 2019.

22. Российская музейная энциклопедия. В 2-х томах. Т. 1: А–М. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001.

23. Российская музейная энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2: Н–Я. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001.

24. Теоретические и практические проблемы сохранения культурного и природного наследия: материалы междунар. конф. М.: Ин-т Наследия, 2013.

25. Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сб. науч. тр. М.: Ин-т Наследия, 1994.

26. Формирование научно-обоснованной системы статистического учета и отчетности в сфере туризма в Российской Федерации с введением в нее широкого спектра качественных показателей туристских потоков: монография. М.: Ин-т Наследия; Международная туристская академия, 2014.

27. Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий: материалы всерос. науч. конф. (г. Москва, 8 октября 2020 г.). М.: Ин-т Наследия, 2020.

28. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Ч. 1. М.: Ин-т Наследия, 2001.

6. Research Institute of Local History and Museum Work. (1941) *Kratkiy ukazatel' muzeev g. Moskvy i Moskovskoy oblasti* [A Concise Index of Museums in Moscow and Moscow Oblast]. Moscow: Research Institute of Local History and Museum Work.

7. Anon. (2010) *Kreativnost' v prostranstve traditsii i innovatsii: III Rossiyskiy kul'turologicheskiy s'ezd* [Creativity in the Space of Tradition and Innovation: III Russian Culturological Congress]. Abstracts. St. Petersburg. 27–29 October 2010. St. Petersburg: Eydos.

8. Anon. (2011) *Kul'turnaya politika – politika dlya kul'tury: novyy profil' politiki v sfere kul'tury* [Cultural Policy – Policy for Culture: A New Profile of Cultural Policy]. Proceedings of the Regional Conference of the Commonwealth of Independent States. Yerevan. 5–7 November 2009. Yerevan: [s.n.].

9. Sidorenko, S.V. et al. (2021) *Kul'turnaya politika-2020: vzglyad sub'ektov Rossiyskoy Federatsii na osnovnyye problemy i ikh resheniya* [Cultural Policy-2020: View of the Subjects of the Russian Federation on the Main Problems and Their Solutions]. Moscow: Fond "In-t ekonomiki i sotsial'noy politiki".

10. Research Institute of Culture. (1988) *Kul'turnoe nasledie v dukhovnoy kul'ture sovetskogo obshchestva: Teoreticheskie problemy: Annotirovannyi bibliografich. ukazatel'. 1976–1986 gg.* [Cultural Heritage in the Spiritual Culture of the Soviet Society: Theoretical Problems: Annotated Bibliographic Index, 1976–1986]. Moscow: Research Institute of Culture.

11. Russian Institute for Cultural Studies, (1993) *Kul'turnoe nasledie i sovremennost': Bibliografich. ukazatel' otechestvennoy lit-ry* [Cultural Heritage and Modernity: Bibliographic Index of Domestic Literature]. Part 1. Dorevolutsionnyy period. Moscow: Russian Institute of Cultural Studies.

12. Heritage Institute. (2005) *Kul'turnoe nasledie i turizm* [Cultural Heritage and Tourism]. Moscow: Heritage Institute.

13. Heritage Institute. (2004) *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as an Object of Heritage]. Moscow: Heritage Institute.

14. Bykhovskaya, I.M. (2010) *Kul'turologiya: fundamental'nye osnovaniya prikladnykh issledovaniy* [Culturology: Fundamental Foundations of Applied Research]. Moscow: Smysl.

15. Russian Institute for Cultural Studies. (2002) *Malye goroda i sela: Problemy sokhraneniya i razvitiya (uchastie naseleniya i partnerstvo)* [Small Towns and Villages: Problems of Preservation and Development (Population Participation and Partnership)]. Moscow: Russian Institute for Cultural Studies.

16. Zhitenev, S.Yu. (ed.) (2017) *Nauka o kul'ture: Istoriya Rossiyskogo NII kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhacheva i Tsentral'nogo NII metodov kraevedcheskoy raboty (Rossiyskogo instituta kul'turologii)* [Science of Culture: History of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage Named After D.S. Likhachev and the Central Research Institute for Local History Methods (Russian Institute of Cultural Studies)]. Moscow: Heritage Institute.

17. Zhitenev, S.Yu. (ed.) (2022) *Nauka o kul'ture. K 90-letiyu Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhacheva* [Science of Culture. To the 90th Anniversary of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage Named After D.S. Likhachev]. Moscow: Heritage Institute.

29. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Ч. 2. М.: Ин-т Наследия, 2001.

18. Galkina, P.I. et al. (1955) *Osnovy sovetskogo muzevedeniya* [Fundamentals of Soviet Museology]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat.

19. Shulepova, E.A. (ed.) (1993) *Pamyatniki v izmenyayushchemsya mire* [Monuments in a Changing World]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian Institute for Cultural Studies.

20. Boyarskiy, P.V. (ed.) (1986) *Pamyatnikovedenie. Teoriya. Metodologiya praktika* [Monument Studies. Theory. Practitioner's Methodology]. Moscow: Research Institute of Culture.

21. Gorlova, I.I. et al. (2019) *Regional'naya kul'turnaya politika: metodologiya, instituty, praktiki* [Regional Cultural Policy: Methodology, Institutions, Practices]. Moscow: Heritage Institute.

22. Sundieva, A.A. (ed.) (2001) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya. V 2-kh tomakh* [Russian Museum Encyclopedia. In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Progress; Ripol klassik.

23. Sundieva, A.A. (ed.) (2001) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya. V 2-kh tomakh* [Russian Museum Encyclopedia. In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Progress; Ripol klassik.

24. Heritage Institute. (2013) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy sokhraneniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [Theoretical and Practical Problems of Preserving Cultural and Natural Heritage]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Heritage Institute.

25. Mazurov, Yu.L. (ed.) (1994) *Unikal'nye territorii v kul'turnom i prirodnom nasledii regionov* [Unique Territories in the Cultural and Natural Heritage of the Regions]. Moscow: Heritage Institute.

26. Zhitenev, S.Yu. et al. (2014) *Formirovanie nauchno-obosnovannoy sistemy statisticheskogo ucheta i otchetnosti v sfere turizma v Rossiyskoy Federatsii s vvedeniem v nee shirokogo spektra kachestvennykh pokazateley turistskikh potokov* [Formation of a Science-Based System of Statistical Accounting and Reporting in the Field of Tourism in the Russian Federation With the Introduction of a Wide Range of Qualitative Indicators of Tourist Flows Into It]. Moscow: Heritage Institute; International Tourism Academy.

27. Zhitenev, S.Yu. (ed.) (2020) *Tsifrovizatsiya kul'tury i kul'tura tsifrovizatsii: sovremennye problemy informatsionnykh tekhnologiy* [Digitalization of Culture and the Culture of Digitalization: Modern Problems of Information Technology]. Conference Proceedings. Moscow. 8 October 2020. Moscow: Heritage Institute.

28. Vedenin, Yu.A. (ed.) (2001) *Ekologicheskie problemy sokhraneniya istoricheskogo i kul'turnogo naslediya* [Ecological Problems of Preservation of Historical and Cultural Heritage]. Part 1. Moscow: Heritage Institute.

29. Vedenin, Yu.A. (ed.) (2001) *Ekologicheskie problemy sokhraneniya istoricheskogo i kul'turnogo naslediya* [Ecological Problems of Preservation of Historical and Cultural Heritage]. Part 2. Moscow: Heritage Institute.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Житенёв, С. Ю. Три юбилея: вехи истории Института Наследия / С. Ю. Житенёв // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 15–26. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Zhitenev, S.Yu. (2022) Three Anniversaries: Milestones in the History of the Heritage Institute. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 15–26. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.001

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

ЦИМЦБА Адгур Людвигович

кандидат исторических наук, доцент кафедры
народного декоративно-прикладного творчества
Краснодарского государственного института культуры,
Краснодар, Российская Федерация

Adgur L. TSIMTSBA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation,

foma1998@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9466-3408

УДК: 27-784:371(479.224)"185/191"
ГРНТИ: 03.23.31
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.002

**Деятельность Общества
восстановления православного
христианства на Кавказе
в деле школьного строительства
в Абхазии (середина XIX –
начало XX веков)**

**Activities of the Society for the
Restoration of Orthodox Christianity
in the Caucasus in the Field of School
Construction in Abkhazia
(Mid-19th – Early 20th Centuries)**

В исследовании выявляются основные направления и этапы процесса организации школьного образования в досоветской Абхазии, связанного с деятельностью Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК) в середине XIX – начале XX вв. Проанализированы отчеты Общества, рассмотрены работы дореволюционных, советских, а также современных абхазских и российских исследователей, касающиеся данной проблемы. Установлена и изучена фактография формирования и развития сети школ ОВПХК, выявлены проблемы школьного строительства, охарактеризована деятельность талантливых педагогов, показано значение общественных инициатив и государственной поддержки в ходе формирования сети абхазских школ, раскрыты пути решения проблемы дефицита педагогических кадров. Разработана периодизация процесса развития в Абхазии сети действовавших под эгидой ОВПХК школ, являвшихся источниками народного просвещения, распространения грамотности и культуры в регионе.

Ключевые слова: Абхазия, Общество восстановления православного христианства на Кавказе, начальное образование, школьное строительство, школьная сеть, просвещение, письменность, священнослужители.

В интенсивно изменяющемся и полном противоречий современном мире неизменно актуальным остается комплекс проблем, связанных с этничностью, этнической культурой и историей. Этногенез и его факторы, национальное самосознание и этническая идентичность, национальная самобытность и межэтнические взаимоотношения – все эти аспекты представляют большую важность для научного осмысления в наблюдаемую эпоху турбулентности, поскольку результаты точного исследовательского анализа, будучи обращены в практическую плоскость, позволяют гармонизировать этнокультурную ситуацию и, что немаловажно, избежать этнических конфликтов и различных проявлений межнациональной напряженности.

Российское государство, во все века объединявшее множество народов, с самого начала своей истории было вынуждено решать многочисленные проблемы, возникавшие в межнациональной сфере во многом по причине значительных различий между культурой и идентичностью этносов, составляющих Россию. Опыт подобных решений, отнюдь не всегда простых, ныне определяет успехи этнокультурной политики, являющейся важным направлением деятельности государства.

Гармония межэтнических взаимоотношений приобретает особенное значение на Северном Кавказе, где переплелись судьбы десятков народов, в культурах которых нашли свое отражение традиции добрососедства, гостеприимства, взаимопомощи. Российское государство стремилось вовлечь народы Кавказа в свою культурную орбиту, избегая насильственной ассимиляции, сегрегации или иных негативных практик, действуя исключительно гуманитарным путем – через просвещение местного населения. Значительную роль в деле становления школьного образования у горцев во второй половине XIX – начале XX вв. играло Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК), основанное в 1860 г., миссия которого весьма активно функционировала на территории Абхазии. В целом же деятельность этой организации была направлена на реализацию государственной религиозной политики Рос-

сийской империи на Кавказе, а народное просвещение становилось в этот исторический период частью и инструментом этой политики. Изучение работы Общества, направленной на строительство школ, налаживание системы управления учебными заведениями, взаимодействие с местными сообществами, представляется достаточно актуальным и в свете постоянно осуществляющихся современных образовательных реформ, затрагивающих в том числе и сферу начального образования. Не меньшую значимость имеет и положительный исторический опыт, связанный с возрождением духовности и национального самосознания, взаимным обогащением этнических культур, формированием целостного культурного пространства, создающего фундамент для политического объединения народов.

Историография избранной для изучения проблемы не слишком обширна. Так, дореволюционные исследователи в основном сосредоточивали свое внимание на обзорном освещении деятельности ОВПХК во всей совокупности ее направлений. Например, одной из первых работ, посвященных ранним этапам истории Общества, является труд А. И. Лилова [12], в котором автор, в частности, достаточно четко обозначает цели ОВПХК, направленные на приобщение народов Кавказа к русской культуре. Довольно объемная фактография представлена в работе А. И. Платонова [37], раскрывающей в том числе содержание миссионерской и просветительской работы Общества в период с 1860 по 1910 гг.

В историографии советского периода тематика, связанная с деятельностью религиозно-просветительских обществ, не получала сколько-нибудь серьезного внимания. Применительно к Абхазии исключением являются работы А. П. Дудко [7] и Г. А. Дзидзари [5] [6], в которых подчеркивается значение просветительской деятельности Общества для становления народного образования в регионе и также его влияние на процессы формирования национальной интеллигенции в досоветский период.

В последние три десятилетия деятельность ОВПХК подверглась более тщательному исследованию в работах Н. О. Блейх [1], М. А. Волхонского [3], Р. Б. Гергедава [4],

Р. Ш. Зельницкой [8], Р. Э. Кесаевой и Л. В. Дзанаговой [10], А. Л. Цымцбы [42] [43] главным образом в рамках кавказоведческих исследований, разрабатывавших общие проблемы просветительской миссии Общества на Северном Кавказе в целом и в отдельных его местностях, в том числе и в Абхазии.

Между тем необходимо отметить, что на текущий момент в историографии проблемы отсутствуют исследования, рассматривающие основные направления и этапы организации школьного образования в досоветской Абхазии, связанные с деятельностью ОВПХК. Заполнению выявленной лакуны и способствует настоящее исследование.

В качестве источников использовалась в первую очередь делопроизводственная документация: ежегодные Отчеты ОВПХК, включавшие данные о различных сторонах деятельности Общества, в том числе и просветительской. Неопубликованные источники по теме исследования были в основном сосредоточены в фондах Российского государственного исторического архива [41]. Важную роль для воссоздания полноты исторической реконструкции играли также документы, отраженные в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией [9].

Качественное разнообразие корпуса использованных источников определило необходимость применения традиционного историко-методологического инструментария, в котором ведущее место занимает сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить различные факты и события, отражающие формы и способы просветительской деятельности ОВПХК на Северном Кавказе. Кроме того, использование конкретно-исторического, историко-описательного и диахронного методов обеспечило репрезентативность анализа процессов школьного строительства в досоветской Абхазии.

Достижение целей настоящего исследования будет способствовать приращению знаний о способах, которыми осуществлялось утверждение Российской империи на Северном Кавказе, а также поможет более полно научно осмыслить национальную, религиозную и образовательную политику, проводив-

шуюся российскими властями в рассматриваемый период.

Абхазия была включена в состав Российского государства в 1810 г., и на протяжении всего XIX в. самодержавие стремилось интегрировать край в общероссийское политическое и культурное пространство. Первоначально к этому процессу привлекалась только местная аристократическая элита, однако этого оказалось недостаточно. Стремясь создать в Абхазии прочную систему управления, царская администрация понимала необходимость поиска новых путей. Без привлечения в аппарат управления грамотных чиновников из числа местного населения, которым были бы известны обычаи, традиции и быт, знакомы здешние условия жизни, невозможно организовать подобную деятельность.

Используя различные методы, российское правительство целенаправленно реализовывало свои основные задачи в регионе – распространение православия и формирование среди абхазов имперской идентичности и сознания. Важнейшими элементами цивилизаторской политики России были признаны светская школа и просветительство.

Еще в 1810 г. в селе Лыхны была предпринята попытка организовать церковную школу на двенадцать мальчиков с приглашением учителя русского языка. Инициатор этого дела священнослужитель И. Иоселиани надеялся, что «таким образом просветится Абхазия, ввергнутая во тьму татарами» [9, с. 851]. Сведения об этом учебном заведении в более поздних источниках, к сожалению, не фигурируют: вероятно, что попытка создания учебного заведения не получила своего продолжения.

В 1846 г. в местечке Пицунда для детей местного населения при Абхазском архимандритстве открывается духовная школа. Через шесть лет в селе Лыхны открывается духовное училище [5, с. 25]. В середине 1850-х гг. была учреждена школы в городе Сухум, где с успехом обучалось до сорока абхазских мальчиков, «предназначенных к поступлению в духовное звание или для должностей переводчиков» [40]. Однако в годы Крымской войны 1853–1856 гг. все эти учебные заведения были закрыты.

1 июня 1860 г. в Тифлисе было учреждено Общество восстановления православного христианства на Кавказе, важнейшей задачей которого определялось просвещение кавказских народов. В этой связи Общество отводило особую роль школам, открывавшимся при храмах и монастырях [41], учителями в них назначались носители как духовного сана, так и светского звания [14, с. 8]. Процесс просвещения мыслилось начать с окраин Кавказа, в том числе с Абхазии. Первоначально возможности Общества в этом крае были ограничены, и оно имело в своем распоряжении всего две школы в Самурзакане (Южная Абхазия)¹ – в селах Окум и Дихазурга.

Уже в 1861 г. Абхазская миссия ОВПХК предполагала открыть учебные заведения во всех благочиниях. Были составлены детальные правила для приходских школ, в кратчайшие сроки приобретались либо издавались на собственные средства учебные материалы и руководства, при этом особое внимание в которых уделялось организации соответствующих школьных помещений. К сожалению, эта идея не получила практического осуществления, деятельность по устройству школ на начальном этапе свелась лишь к собиранию средств.

В 1862 г. в пицундском укреплении располагалось военное подразделение, командир и солдаты которой сблизилась с жителями соседних деревень, «приучили ходить к себе на воскресные дни» абхазских детей. Во время подобных встреч подрастающие абхазы не только получали пищу и необходимую одежду, ко всему прочему они постигали основы русского языка и православного верования в виде христианских молитв. Подобные действия военнотружущих Общество не оставило без своего внимания: для поддержания благих начинаний миссия одновременно отпустила нижним чинам в награду по 100 рублей, а капитану роты Воронову объявила благодарность. Абхазского мальчика по фамилии Сузбаева (Сазба), показавшего

в обучении отменные способности, Абхазская миссия приняла за свой счет в Кутаисское училище [14, с. 8]. В 1864 г. занятия детей при пицундской роте прекратились.

В 1862–1863 гг. обучение детей проводилось только в Окумском двухклассном училище и в приходах Набакеви, Бедия, Чхортал, Гудава и Саберио, вероятнее всего, на дому у священников, что практиковалось и раньше. Судя по отчетам ОВПХК, обучался 71 человек, причем это были «дети самурзаканцев» [14, с. 16]. В 1864 г. в селе Тамыш у местного приходского священника постигали грамоту 4 мальчика [15, с. 20].

По предложению Совета Общества при горских приходах с 1864 г. учреждаются библиотечки, с этой целью на первое время в различные церкви было отослано 1655 экземпляров книг [15, с. 10].

В первые годы существования ОВПХК проверка подведомственных Обществу школ не осуществлялась. Впервые на территории Абхазии это произошло в 1864 г., инспекция показала следующее. В крае существовало всего 5 школьных зданий, и все – в Самурзакане. Строить учебные помещения на собственные средства местное население не имело возможности. В надлежащем состоянии оказалось лишь Окумское двухклассное училище. В других школах во время проведения экзамена были выявлены многочисленные недочеты: большинство учеников не умели ни читать, ни писать по-русски, некоторые из них механически заучивали на русском и грузинском языках тексты и молитвы, значения которых они абсолютно не понимали [15, с. 19].

Результатом поездки по абхазским приходам стал доклад инспектора, в котором он констатировал: «...Воспитанники и воспитанницы вместе обучались в маленьких и темных саклях священников. В некоторых местах ученики, за неимением дома, занимались под навесом, часто даже на дворе под деревом. Помещений под школы в Абхазии совсем не имеется» [17, с. 23]. Отсутствовала элементарная ученическая мебель. Процесс обучения в таких условиях представлялся простой формальностью, а его результаты были малопродуктивными, тем более что большинство

¹ Самурзакан (в пер. «владение Мурзакана») – область на юге Абхазии, в описываемый период представляла собой часть Кутаисской губернии между реками Ингуром и Гализгой, Черным морем и Сванетией. В настоящее время включает современный Гальский район, большую часть Ткварчельского района, несколько сел Очамчирского района (прим. ред.).

священников-учителей не имели специального образования, а следовательно, даже при большом желании мало что могли дать своим ученикам.

Таким образом, составители ежегодных Отчетов ОВПХК отмечали, что причины неудач в деле распространения грамотности среди абхазов заключались в следующем:

1) языки, на которых велось преподавание в школах, были совершенно непонятны ученикам;

2) подготовленность некоторых преподавателей не соответствовала предназначению учителя;

3) нормальное обучение не могло приносить результаты при отсутствии надлежащих учебных помещений, а также необходимых учебных материалов.

Несмотря на все трудности, инспектора и педагоги отмечали, что среди абхазских детей встречалось очень много способных учеников, которые стремились получить образование [15, с. 19].

На основе доклада и практических выводов из него Общество провело ряд мероприятий для усовершенствования школьного образования и увеличения числа школьных помещений в Абхазии.

Во всем регионе по смете Общества на 1865 г. было предусмотрено 11 штатных школ в селах: Окум, Илори, Тамыше, Адзюбже, Ацы, Лыхны, Бедия, Гудава, Дихазурга, Саберио вторая, Набакеви. В 1866 г. во всей Абхазии обучение детей проводилось уже в 14 селах (9 – Самурзакан и 5 – в остальной части Абхазии), число учащихся составляло 331 человек, из них – 49 девочек. Социальный состав детей: княжеские и дворянские – 170, духовенства – 15, крестьянские – 146. Как отмечал епископ Кирион, число учащихся в школах могло быть и большим, но этому не благоприятствовало и то обстоятельство, что часто одна школа была рассчитана на несколько сел, которые находились на довольно внушительном расстоянии друг от друга, и такое расположение отнюдь не способствовало привлечению учащихся в учебные заведения [11, с. 114].

В первые годы ощущался недостаток методических указаний для преподава-

ния в школах Общества, поэтому их работа во многом зависела от опыта и навыков учителей. К 1864 г. разработаны и опубликованы «Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [15, с. 55]. С этого момента была четко определена и зафиксирована документально цель учреждавшихся Обществом школ: распространение первоначальных знаний, а также религиозных и нравственных понятий и значений [15, с. 55]. Средний срок обучения в школах ОВПХК был различный, но начиная с 1870-х гг. и вплоть до преобразования их в церковно-приходские, он составлял четыре года. Обучение в школах было бесплатным. Контроль и надзор за учебными заведениями Общество возлагало на особого инспектора.

В школы ОВПХК на территории Абхазии принимались дети не младше семи лет с согласия родителей или родственников. В первые годы существования обучение шло на грузинском и русском языках. Абхазский был языком обучения в тех школах, где учащимися являлись абхазские дети. Основное внимание уделялось таким дисциплинам, как арифметика, литературное чтение на русском и абхазском языках, чистописание, священная история, церковное пение и краткий катехизис [15, с. 56].

В отчете Общества за 1865 г. указывалось, что в Окумской школе «трое учеников отлично говорят по-абхазски» [16, с. 39]. «Некоторые ученики как Окумской, так и других самурзаканских школ, знающие абхазский язык, выучились читать и писать по-абхазски и свободно рассказывать содержание статей, помещенных в абхазском букваре» [16, с. 22]. В остальной части Абхазии детьми также изучался абхазский язык.

Первым преподавателям в Абхазии доводилось жить и работать в неимоверно тяжелых условиях. Не вполне благоприятный климат, небогатое жалование, получаемое учителями, отсутствие надлежащих, пригодных для жизни помещений являлись «причиною многих страданий и тягостных лишений» [21, с. 26]. В отчете Общества за 1870 г. отмечалось, что положение учителей в Абхазии и в Самурзакане вызывало серьезное опа-

сение за их здоровье. Например, в документе указывалось, что одного учителя, расстроившего свое здоровье, необходимо перевести в приход с лучшими климатическими условиями [20, с. 42].

Однако, несмотря на все проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в процессе обучения детей, любовь к своему краю и беспредельная преданность делу просвещения народа даже со стороны людей, социальное положение которых давало им возможность жить спокойно и безбедно, рождало надежды, что эта деятельность в ближайшем будущем принесет свои положительные результаты, тем более что сами жители Абхазии к школе относились с большим уважением [20, с. 65]. Так, в 1865 г. во время ревизии в Окумской школе к инспектору Бакрадзе на экзамены пришли многие родители и родственники учащихся, чтобы лично посмотреть на успехи своих детей. При этом они высказывали свою искреннюю благодарность правительству и называли образование «истинным благодеянием» для подрастающего поколения и для себя [16, с. 38]. 30 сентября 1869 г. во время пребывания в Абхазии епископа Гавриила в селе Мазихуа калдахварский князь Александр Инал-ипа от имени жителей сельского района между реками Бзыбь и Мчишты обратился к нему с речью. Он заявил, что абхазы не хотят быть похожими на бесплодное дерево, а для этого нужно учиться, и выразил просьбу построить им школу и церковь [6, с. 69].

При организации учебного процесса в школах среди разноязычных жителей горных ущелий Общество на первых порах столкнулось с серьезной проблемой – необходимы были учителя, знающие местные языки, чтобы они в народных школах смогли донести свои знания до детей на родном и понятном для них языке. Для решения этой проблемы в 1866 г. на средства Общества в Тифлисе была основана Александровская учительская школа (преобразована в 1872 г. в учительский институт), основной задачей которой являлась подготовка образованных учителей для школ, находящихся в ведении ОВПХК [17, с. 36]. В 1866 г. в ней обучался один самурзаканец, а в 1875 г. выпускник Александровского

учительского института Коньков был назначен учителем в Окумскую школу [25, с. 57] [11, с. 113–114].

С открытием Александровской учительской школы Совет Общества возложил на ее директора обязанности обследования и управления всеми школами Общества, и в этот период ревизию учебных заведений проводил директор Николай Петрович Захаров и два учителя учительской школы. Уже в первых отчетах было отмечено, что многие из обследованных школ «существовали только номинально, ревизоры находили в них мальчиков, ничего не знающих и, нет сомнения, собранных только за несколько дней перед приходом ревизора» [20, с. 57].

По итогам инспекции и составленного Н. П. Захаровым отчета ни один из учителей таких школ не получил вознаграждения за свои «труды», которые не давали никакого результата, что отбило у них охоту поступать также и далее. В отчете за 1870 г. (в этом году школы были обревизованы два раза) директор Александровской учительской школы писал: «В настоящем году учителя школ, существующих на бумаге, не получившие содержание за свою воображаемую деятельность, не являлись к ревизорам с заявлениями о своих занятиях, убедившись в невозможности получать даром жалованье» [20, с. 67–68].

С 1869 г. школы Абхазской миссии ОВПХК начали работать по новой системе. Преподавание на первом этапе велось на родном языке, а затем постепенно осуществлялся переход к преподаванию по-русски, тем самым родному языку отводилась второстепенная роль [19, с. 18].

В 1870 г. сеть школ Общества претерпела значительные изменения, так как были приняты меры, направленные на улучшение качества школьного образования. Резко уменьшилось количество учебных заведений Общества: если в 1868 г. оно составляло 57, а в 1869 г. – 55, то к 1870 г. сократилось до 40. Впоследствии все, не имевшие отдельных помещений школы, занятия в которых проводились на дому у священников, были ликвидированы. Также, несмотря на наличие учащихся, были закрыты и те заведения, где отсутствовали соответственно подготовлен-

ные педагоги. Почти во все оставшиеся школы были назначены учителя, окончившие учительскую школу в Тифлисе. В результате проведенных мероприятий в Абхазии осталось лишь 6 школ: 5 имевших школьные здания и учебное оборудование в селах Окум, Дихазурга, Бедия, Саберии вторая и Гудава, кроме этих школ с осени 1870 г. начала работать в недостроенном еще здании школа в селе Лыхны. Количество учащихся сократилось до 174.

Таким образом, в 1870 г. начали работать только те школы, которые имели школьные здания, соответствующее учебное оборудование и учителей, получивших специальное педагогическое образование. В отчете за 1870 г. было указано, что в количественном отношении школы пострадали, но зато в качественном – выиграли.

Основное внимание в деле школьного строительства до 1871 г. Абхазская миссия сосредоточила на юге региона – Самурзакане, где к этому времени функционировали отмеченные выше 5 школ.

Большая заслуга в развитии школьного дела в Самурзакане принадлежит протоиерею Давиду Мачавариани. За свое старание и праведные труды в области воспитания и образования абхазов он завоевал себе авторитет и доверие самурзаканцев [5, с. 12]. За более чем тридцатилетнее служение «на поприще христианской проповеди в Абхазии и Самурзакане» в 1874 г. правительство пожаловало благочинному Д. Мачавариани 400 десятин земли в Цебельде [24, с. 29].

В начале 1870-х гг. в деятельности ОВПХК, относящейся к школьному строительству в Абхазии, первостепенное внимание стало уделяться укреплению материальной основы народного просвещения. В этой связи Абхазская миссия в 1870 г. ассигновала значительную сумму на постройку семи новых школьных зданий, увеличило жалование семейным учителям, назначило материальное поощрение преподавателям. Несмотря на то, что Общество, как отмечалось в отчетах, стремилось не ограничивать себя в средствах в вопросе развития школьной сети в крае, не все школы были оборудованы и обставлены так, как было необходимо [20, с. 37–38].

В 1871 г. открывается учебное заведение в селе Моква. В следующем году – новая школа в местечке Очамчира. Это прекрасное учебное здание было построено торговцем, выходцем из Турции Вортаном Буз-оглы и пользовалось «его попечением». Он также «пожертвовал сумму денег» на приобретение учебных пособий. Так как в школе уже обучалось 70 человек, но не все желающие были зачислены, меценат обязался увеличить школьное помещение [22, с. 41]. Благодаря активной деятельности преподавателя из «природных абхазцев» Григория Мелитоновича Эмухвари (Аимхаа) Очамчирская школа за полгода существования достигла больших успехов.

Впоследствии число учащихся в школах возросло до 308 человек. Началось строительство школьных зданий в селах Ачандара (завершено к осени 1874 г.), Члоу и Гуп.

Абхазская миссия ОВПХК продолжила открывать школы, расширяя географию их распространения по краю. Помимо Самурзакана и Абжуйской Абхазии¹, в селе Лыхны Бзыбской Абхазии² (северо-западной части территории) 15 января 1871 г. было открыто первое учебное заведение, принадлежавшее Обществу. Это было крайне необходимо, что отмечали как местные власти, так и инспектора общества. Школа располагалась в восстановленном каменном дворце бывших владельцев Абхазии из рода Чачба, помещение было большое и просторное, но сырое. Все 26 учеников, за исключением одного, являлись абхазами и, кроме одного мусульманина, исповедовали христианскую веру. В школе преподавались следующие дисциплины: арифметика, чистописание, пение, Закон Божий, черчение и русский язык [21, с. 68–71].

Еще до открытия образовательного учреждения, в небольшом помещении, в котором проживал педагог, собиралось несколько

¹ Абжуйская Абхазия (Абжуа) – историческая область Абхазии, занимает большую часть территории современного Очамчирского района, а также часть территории Ткуарчалского района, между реками Кодор и Охурей. Историческими центрами Абжуа являлись села Моква, Кутол и Члоу (прим. ред.).

² Бзыбская Абхазия (Бзыпын) – историческая область Абхазии, является преемницей княжества Абазгии. Расположена на территории современных Гагрского и Гудаутского района Абхазии, между Гагрской тесниной и рекой Гумиста, центром считалось село Лыхны (прим. ред.).

ко детей из абхазских семей. Он обучал их русскому, а сам учился у них абхазскому языку. Ко дню открытия школы ребята достаточно неплохо изъяснялись на русском, а учитель – на абхазском языке. В дальнейшем эти воспитанники участвовали в обучении других детей в статусе помощников учителя [21, с. 69]. Посетивший 27 апреля 1871 г. Лыхненскую школу наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич остался доволен как уровнем подготовки учащихся, так и преподавателем [21, с. 71]. Руководство школы с гордостью отмечало, что через год после ее основания мальчики, никогда не слышавшие русской речи, так преуспели, что могли отвечать на вопросы наместника по-русски и в заключение пропели русский гимн.

В результате ревизии 1872 г. Моквская, Лыхненская и Окумская школы были «найденны» в превосходном состоянии [22, с. 41]. В 1874 г. в начале учебного года в Лыхненскую школу учителем был назначен Г. Гогоберидзе. Осознав, что несистематическое посещение учениками школы составляет «одну из главных помех успешного хода обучения», он стал лично объезжать население окрестных абхазских сел, посещая каждую семью и рассчитывая, что ему удастся убедить родителей в необходимости устройства при Лыхненской школе приюта для их детей. Личное участие в реализации планов преподавателя принял глава Гудаутского участка, капитан Игнатович. Идея была одобрена родителями, которые согласились «поместить своих детей» в создаваемый при школе приют. Абхазские семьи за свои средства устроили спальные места для учеников, оснастили их «постелями и всем необходимым и обязались доставлять им продовольствие». Нужную мебель соорудил педагог и приобрел на личные сбережения лампы для освещения. В результате приют для детей при Лыхненской школе начал функционировать в ноябре 1874 г. [24, с. 57–58]. Число учеников, живших в нем, составляло 30 человек. За достаточно короткий промежуток времени после открытия инспектор в своем отчете констатировал, что отмечается большая разница между детьми, проживавшими в школьном приюте, и учениками иных школ. Постоянный контроль,

забота со стороны учителя, дежурство ребят, регулярные занятия – все это обеспечило существенные успехи учащихся и действовало «в высшей степени благотворно и на весь характер детей» [24, с. 58]. В 1875 г. для Лыхненской школы Сухумским отделом была выделена сумма в 250 рублей на увеличение помещения, состоявшего из кухни, кладовой и столовой [25, с. 561].

О Лыхненской школе и о тяге населения села к знаниям так писал Н. Лихачев: «В той же деревне жители до такой степени были рады успехам детей в школе, что когда учитель заявил, что детям далеко ходить из домов в школу, то родители выбрали особый дом и поместили на общий счет всех детей жить в этом дом, – вышел импровизированный пансион. Его Императорское Высочество Великий Князь Наместник видел этот пансион, и учитель получил за это дело Высочайшую награду – золотые часы» [13, с. 2] [25, с. 42].

Организация такого пансиона силами самого населения показывает, как высоко абхазы ценили образование, как они стремились сделать своих детей грамотными, не считаясь с материальными затратами. В дальнейшем такие приюты были построены в ряде сел, в частности Окум, Бедия, Саберио, но нигде, кроме Лыхны, они не успели начать свою работу.

Светская и духовная администрация Абхазии также отмечала особую важность Лыхненской школы, так как территориально она располагалась в центре обширнейшей абхазской равнины и была доступной для многих жителей близлежащих сел. В 1876 г. при школе планировалось открыть ремесленный класс. На территории Абхазии находилось очень много лесов, поэтому изучение столярного ремесла непосредственно отвечало «местным потребностям населения» [25, с. 56–57].

Большую заботу об открытии и деятельности школы в селе Лыхны проявил И. Гегиа, который в 60–70-х гг. XIX в. являлся переводчиком и священником в этом селе. Он был одним из составителей абхазского букваря 1865 г. и участником перевода на язык абхазов «Краткой священной истории» (из фо-

лианта «Доброе чтение православным»), изданной в Тифлисе в 1866 г. А. Н. Введенский отзывался о нем как «о природном абхазце, говорившем с прихожанами на их родном языке» [2]. И. Гегиа помимо родного абхазского языка владел в совершенстве грузинским, русским и мегрельским, не раз сопровождал епископа Имеретинского, преосвященного Гавриила в его поездках по Абхазии в качестве переводчика. В 1868 г. при посещении Лыхненского прихода епископ Гавриил отмечал, что речь его с грузинского языка переводил на абхазский священник этого прихода И. Гегиа, абхаз и уроженец села Лыхны. Как признавались многие абхазы, он переводил очень доступно, они сами не ожидали, что на родном для них языке возможно так хорошо и понятно передавать мысли православной веры [18, с. 8].

С начала войны между Россией и Турцией в 1877–1878 гг. И. Гегиа в течение трех месяцев скрывался от врагов, но все же 5 августа 1877 г. его схватили и задушили за то, что он родом абхаз, имея немало родных и знакомых среди дворян, решил остаться в своем приходе и пропагандировать прихожанам идеи верности русскому правительству [27, с. 11]. Епископ Гавриил в связи с его гибелью писал: «Смерть его тем более была прискорбна, что он служил отличнейшим переводчиком на абхазский и мегрельский языки, да и был весьма честный и благочестивый человек» [27, с. 11].

В 1873 г. Кавказский учебный округ провел кадровую реорганизацию. При управлении была учреждена должность инспектора училищ ОВПХК. В его ведение вошел и надзор за частью народных училищ, расположенных в том числе и в Абхазии. Жалование инспектора составляло 900 рублей и 300 рублей квартирных, в общей сложности 1200 рублей, с присвоением ему VI класса по должности и права на пенсию. На эту должность был назначен преподаватель Александровского учительского института, кандидат Московского университета С. Стрелецкий [23, с. 33].

В отчете по Сухумскому отделу за 1873 г. он отмечал, что у местных детей просматривалось большое стремление к образованию, несмотря на то, что иногда одно село от дру-

го разделяло не менее пятнадцати верст. Лесистый горный край по окончании проливного дождя превращался в сплошные джунгли, необычайное обилие разливающихся мелких горных речек – все это создавало серьезные препятствия. Непогода в Абхазии могла продолжаться не одну неделю. Иногда ученикам на пути примерно трех километров приходилось преодолевать более пяти речушек, через которые и в ясную погоду переправиться ребенку не так легко. А в зимнее время года, в мороз, дети, одетые зачастую лишь в одну черкеску, так как другой одежды просто не имелось, одолевали расстояния почти в одиннадцать километров. Желание этих «детей гор» учиться и их великолепное здоровье, позволяющее за день осилить подобные расстояния, поражали инспектора. «Как же велика должна быть любовь детей к школе, если они, несмотря на все это, все-таки с охотой бегут в нее, и настоящий отчет, – писал С. Стрелецкий, – не может указать почти ни одного случая, чтобы дети пропускали уроки или вовсе оставили школу по собственной воле» [23, с. 46–47].

Анализируя сложившуюся ситуацию, инспектор пришел к выводу, что «такая привязанность детей к школе обязывает Общество» срочно начать строительство приютов, где ученики могли бы находиться «под постоянным присмотром учителя» и, следовательно, «очень много успевать», там они «быстро выучатся по-русски и еще более подчинятся воспитательному влиянию учителя» [23, с. 48].

Лучшей школой по окончании ревизии была признана Окумская двухклассная мужская школа во главе с учителем Иоселиани, который «ведет преподавание совершенно правильно и с хорошими успехами». Для того чтобы местное население смогло познакомиться с новейшими сельскохозяйственными орудиями, педагог рассматривал возможности увеличения количества занятий, посвященных вопросам этой отрасли на вверенном ему преподавательском участке [23, с. 53].

Также за свои успехи были отмечены такие школы, как Очамчирская, где преподавал Г. М. Эмухвари (Аимхаа), а законоучителем являлся Берзенов, и школа в селе Бедия, «совершенно пересозданная учителем Г. Ф. Шервашидзе (Чачба), успевшим, благодаря своему

влианию на жителей, увеличить и самое число учеников» [23, с. 54].

В 1874 г., желая лично ознакомиться с характером школ Общества, их посетили управляющий делами Совета Общества, генерал-майор, князь С. Н. Трубецкой и начальник Кавказского горского управления, генерал-майор В. А. Франкини. Осмотрев насколько абхазских школ в селах Окум, Бедия и местечке Очамчира, «высокое начальство» отметило работу педагогов и успехи учащихся, и вообще «весь характер школ» произвел на них «особенно приятное впечатление», а генерал-майор отдельно обратил внимание на успехи Лыхненской школы [24, с. 34]. Подобные достижения и оценки подвигли Абхазскую миссию ОВПХК на строительство двух школ: каменной в селе Гуп и деревянной в селе Члоу [24, с. 57–40].

Принимая во внимание положительный пример Лыхненской школы, в 1875 г. глава Сухумского отдела предложил жителям абхазских деревень открыть при всех школах приюты при материальном содействии населения. Эта идея была принята «сочувственно» и вскоре реализована в нескольких учебных заведениях Общества. Уже на следующий год власти Сухумского отдела открыли при абхазских школах пять приютов, но из-за осложнившейся политической обстановки в крае этот проект не получил дальнейшего распространения [25, с. 25].

Отмечая успехи учащихся абхазских школ, Общество предоставляло возможность наиболее способным детям получить образование не только в Абхазии, но и за ее пределами. Так, в 1870 г. в Александровской учительской семинарии обучалось пятеро выходцев из Абхазии, в следующем году начали обучение еще четверо. В 1871 г. Общество «воспитывало» в Тифлисской и Кавказской духовных семинариях, а также в Тифлиском и Кутаисском училищах шестерых абхазов [21, с. 25]. В 1873 г. было решено учредить при Ставропольской духовной семинарии пять стипендий Общества для абхазских детей. «Мера эта имеет ту практическую выгоду, что нет уже никакой надобности преподавать детям абхазский язык... а между тем они, ознакомившись с богословскими науками в семинарии,

усвоят вполне русский язык, что даст им возможность отправлять в своих церквях богослужение на славянском языке, с объяснением его на абхазском» [23, с. 27]. В 1874 г. еще пятеро абхазов обучались на средства Общества в различных учебных заведениях России [24, с. 30].

Огромную помощь Абхазии в подготовке первых педагогических кадров оказали – Александровская учительская школа, Тифлисская и Ставропольская духовные семинарии, Закавказская и Хонская учительские семинарии. Приобретая специальности в этих и других образовательных учреждениях, молодые абхазы возвращались в свое отечество, где многие из них продолжили трудиться в школах, передавая подрастающему поколению полученные знания. За относительно небольшое время, являясь носителями нескольких языков, учителя-абхазы добивались великолепных результатов. Это Григорий Аимхаа (Эмухвари), Григорий Чачба (Шервашидзе), Виссарион Инал-ипа, Алексей Аимхаа (Эмухвари), Фома Эшба и другие. Некоторых из них поощрялись материально.

В 1875 г. Абхазская миссия Общества открыла новую школу в стенах Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря, куда на иждивение храма поступило 20 воспитанников. Педагогу помимо выплачиваемого жалования предоставлялось и монастырское продовольствие. При школе были разбиты виноградник и огород, а также фруктовый сад [26, с. 23], некоторые деревья которого можно увидеть и в наши дни. На протяжении всего периода существования школа в Новом Афоне по организации процесса обучения являлась одной из лучших, а наличие пансиона способствовало тому, что контингент учащихся был постоянным.

Таким образом, к концу 1876 г. сеть школ в Абхазии была не только восстановлена, но и работала на более прочной учебной и материальной основе.

К середине 1870-х гг. назрела необходимость обсуждения ряда вопросов, накопившихся в системе школьного образования Абхазии. В период с 21 по 29 марта 1876 г. в стенах сухумской Горской школы Общество восстановления православного христианства

на Кавказе проводит первый съезд педагогов Сухумского отдела под председательством инспектора школ. Вопросы просвещения Абхазии волновали не только учителей, но и представителей местных органов власти, поэтому на нем присутствовал и глава Очамчирского округа. Работа съезда проходила по следующему плану. Каждый учитель давал показательный урок в присутствии своих коллег, затем проводились тщательные разборы этих уроков, далее съезд заслушивал доклады педагогов о положении в их учебных заведениях и проходило обсуждение состояния сельских школ [26, с. 19–20].

Съезды учителей Абхазии, на которых преподаватели могли обмениваться опытом, предполагалось проводить каждый год. Однако русско-турецкая война 1877–1878 гг. помешала осуществлению как этого, так и многих других культурных начинаний.

После завершения войны прикладывались большие усилия по восстановлению разрушенных школ и сооружению новых учебных помещений. 11 ноября 1878 г. в Сухуме начальник Горского Управления генерал А. В. Комаров провел совещание, в котором участвовали: начальник Сухумского отдела, полковник П. И. Аракин, правитель канцелярии отдела Ю. П. Проценко, начальник сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский, начальник Пицундского округа, господин Александрович, чиновник особых поручений при Горском Управлении Г. А. Вейденбаум, благочинный Абхазских и Самурзаканских церквей протоиерей Мачавариани и инспектора школ Общества. По его итогам было принято решение «испросить пособие со стороны» ОВПХК в сумме 400 рублей на развитие школ, а также возвести новые школьные помещения в Гудауте, Очамчире и селе Члоу [28, с. 17]. В отчете Общества за 1878 г. отмечалось, что Гупская школа до сих пор нуждается в ремонте окон и мебели, пострадавших во время войны.

Несмотря на тяготы послевоенного времени, во многих школах учебный процесс продолжался и довольно успешно. С декабря 1877 г. начались занятия в селах Гудава и Бедия. В селе Саберио преподаватель старался дать как можно больше знаний, выходя за рамки школьного курса. Особенно хорошо

шелось пение и письмо. Большой проблемой являлось «неаккуратное» посещение учащимися занятий, что предполагалось устранить скорейшим открытием приюта при школе.

16 марта 1878 г. руководство Сухумского округа посетило школу в селе Дихазурга, в которой преподавал абхаз Григорий Эмухвари. Здесь были собраны ученики нескольких школ Самурзакана. Начальник Сухумского отдела остался доволен итогами проведенного экзамена и «выдал из собственности, каждому по 20 копеек на лакомства», выделив в целом школе 10 рублей на учебные пособия. Кроме того, «примеру начальника последовал и правитель канцелярии Сухумского отдела, Ю. П. Проценко, пожертвовавший при этом на нужды школы 10 руб.» [28, с. 18–19].

Занятия в Ново-Афонской и Окумской школах были возобновлены с 1879 г. [31, с. 94].

С 1885 г. Общество восстановления православного христианства на Кавказе передается под начало Святейшего Синода. Управление школами возлагается на Имеретинский епархиальный училищный совет, состоящий при Училищном совете Святейшего Синода. С переходом Общества в духовное ведомство все школы, находившиеся на его содержании, получают наименование церковно-приходских, таким образом, «весь порядок внутренней жизни и обучения в школах Общества был введен во всем согласно правилам, Высочайше утвержденным 13 июля 1884 г., программам, утвержденным Святейшим Синодом, и учебному плану церковно-приходских школ Грузинского Экзархата» [30, с. 31–32].

Проведя в 1887 г. ревизию после введения новых программ, инспектор внес в Совет Общества предложение об устройстве съезда учителей. Свое представление ревизор мотивировал тем, что большинство педагогов за многолетний труд накопили большой опыт в преподавательской деятельности, который полезно было бы передать молодым учителям. Уровень научной подготовки и степень нравственного развития учителей, стоящих на службе Общества, были не одинаковыми. Некоторые преподаватели, не обладавшие необходимыми педагогическими навыками, но проявляющие значительное старание в своей деятельности, не имели представле-

ния, где бы они могли получить новые знания об усовершенствованных формах, методах и приемах ведения образовательного процесса [29, с. 42–43].

Внимательно изучив отчет инспектора, Совет Общества посчитал необходимым созвать учительский съезд, впоследствии состоявшийся на территории Северной Осетии в селе Салугардан (современный Алагир) в июне 1888 г. Делегатами рассматривались проблемы внутренней организации школ ОВПХК.

В 1887 г. Преосвященный епископ Сухумский Геннадий совершил очередную поездку по своей епархии. Отмечая некоторые успехи, достигнутые в просвещении местного населения, он все же отмечал, что пока не будет открыто специальное учебное заведение, готовящее священнослужителей и педагогов из абхазов, невозможно ожидать серьезных изменений ни в нравственном, ни в материальном положении жителей этого края [29, с. 28–29].

Необходимость открытия в Абхазии духовного училища осознавал и Совет Общества. Его основной целью должна была стать подготовка священнослужителей и учителей для Абхазии и Самурзакана «из ее же родных сынов» [39, с. 19]. Предполагалось, что Абхазское духовное училище будет располагаться в городе Сухум и находиться под контролем и наблюдением Преосвященного Епископа Сухумского. Так как Общество не в состоянии полностью содержать это учебное заведение за свой счет, оно ходатайствовало о принятии училища «на средства Правительства» [29, с. 30–31]. Планировалось, что в училище помимо местных смогут обучаться и дети, которым по состоянию здоровья придется жить в городе Сухум. На тот момент здесь не имелось никаких средних профессиональных образовательных учреждений, а по своим климатическим характеристикам, как отмечали многие известные исследователи, в зимний период Сухум мог заменить Ниццу для тех, кто страдал грудным заболеванием [29, с. 32].

24 сентября 1888 г. император Александр III с семьей посетил Ново-Афонскую школу и остался доволен учениками, среди которых было только двое русских, а осталь-

ные абхазы (в 1889 г. в школе обучалось 23 ученика). Большое внимание нуждам школы уделяли настоятель монастыря Иерон и его братия, имелась хорошая библиотека, а учащиеся и педагоги обеспечены наилучшими учебными пособиями.

В Ново-Афонской школе были организованы и профессиональные отделения по пчеловодству, садоводству, огородничеству, столлярному, переплетному, сапожному и ремесленному делу. Многочисленные посетители этого учебного заведения отмечали, что знакомство с различными отраслями сельского хозяйства поставлено здесь образцово благодаря деятельности священников, получивших специальное сельскохозяйственное образование [33, с. 61]. Так, уже в 1890-х гг. на одной из Кавказских сельскохозяйственных выставок знатоки отметили успехи, достигнутые в деле культивирования лимонных деревьев. В отчете Совета Общества по этому поводу говорилось: «Если принять во внимание все благоприятные в Абхазии условия для разведения даже самых нежных южных растений, так высоко ценящихся в Западной Европе... нельзя не признать, что вышеуказанное мероприятие принесет местному краю неоспоримо громадную пользу, ознакомив местное население при помощи и посредстве учащихся в Ново-Афонской школе с научными приемами культурного насаждения» [33, с. 62].

Духовное ведомство пришло к заключению, что организация профессиональных отделений при школах благотворно повлияет на развитие крестьянского населения Абхазии, поэтому аналогичные отделения были открыты в других учебных заведениях края. По шелководству, садоводству, огородничеству профессиональные отделения функционировали в Гудауте и Гали, по пчеловодству и некоторым другим видам хозяйственной деятельности – в школе села Бедия.

В апреле 1890 г. второй инспектор школ Общества архимандрит Амвросий после поездки по Абхазии докладывал Высокопреосвященному председателю Общества, что необходимо по всей Абхазии открыть 5–6 школ и одно четырехклассное училище. Принимая во внимание местные условия и религиозно-нравственное состояние на-

селения, он считал «крайне необходимым» иметь Обществу хотя бы одну школу в Бзыбской части Абхазии и именно в селе Лыхны. Отслужив обедню в местной церкви, инспектор предложил собравшемуся народу перестроить и расширить то, что осталось от старой школы. Жители выразили благодарность и приняли предложение единогласно, затем обратились к Гудаутскому участковому начальству для оказания содействия в решении данного вопроса. Архимандрит Амвросий внес предложение в Совет о назначении в школу села Лыхны законоучителем работавшего в народной школе священнослужителя Иосифа Лакербая (Лакрба), а учителем Кодратия Толорая (впоследствии это предложение было принято). Уже в июле начальник Гудаутского участка Кара-Мурза сообщал, что жители Лыхненской общины собрали 140 рублей, которых вполне достаточно для постройки двух комнат под школу.

Завершив осмотр учебных заведений Самурзакана, инспектор настаивал на необходимости скорейшего восстановления школы в селе Саберио, о чем убедительно просил его представитель местной общины, насчитывавшей более 600 дворов, генерал-майор, князь Зураб Манучарович Чхотуа. Все расходы по ее строительству князь брал на себя. После принятой Советом резолюции о постройке школы община села уже летом того же года приступила к возведению нового школьного здания. Общество утвердило кандидатуры Пармена Парейшвили на должность законоучителя, а Виссариона Эмухвари (Эмхаа) на должность учителя [38, с. 5–7].

Как отмечал первый ученый-педагог, осветивший историю становления и развития дореволюционной и советской школы Абхазии, А. П. Дудко, Общество полностью восстановило свою прежнюю сеть школ в Абхазии и продолжало их содержать за свой счет вплоть до установления советской власти в крае [7, с. 133].

С 1892 по 1899 гг. школы Общества были подчинены Сухумскому епархиальному училищному совету. До 1902 г. ОВПХК имело свой штат инспекторов-миссионеров, которые не подчинялись епархиальному училищному совету, самостоятельно ревизировали школы

и отчитывались о своей работе перед Советом Общества.

В 1896 г. принимаются положения об управлении церковно-приходскими школами, что позволило создать более слаженную систему управления учебными заведениями. Инспекция школ возлагалась на епархиального наблюдателя. Ревизия осуществлялась два раза в год. По итогам проверок инспектора школ составляли отчеты, в которых большое внимание уделяли вопросам подготовки педагогического состава, методикам обучения, обеспеченности учебных заведений необходимой учебной литературой, а также вопросам постановки учебно-воспитательного процесса. В 1898 г. во всех школах на основании указаний Училищного совета Синода были образованы школьные Советы во главе с местным священником, членами Совета являлись учитель, попечитель, сельский старшина и выборный представитель от сельского общества.

Как уже отмечалось выше, Общество восстановления православного христианства на Кавказе содержало церковно-приходские школы на свои средства. Первостатейными расходами являлись выплата жалования учителям, возведение и ремонт школьных помещений, содержание учащихся. Например, в 1892 г. Общество потратило на учебную часть 48867 руб. 73 коп. [32, с. 108]. Посильную помощь Абхазской миссии оказывало и местное население. «Прихожане относились к школам с полным сочувствием. Они всегда с готовностью принимают на себя посильные расходы на содержание школ» [32, с. 108].

Существенную помощь церковно-приходским школам оказывали попечители и попечительские советы. Так, как уже выше было сказано, в селе Саберио основателем и попечителем местной школы являлся князь З. М. Чхотуа, принимавший активнейшее участие в делах учебного заведения [32, с. 195]. В селе Гуп по инициативе князя М. Маршаниа была сооружена новая школа, он содействовал ее оснащению и благоустройству [30, с. 257]. Материальную поддержку школе в селе Окум оказывали братья Эристо и Чагу Аимхаа (Эмухвари), уважаемые люди, участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награжденные орденами и медалями.

В конце 1890-х гг. Совет ОВПХК принимает постановление по управлению находящимися в его ведении школами Сухумской епархии. Для улучшения учебно-воспитательного процесса и контроля учебные заведения были переведены под начало определенного для этой епархии миссионера-инспектора – священнослужителя о. Тарасия Иваницкого [33, с. 91]. Ознакомившись с положением дел, он обратил внимание на то, что как обучение, так и богослужение среди абхазов велось на непонятных для многих из них языках (русский либо грузинский). Миссионер распорядился выписать со складов Совета Общества необходимую богослужебную литературу и учебные пособия, в первую очередь священную историю ветхого и нового завета и абхазский букварь. К тому же Совет Общества рекомендовал «вменить в обязанность учителям абхазских школ заставлять читать учеников во время литургии 9 блаженств на абхазском языке, а если представится возможность, и петь» [33, с. 287]. По инициативе Т. Иваницкого в Абхазию была перенесена из Закатальского округа «противомусульманская библиотека» [33, с. 113]. По итогам завершившегося учебного года по предложению инспектора в Казанскую Учительскую семинарию для продолжения обучения были определены на полное казенное обеспечение два абхазских ученика, успешно завершивших курс в Ново-Афонской школе.

Тарасий Иваницкий полагал, что улучшить просветительскую деятельность в крае возможно применив систему, разработанную Н. И. Ильминским. Важнейшими ее мероприятиями определялись следующие – преподавание в школах Закона Божия, чтение и пение переводов священных книг на родном языке, причем учитель обязан был свободно и основательно владеть языком учащихся. Церковные богослужения необходимо исполнять на понятном для народа языке. Кроме того, он считал, что для замещения вакантных священнических мест нужно привлекать личности, которые имели полное семинарское образование, и таким образом постепенно поднимать образовательный уровень абхазского духовенства [33, с. 113–117].

Однако не все деятели русской православной церкви придерживались таких взгля-

дов. Некоторые священнослужители считали, что родной язык может мешать распространению русского языка, они доказывали, что абхазы уже начинают понимать русский язык и, стало быть, переводы священно-богослужебных книг на абхазский язык излишни. На это миссионер Т. Иваницкий замечал: «Чтобы убедиться в ложности этой мысли, стоит пожить несколько дней в любом абхазском селе или для опыта вызвать людей для допроса, истина о незнании абхазами русского языка будет очевидна» [33, с. 117].

В 1908 г. начальное обучение детей в учебных заведениях Абхазской миссии Общества осуществлялось на родном для них абхазском языке [35, с. 62]. В этот же период интенсивно продвигалась работа комиссии по переводу на абхазский язык Священного писания и многих других богослужебных книг. Все это, конечно же, способствовало повышению интереса у местного населения к школьному делу [34, с. 78]. Теперь учебные заведения прилежно посещали дети не только из христианских семей, но и из мусульманских [36, с. 32]. В среднем на каждую школу приходилось по 49 учащихся.

Несмотря на укрепление и развитие школьного дела в Абхазии, условия, в которых находились учебные заведения в конце XIX – начале XX вв., были неудовлетворительными. Основными причинами подобного положения оставались все те же: крайняя бедность населения, малочисленность сел, большое расстояние между ними, недостаточное количество высококвалифицированных педагогов. Многим учебным помещениям был необходим обстоятельный ремонт, но отпускаемых средств на школьные нужды было явно недостаточно.

В южной Абхазии, в Самурзакане, положение школ было несколько лучше, чем в других частях края. Функционировало вдвое больше учебных заведений, чем на Гудаутском и Кодорском участках. В отчете ОВПХК за 1906–1907 гг. отмечалось, что при правильном воспитании и обучении «детей в школах и при некотором содействии им по окончании школ, всегда возможном по отношению к способнейшим детям, школы Общества положат прочный фундамент для правильного христианского просвещения народа... Такая

задача уже выполнена успешно школами Общества в Самурзакане. Теперь надлежит крайняя необходимость оказать содействие... северной Абхазии, именно здесь должна быть сосредоточена проповедь церковная, проповедь и просвещение школьное» [34, с. 78].

В отчете за 1911 г. также отмечалось неравномерное распределение школьных заведений в Абхазии и предлагалось направить отпускаемые Обществом средства на поддержание школьного дела и просвещения северной части Абхазии, которая признавалась «более чем какая-либо иная на Кавказе, нуждающаяся в восстановлении христианства» [36, с. 63]. Такого же мнения придерживался и окружной наблюдатель Экзархата протоиерей М. Пашкевич, который предлагал Совету Общества переориентировать деятельность с юга на север Сухумской епархии и увеличить число школ на Гудаутском и Кодорском участках. Для начала он рекомендовал открыть хотя бы три школы в селах Абгархук, Гуп и Ахуц [36, с. 64].

Итак, в рассмотренный период Обществу восстановления православного христианства на Кавказе удалось создать в Абхазии сеть школ для обучения детей преимущественно младшего возраста, при этом сами учебные заведения, включенные в нее, действовали в основном при церковных приходах в крупных населенных пунктах. Социально-политические условия, в которых реализовывалось формирование и развитие этой сети, были в целом благоприятны: власти охотно содействовали инициативам Общества, будучи заинтересованы в достижении целей вовлечения абхазов в орбиту культурного влияния империи, а местное население, желавшее видеть своих детей грамотными, оказывало школам и учителям посильную (и иногда довольно весомую) поддержку. Школьное строительство достаточно быстро приняло контролируемый характер, поскольку состояние школ регулярно отслеживалось посредством систематических инспекций, проводившихся уполномоченными лицами. Немаловажным фактором стабильного развития школьного образования стало то, что ОВПХК способствовало использованию единых методик преподавания, нередко популя-

ризируя примеры успешного опыта отдельных педагогов.

Между тем процесс школьного строительства в Абхазии не всегда проходил гладко, однако имевшиеся проблемы носили вполне объективный характер: удаленность школ друг от друга и недостаток учительских кадров были факторами, препятствовавшими увеличению количества учеников и отчасти самих школ. Решение первой проблемы достигалось за счет организации при школах приютов (пансионатов) для детей из отдаленных сел, хотя широкого распространения эта практика, к сожалению, не получила. Кадровая проблема нивелировалась посредством командирования способных лиц для обучения учительской профессии за пределами Абхазии, а позднее – организацией обучения собственных педагогических кадров.

Сами же учителя, в подавляющем большинстве своем являвшиеся лицами духовного звания, зачастую прилагали колоссальные усилия для того, чтобы должным образом наладить школьную жизнь, порой преодолевая бытовые неудобства и тяготы, и добивались педагогических успехов. Проведение учительских съездов (пусть и редких) свидетельствовало о начале формирования национального педагогического сообщества.

Кроме того, следует отметить общую устойчивость школьной сети Абхазии, которую не смогли поколебать даже разрушительные события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., что свидетельствует о сформировавшемся стабильном запросе абхазского общества на образование, становившееся одной из движущих сил грядущей модернизации.

Процесс школьного строительства и развития сети школ, действовавших в Абхазии под эгидой ОВПХК, разворачивался в ходе четырех этапов:

I этап (начальный) – с 1860 (основание Общества и первые шаги в направлении организации школьной сети) до 1870 гг. (реформа, после которой школьная сеть была оптимизирована). Предпосылки этого этапа были заложены в предыдущие десятилетия, когда в Абхазии открывались единичные школы и духовные училища, прекратившие работу после Крымской войны. В целом этап

характеризуется значительным количеством учебных заведений, существовавших, однако, в большинстве случаев лишь «на бумаге», поскольку обучение в них фактически не проводилось, хотя местное духовенство регулярно получало субсидии для обеспечения учебной деятельности.

II этап (совершенствование и укрепление школьной сети) – с 1870 до 1878 гг. (начало русско-турецкой войны) – характеризовался сокращением количества школ, за которым последовали существенные качественные улучшения: обязательным стало наличие обособленного школьного здания и учебного оборудования, учителей со специальным педагогическим образованием и др. Был получен позитивный опыт организации при школах пансионатов для детей силами местного населения, деятельность многих абхазских учителей получала высокую оценку со стороны общества, государства и церкви. Довольно много уроженцев Абхазии прошло подготовку в учительских школах и семинариях за пределами региона. В завершение этапа был проведен съезд абхазских педагогов.

III этап (восстановление школьной сети) – с 1878 (окончание русско-турецкой войны) до 1892 гг. (подчинение школ Общества Сухумскому епархиальному училищному совету) – включил деятельность Общества по ликвидации последствий разрушительных военных действий на территории Абха-

зии: здания школ восстанавливались или же взамен старых возводились новые. Вводится в действие официальный порядок внутренней жизни школ Общества и учебные программы, утвержденные Синодом, при школах успешно действуют профессиональные отделения. Для организации обмена педагогическим опытом под эгидой ОВПХК проводится съезд учителей Абхазии.

IV этап (устойчивое развитие сети школ) – с 1892 по 1917 гг. – абхазские школы получают статус церковно-приходских, при них образуются школьные Советы, активизируется деятельность попечителей и попечительских советов, преподавание многих предметов осуществляется на родном (абхазском) языке, школьным образованием охватываются дети не только православных христиан, но и мусульман.

Школы Абхазской миссии ОВПХК сыграли важную роль в деле распространения грамотности среди местного населения, так как долгое время именно они были единственными учебными заведениями в крае. Церковно-приходские, а тем более министерские школы возникли значительно позже, и долгое время все дело народного образования в Абхазии находилось в руках Общества [7, с. 25]. Школы как источник просвещения сыграли существенную роль в народном образовании, воспитании абхазской интеллигенции и повышении уровня культуры населения всего края.

Adgur L. TSIMTSBA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation,
foma1998@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9466-3408

***Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity
in the Caucasus in the Field of School Construction in Abkhazia
(Mid-19th – Early 20th Centuries)***

Abstract. The study identifies the main directions and stages of school education organizing in pre-Soviet Abkhazia that are associated with the activities of the Abkhaz mission of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus (SROCC) in the mid-19th – early 20th centuries. As research materials, the reports of the Society, archival sources, the acts of the Caucasian Archaeographic Commission were analyzed; works of pre-revolutionary, Soviet, Abkhaz and modern Russian researchers concerning this problem were considered. The representativeness of the analysis of

the processes of school construction in pre-Soviet Abkhazia is ensured through the use of comparative-historical, concrete-historical, historical-descriptive and diachronic methods. The factography of the formation and development of the SROCC school network has been established and studied, the problems of school construction have been identified, and the activities of talented teachers have been characterized. The sociopolitical conditions in which the school network functioned are described, and an assessment of these conditions is given. The importance of public initiatives and state support in the forming of a network of Abkhaz schools is shown; ways of solving the problem of shortage of teaching staff are revealed. The importance of using unified teaching methods in the Society's schools and the facts of popularizing the successful experience of individual teachers are revealed. The importance of teaching in the native (Abkhaz) language is reflected in the aspect of increasing the interest of students and the local population in school education. Activities of professional departments at schools, which gave students craft skills, are characterized. The influence of teachers' congresses on the development of school education in the region is determined. The restoration of Abkhaz schools after the devastating events of the Russian-Turkish war of 1877–1878 has been studied. It has been determined that for a long time the whole matter of public education in Abkhazia was actually concentrated in the hands of the SROCC. As a result of the study, the author develops a periodization of the process of forming a network of schools operating in Abkhazia under the auspices of the SROCC, and identifies four stages of this process. The author concludes that, during the described period, schools were sources of public education and played an important role in the spread of literacy and culture in the region.

Keywords: Abkhazia, Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, primary education, school construction, school network, education, writing, clergy.

Использованная литература:

1. Блейх Н. О. Образовательная миссия общества по восстановлению православного христианства на Северном Кавказе (XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 26–39.
2. Введенский А. Н. Письма из Абхазии // Кавказ. 1877. № 222. 3 нояб. С. 1.
3. Волхонский М. А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 105–126. DOI 10.31857/S086956870007390-0.
4. Гергедава Р. Б. Роль Общества восстановления православия на Кавказе в процессе просвещения Абхазии во второй половине XIX века // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 1 (11). С. 209–214.
5. Дзидзария Г. А. Лыхны. Сухуми: Алашара, 1986.
6. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1976.
7. Дудко А. П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии: (1851–1917 гг.). Сухум: Абгосиздат, 1956.
8. Зельницкая Р. Ш. Просветительская политика Российской империи в Абхазии в конце XIX – начале XX в. // Кавказология: электронный журнал. 2019. № 1. С. 87–94. DOI 10.31143/2542-212X-2019-1-87-94.
9. Иоселиани И. Мнение протопопа Иоанна Иоселиани о лучшем способе вести в Абхазии христианство и просвещение, от 26 ноября 1810 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского 1875. С. 850–851.

References:

1. Bleykh, N.O. (2020) Society Educational Mission to Restore Orthodox Christianity in the North Caucasus (XIX Century). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 12 (2). pp. 26–39. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-2-26-39
2. Vvedenskiy, A.N. (1877) Pis'ma iz Abkhazii [Letters From Abkhazia]. *Kavkaz*. 3 November. 222. p. 1.
3. Volkhonskiy, M.A. (2019) Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus: Between Missionary Work and Civilization (1860–1885). *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 105–126. (In Russian). DOI: 10.31857/S086956870007390-0
4. Gergedava, R.B. (2019) The Role of the Society of Restoration of Orthodoxy in the Caucasus in the Process of Education of Abkhazia in the Second Half of the XIX Century. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1 (11). pp. 209–214. (In Russian).
5. Dzidzariya, G.A. (1986) *Lykhny*. Sukhumi: Alashara.
6. Dzidzariya, G.A. (1976) *Formirovanie dorevolyutsionnoy abkhazskoy intelligentsii* [Formation of the Pre-revolutionary Abkhaz Intelligentsia]. Sukhumi: Alashara.
7. Dudko, A.L. (1956) *Iz istorii dorevolyutsionnoy shkoly v Abkhazii: (1851–1917 gg.)* [From the History of the Pre-revolutionary School in Abkhazia: (1851–1917)]. Sukhum: Abgosisdat.
8. Zel'nitskaya, R.Sh. (2019) Educational Policy of the Russian Empire in Abkhazia in the Late 19th – Early 20th Century. *Kavkazologiya – Caucasology*. 1. pp. 87–94. (In Russian). DOI 10.31143/2542-212X-2019-1-87-94
9. Ioseliani, I. (1875) Mnenie protopopa Ioanna Ioseliani o luchshem sposobe vesti v Abkhazii khristianstvo i

10. Кесаева Р. Э., Дзанагова Л. В. Роль общества восстановления православного христианства в развитии школы и просвещения народов Центрального Кавказа. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2013.
11. Кирион (Садзагелов Г. И.). Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. СПб.: Тип. К. М. Козловского, 1901.
12. Лилов А. И. Деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1870 года. Тифлис: Тип. Меликова и Ко, 1872.
13. Лихачев Н. О новой закавказской учительской семинарии. Кавказ. 1876. № 122. 17 (29) окт. С. 2.
14. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1862 и 1863 года. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1865.
15. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1864 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1865.
16. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1865 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1866.
17. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1866 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1867.
18. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1868 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1869.
19. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1869 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1870.
20. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1870 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1871.
21. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1871 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1872.
22. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1872 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1873.
23. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1873 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1875.
24. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1874 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1876.
25. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1875 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1878.
26. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1876 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1880.
27. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1877 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1882.
28. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1878 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1883.
29. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1887 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1888.
- prosveshchenie, ot 26 noyabrya 1810 g. [Opinion of Archpriest Ioann Ioseliani on the Best Way to Maintain Christianity and Education in Abkhazia, November 26, 1810]. In: *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 6 (2). Tiflis: Tip. Gl. upr. Namestnika Kavkazskogo. pp. 850–851.
10. Kesaeva, R.E. & Dzanagova, L.V. (2013) *Rol' obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva v razvitiy shkoly i prosveshcheniya narodov Tsentral'nogo Kavkaza* [The Role of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Development of Schools and Education of the Peoples of the Central Caucasus]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
11. Kirion (Sadzagelov, G.I.). (1901) *Kratkiy ocherk istorii gruzinskoy tserkvi i ekzarkhata za XIX stoletie* [A Brief Essay on the History of the Georgian Church and Exarchate in the 19th Century]. St. Petersburg: Tip. K.M. Kozlovskogo.
12. Lilov, A.I. (1872) *Deyatel'nost' Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1860–1870 goda* [Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus in 1860–1870]. Tiflis: Tip. Melikova i Ko.
13. Likhachev, N. (1876) *O novoy zakavkazskoy uchitel'skoy seminarii* [On the New Transcaucasian Teacher's Seminary]. *Kavkaz*. 17 (29) Oct. 122. p. 2.
14. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1865) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1862 i 1863 goda* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1862 and 1863]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
15. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1865) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1864 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1864]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
16. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1866) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1865 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1865]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
17. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1867) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1866 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1866]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
18. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1869) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1868 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1868]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
19. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1870) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1869 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1869]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

30. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1891.
31. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1891 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1892.
32. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1892 год. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1894.
33. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1898–1901 годы. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1903.
34. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1906–1907 годы. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1909.
35. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1908–1909 годы. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1911.
36. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1910–1911 годы. Тифлис: Тип. канцелярии Главного нач. гражд. частью на Кавказе, 1913.
37. Платонов А. И. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис: Изд-во Совета Об-ва, 1910.
38. Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1891. № 18. 15 нояб.
39. Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. Тифлис. 1891. № 7. 1 июня.
40. Пушкарев С. Абхазия и абхазцы // Кавказ. 1854. № 61. 7 авг. С. 1.
41. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 139. Д. 82. Л. 92, 98.
42. Цимцба А. Л. Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Цели, задачи, условия образования // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Ин-т маркетинга и социально-информ. технологий, 2009. С. 294–302.
43. Цимцба А. Л. Учреждение общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // Вестник Нижегородского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 61–74. DOI 10.36906/2311-4444/22-2/09.
20. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1871) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1870 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1870]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
21. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1872) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1871 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1871]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
22. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1873) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze 1872 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1872]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
23. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1875) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1873 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1873]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
24. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1876) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1874 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1874]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
25. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1878) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1875 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1875]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
26. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1880) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1876 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1876]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
27. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1882) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1877 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1877]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
28. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1883) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1878 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1878]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
29. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1888) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1887 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1887]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
30. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1891) *Otchet Obshchestva vosstanov-*

leniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1890 god [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1890]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

31. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1892) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1891 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1891]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

32. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1892) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1892 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1892]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yuna Kavkaze.

33. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1903) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1898–1901 gody* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1898–1901]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

34. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1909) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1906–1907 gody* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1906–1907]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

35. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1911) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1908–1909 goda* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1908–1909]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze. p. 62.

36. Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. (1913) *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1910–1911 gody* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1910–1911]. Tiflis: Tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.

37. Platonov, L.I. (1910) *Obzor deyatel'nosti Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1860-1910 gg.* [Review of the Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1860–1910]. Tiflis: Izd-vo Soveta Ob-va.

38. *Pribavlenie k Dukhovnomu vestniku Gruzinskogo Ekzarkhata.* (1891) 15 November. 18. pp. 5–7.

39. *Pribavlenie k Dukhovnomu vestniku Gruzinskogo Ekzarkhata.* (Tiflis). (1891) 1 June. 7.

40. Pushkarev, S. (1854) Abkhaziya i abkhaztsy [Abkhazia and Abkhazians]. *Kavkaz.* 7 August. 61. P.1

41. Russian State Historical Archive. Fund 796. List 139. File 82. Pages 92, 98.

42. Tsimitsba, A.L. (2009) [The Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. Goals, Objectives, Conditions of Education]. *Fedor Andreevich Shcherbina, kazachestvo i narody Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost'* [Fedor Andreevich Shcherbina, Cossacks and Peoples of the North Caucasus: History and Modernity]. Proceedings of

the IX International Conference. Krasnodar: Institute of Marketing and Social Information Technologies. pp. 294–302. (In Russian).

43. Tsimtsba, A.L. (2022) The Establishment of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus and Its Activities in the Education of the Abkhazians. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2 (58). pp. 61–74. (In Russian). DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/09

Полная библиографическая ссылка на статью:

Цимцба, А. Л. Деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе в деле школьного строительства в Абхазии (середина XIX – начало XX веков) / А. Л. Цимцба // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 27–47. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.002

Full bibliographic reference to the article:

Tsimtsba, A.L. (2022) Activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus in the Field of School Construction in Abkhazia (Mid-19th – Early 20th Centuries). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 27–47. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.002

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

СУЩИЙ Сергей Яковлевич

доктор философских наук,
заведующий лабораторией социологии
Южного научного центра Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Sergey Ya. SUSCHIY

Dr. Sci. (Theory and History of Culture),
Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,

Rostov-on-Don, Russian Federation,

SS7707@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5131-3988

УДК: 316.73:353.1(470-13)"160/201"

ГРНТИ: 13.11.45

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.003

Культурная динамика Юга России – становление и развитие региональных комплексов (XVII – начало XXI вв.)¹

Cultural Dynamics of the South of Russia: Formation and Development of Regional Complexes (17th – Early 21st Centuries)²

В статье проанализирована историческая динамика культуры на Юге России, процесс ее эволюции в различных социотерриториальных общностях макрорегиона от спорадически-очаговых проявлений к устойчивой масштабной практике, со временем институционально и структурно оформившейся в ряд региональных комплексов, располагающих значительными профессиональными кадрами, развитой инфраструктурой, широкой социальной средой распространения и потребления. Анализ основан на результатах исторических, культурологических, искусствоведческих исследований и данных статистики. В процессе формирования данных комплексов выделено несколько этапов, различающихся по уровню развития региональных творческих сообществ и социокультурной инфраструктуры, интенсивности и широте общественной потребности в продуктах культурного процесса. Установлено, что южнороссийские культурные комплексы эволюционировали от провинциализма к самобытному регионализму, позволившему им в XX в. занять заметное место в российской социокультурной системе.

Ключевые слова: Юг России, историческая динамика культуры, региональные культурные комплексы, творческие сообщества, культурная инфраструктура.

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания Южного научного центра Российской академии наук, проект № 122020100349-6.

² The publication was prepared within the framework of the state assignment to the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Project No. 122020100349-6.

Количество определений понятия «культура», присутствующих в современном гуманитарном знании, исчисляется трехзначным числом. Но объединяющей дефиниции не существует. И культурологи сходятся на том, что такое определение в принципе невозможно, поскольку во многих исследованиях оно носит скорее функциональный характер. В данной статье под культурой понимается комплекс социальных процессов и институтов, связанных со всеми стадиями функционирования ряда сфер духовной жизни, относящихся к «высокой» культуре. Линейка составных компонентов последней варьирует в зависимости от используемого подхода и конкретных критериев отбора, но включает не подлежащее ревизии ядро (произведения литературы, музыки, архитектуры, изобразительного и сценического искусства, интеллектуальной мысли, которые общество считает репрезентативными для своей культуры) [17, с. 91–92].

Функционирование культуры предполагает наличие ряда структурных элементов, прежде всего: деятелей культуры (творческое сообщество); инфраструктуру культурного процесса (сеть учреждений и персонал, способствующие деятельности творческого сообщества, ответственные за воспроизводство, сохранение, распространение, потребление культурных ценностей); систему коммуникаций, сложившихся между социальными группами – участниками культурного процесса (создателями, заказчиками, хранителями / собирателями, трансляторами / популяризаторами, потребителями культуры); общественную востребованность культурных продуктов.

При наличии в исследовательской литературе множества версий пространственной делимитации Юга России (далее ЮР) нам представляется наиболее близким к реальности вариант, включающий в состав данного макрорегиона Нижнее Поволжье, Дон, Степное Предкавказье (Кубань, Ставрополье) и Северный Кавказ, то есть территорию двух федеральных округов – Южного и Северо-Кавказского.

Различным аспектам исторического развития и современного функционирования культуры ЮР и отдельных его регионов посвящено значительное число исследований.

Отметим работы О. В. Баевой и Л. А. Штомпель [1], И. И. Горловой [2] [3], А. Г. Данилова [4], А. Н. Еремеевой [5], В. С. Кукушина [6], А. Г. Лазарева [8], В. А. Матецкого [9]. Однако многие пласты данной обширной проблематики нуждаются в дальнейшем изучении, в том числе вопросы исторического становления культуры в различных частях южного макрорегиона. Таким образом, данное исследование, прежде всего, нацелено на выявление основной линии исторической эволюции культуры в ряде крупных социотерриториальных общностей ЮР. Но заметим, что анализ динамики региональных культурных комплексов имеет важное значение и для понимания особенностей сложно-составного процесса формирования единого культурного пространства России в целом.

В качестве источников в работе использовались результаты исследований, выполненных историками, культурологами, градостроителями, искусствоведами, а также статистические материалы, отражающие развитие социокультурной сферы изучаемых южных регионов с конца XIX до начала XXI вв.

Формирование культурных комплексов происходило в непосредственной взаимосвязи с политико-административным и социоэкономическим развитием каждой из южных территориальных общностей. Но данное сопряжение не отменяло собственного внутреннего алгоритма развития местного культурного процесса, не позволяющего сводить его эволюцию к социально-экономической или общественно-политической периодизации своего региона.

Как представляется, системным показателем, способным лечь в основу периодизации южнороссийских региональных культурных комплексов, является уровень сформированности (организационной, структурной, кадровой зрелости) социодинамического цикла культуры, под которым понимается развернутая цепочка ее жизнедеятельных стадий, связанных с созданием, тиражированием, распространением, хранением, потреблением, аккумуляцией результатов культурного процесса.

Данная креативно-воспроизводственная цепочка в своем сложившемся виде предполагает существование устойчивой, достаточно многочисленной творческой прослойки

(группы профессиональных деятелей культуры), развитой инфраструктуры, диверсифицированной по направлениям, и глубоко укорененной общественной потребности в продуктах культуры. Наличие всех этих элементов указывает на высокий уровень интеграции культуры в систему социальных институтов регионального социума (рис. 1).

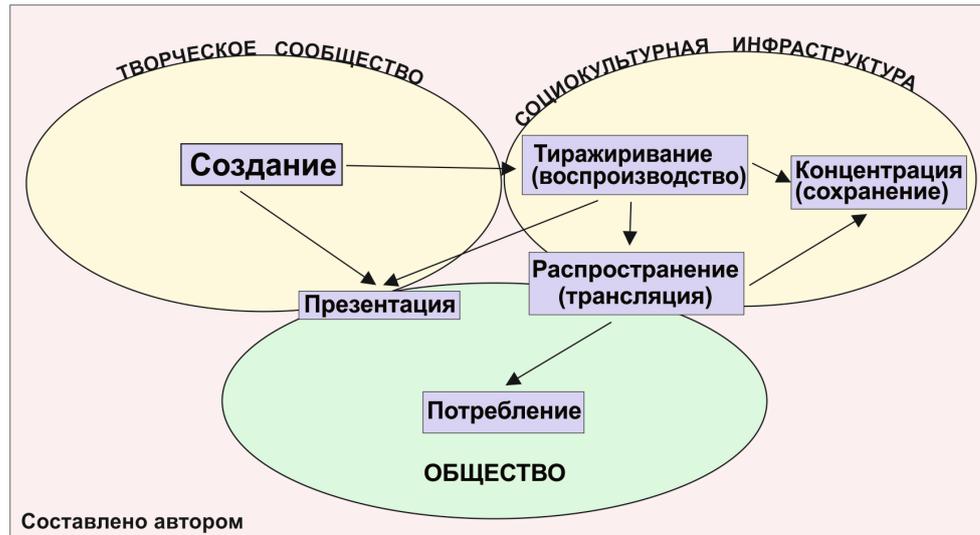

Рис. 1. Социодинамический цикл культурного процесса

Fig. 1. Sociodynamic cycle of the cultural process

В зависимости от уровня развития данных элементов культурного процесса и общей сформированности его социодинамического цикла в развитии региональных культурных комплексов ЮР обнаруживается несколько крупных этапов, которые могут быть условно обозначены как:

- начальный (спорадически-очаговый);
- организационно-инфраструктурный;
- производственный;
- социокультурный комплексный;
- трансформационный.

Культурный процесс каждого из южно-российских регионов проходил данные этапы в своем историческом темпоритме, демонстрируя существенную специфику, обусловленную временем и способом включения его территории в состав Российского государства, характером демографо-хозяйственного освоения, этнокультурными и социально-экономическими особенностями населения, задававшими скорость и особенности его социокультурной модернизации.

Самое существенное значение для социокультурной динамики южных регионов имел уровень развития местной городской системы. Именно города (прежде всего крупные) становились эпицентрами культурной жизни, концентрируя ее профессиональные кадры и инфраструктуру. При этом ликвидировалась территориальная изолированность сельских

локальных социумов, ускорялся процесс становления региональной общности. Врастая в свою провинциальную «почву», центры способствовали постепенному росту регионального самосознания, самоопределению местного населения в качестве представителей самобытных социотерриториальных образований.

Можно с полным основанием утверждать, что территориальные сообщества ЮР существенно увеличивали способность к собственному регионогенезу при наличии хотя бы одного крупного центра, способного сыграть для них роль комплексного экономического и социокультурного интегратора.

Вторая половина XVI–XVII века. Историческое становление южного макрорегиона началось с включения Нижнего Поволжья в состав Российского государства в середине XVI в. Уже в первой половине XVII в. в регионе появились крупные центры, прежде всего Астрахань, входившая в это время в десятку крупнейших городов страны (12-15 тыс. жителей) [12, с. 76]. Хотя существенную часть горожан составляло служилое население, стратегическая функция не отменяла активного развития других сфер городской жизни, в том числе культуры. К рубежу XVI–XVII вв. относится масштабное каменное строительство (возводится Кремль и два городских собора). В первой половине XVII в. получает развитие городское ремесло, включая отдельные виды

декоративно-прикладного искусства (например, архитектурная майолика). При дворе местного епископа ведется летописание и работают образованные книжники; по образцу Московского патриаршего хора создается профессиональный архиерейский церковно-певческий коллектив [16, с. 45]. Потребности местных храмов и горожан в церковных книгах и иконах удовлетворялись не только за счет привозной продукции, активно работали и городские мастера. Культурная жизнь Царицына (второго нижнеповолжского центра) была не столь интенсивной. Но и здесь в XVII в. имелись свои иконописцы, книжные люди и строители.

Заметим, что отсутствие слоя профессиональных деятелей культуры и специализированной инфраструктуры не исключало спорадических творческих всплесков в отдельных территориальных сообществах ЮР и за пределами Нижнего Поволжья. Наиболее характерным примером является создание в среде донских казаков повестей Азовского цикла, посвященного взятию и обороне Азова (написан в 1630–1680-е гг.). Но устойчивого центра литературной (и в целом культурной) работы на казачьем Дону не возникло. Хотя определенные подвижки, если не в создании, то в распространении культурных продуктов в его пределах уже заметны во второй половине XVII в. Становится больше книг (особенно с увеличением количества староверов в казачьей среде в последней четверти века). С ростом на Дону числа церквей возрастает потребность в разнообразной церковной утвари, удовлетворяемая в основном за счет поставок из Поволжья и центральных районов России.

В целом, устойчивая и достаточно активная культурная жизнь в XVII в. на ЮР была характерна только для Астрахани. Уже в первой половине этого столетия в городе складываются группы образованного населения, ведется разнообразная культурная работа, которая, однако, в самой значительной степени была связана с религией и богослужебным культом, типологически относилась к средневековой русской культуре. В своем основании эта деятельность не опиралась на систему регулярного образования, ответственную за подготовку образованных и просто грамотных людей,

способных создать социальную среду, благоприятную для динамичного развития региональной культуры.

Петровские реформы, стремительный поворот российского общества к европейской социокультурной традиции в значительной степени «обнулили» аккумулированный Астраханью культурный потенциал. И в XVIII век не только Дон, но и Нижнее Поволжье вступили, находясь на начальном этапе формирования своих региональных культурных комплексов.

XVIII век. Именно с развитием местной сети учебных заведений в значительной степени была связана активизация социокультурной динамики рассматриваемых территорий в XVIII в. Первые образовательные заведения на ЮР появляются в Астрахани. Еще в начале столетия в городе при миссии римских капуцинов открывается латинская школа (среди ее учеников был В. К. Третьяковский). Но отсчет регулярного образования на Нижнем Поволжье можно ввести от 1722 г., когда в Астрахани начинаются занятия в цифирной, епархиальной и гарнизонной школах. В последующие десятилетия появляется ряд учебных заведений (выделим открытые в 1770–1780-е гг. главное народное училище и духовную семинарию). В конце XVIII в. с учетом множества малых частных («вольных») школ в Астрахани училось уже около 500 детей и подростков. В 1792 г. малое народное училище открывается во втором центре Нижнего Поволжья (Черный Яр). Царицын (его население в это время немногим превышало тысячу человек) до конца века обходился без государственных школ.

В Донской области первым регулярным учебным заведением стала войсковая латинская семинария, организованная в 1740-е гг. в Черкасске. В 1790 г. здесь же открывается Главное народное училище, рассчитанное на 120 учеников. Для своего времени это было крупное учебное заведение. Но большинство обученного грамоте местного населения, как и раньше, приобретало свои знания дома или в частных «микрошколах», существовавших в ряде станиц [14].

Отметим, что регулярные учебные заведения в данное время являлись не только очагами просвещения, но нередко станови-

лись центрами литературной, театральной, музыкальной жизни (школьные театры, хоры, кружки). Другим следствием развития системы образования становится формирование на местах прослойки образованного дворянства, с которым связана разнообразная активизация культурной жизни южнороссийской провинции с 1760–1770-х гг. Но в целом комплексный культурегерский эффект системы образования проявлялся поступательно. На ЮР он стал ощутимым только в самом конце XVIII в. прежде всего в Астрахани и сформировавшимся вокруг нее регионе.

К рубежу XIX в. светский культурный комплекс нижнего Поволжья начал переход к *организационно-инфраструктурному* этапу своего развития (до этого времени слишком фрагментарными оставались заделы в инфраструктуре регионального культурного процесса, минимальной была прослойка профессиональных местных деятелей культуры).

В пределах Донского казачьего региона можно отметить значительную активизацию строительной деятельности в конце XVII – начале XVIII вв. Возводится ряд храмов, в том числе девятиглавый Воскресенский войсковой собор в Черкасске (1706–1719). В стратегически важных точках Подонья создается ряд крепостей. Помимо возведения оборонительных сооружений строительные работы включали внутреннее архитектурное обустройство (дом коменданта, офицерские корпуса, солдатские казармы, пороховые погреба, арсеналы) [8]. Впрочем эта строительная деятельность осуществлялась центральной властью в рамках масштабного проекта по закреплению Северо-Восточного Приазовья в составе России и не имела отношения к самостоятельной культурной активности донского казачьего социума.

Включение последнего в культурный процесс протекало очень медленно на протяжении всего столетия, к концу которого в среде местного дворянства и казацкой верхушки начала укореняться традиция чтения, появились первые книжные и художественные собрания; отдельные представители высшего сословия стали пробовать свои силы в литературе. Музыкальная жизнь Дона была представлена церковными и армейскими хорами, воен-

ными оркестрами [7] [10]. В последней трети века в области работают профессиональные архитекторы и художники (сохранился ряд парадных портретов казачьей знати и местных административных чинов), появляются свои иконописцы [15]. Этот начальный (спорадически-очаговый) период в развитии областного культурного комплекса не был завершён к концу XVIII в. и захватил начало следующего столетия.

Последняя треть XVIII в. связана с новыми территориальными приобретениями империи на ее южных рубежах и расширением пространственных контуров ЮР. Присоединенное к России правобережье Кубани Екатерина II жалует в 1792 г. Войску Черноморскому, имеющему в своей основе переселенных запорожцев. Начинается формирование Кубанской области. К рубежу XIX в. закладывается основной каркас расселения региона – система станций и цепочка крепостей (Кавказская линия); формируются «центральные места», в дальнейшем вырастающие в городские центры. На конец XVIII в. приходится и начало активной колонизации центральных районов степного Предкавказья (пространство будущей Кавказской губернии и Ставропольского края).

В первые десятилетия освоения степного Предкавказья у переселенцев было слишком мало возможностей для развития культуры и образования. В центре внимания местного населения были вопросы хозяйственного обустройства на новых землях. Тормозило развитие культурного процесса и отсутствие городов. Только в восточных районах Кавказской губернии, вошедших в состав России еще в допетровское время, в середине XVIII в. появляются города, и в крупнейших из них (Кизляр и Моздок) открываются первые школы.

В целом, последние десятилетия XVIII в. в культурном развитии территориальных сообществ степного Предкавказья, пользуясь строительной терминологией, можно определить как «нулевой цикл» – время закладки социально-экономической основы будущих региональных культурных комплексов.

XIX – начало XX веков. Итак, за исключением Астраханского субрегиона Нижнего Поволжья территории ЮР вступили в XIX век оставаясь на начальном этапе развития своих

региональных культурных комплексов. Но в первой четверти нового столетия динамика последних заметно ускоряется, и они, один за другим (Дон в 1810–1820-е гг., Степное Предкавказье в 1820–1830-е гг.), в своей эволюции переходят на *организационно-инфраструктурную* стадию, основным содержанием которой становится создание первоначальной сети культурных учреждений и возникновение небольших устойчивых групп людей, профессионально занятых культурной деятельностью.

В крупных и некоторых средних центрах создаются первые культурно-просветительские организации (библиотеки, периодические издания, театры, учебные структуры различной принадлежности). При этом формирование местной «базовой» культурной инфраструктуры в большинстве регионов ЮР уже оказывается более-менее сближенной по времени, поскольку значительная часть культурных и образовательных учреждений возникала в результате инициативы (или соответствующего разрешения) центральной власти. Показательно в этом плане решение Петербурга об издании губернских ведомостей (1838), давшее толчок развитию российской провинциальной журналистики. В этом же году губернская газета начинает издаваться в Астрахани, в 1840-е гг. городскими изданиями обзаводятся Новочеркасск и Ставрополь.

С другой стороны, социокультурное развитие южнороссийских городов вело к росту прослойки горожан, способных выступать в роли активных потребителей культуры. Напрямую содействовала расширению этой группы работа местной системы образования. Если в XVIII в. регулярные учебные заведения оставались в регионах ЮР редким явлением, то уже в первой четверти XIX в. практически все местные центры обзаводятся уездными и приходскими училищами, а ряд крупнейших городов (Астрахань, Екатеринодар, Новочеркасск, Таганрог) – гимназиями.

Ощутимое замедление роста местной системы образования приходится на «николаевские» десятилетия. Но уже функционирующая учебная сеть, как уже отмечалось, позволила сформировать в крупных и средних центрах юга более или менее обширные группы любителей культуры. А появление данной прослой-

ки способствовало росту частной культурной инициативы, особенно различимой в сфере музыкальной и театральной деятельности. Учитывая роль театров в культуре XIX в., можно сказать, что появление в центре своего постоянного заведения являлось индикатором уровня культурной зрелости городской среды, ее открытости для начинаний не только в сценической, но и в литературной, музыкальной областях. Первый постоянный театр на ЮР появился в 1810 г. в Астрахани. С 1820-х гг. театральные представления давались в Новочеркасске, хотя постоянная труппа появилась только в 1857 г. В 1827 г. открылся театр в Таганроге, в 1843 г. – в Ставрополе.

Создание системы культурных и образовательных учреждений свидетельствовало о появлении в южнороссийских центрах прослойки людей, профессионально занятых в сфере культуры (актеров, музыкантов, журналистов). Эти творческие сообщества еще крайне малы и неустойчивы. Деятели культуры, работавшие на ЮР в данное время, в своем большинстве были приезжими профессионалами, получившими образование в столицах или крупных российских центрах за пределами южного макрорегиона. Но в творческих группах, возникших на ЮР, постепенно начинает расти число местных уроженцев, в том числе вернувшихся домой после учебы в столицах.

На вторую треть XIX в. приходится и общее расширение пространства ЮР. Окончание Кавказской войны ускоряет развитие городской сети на территориях расселения северокавказских народов. А следом за демографическим и социально-экономическим ростом местных городов в них активизируется и культурная жизнь. Однако в данный период эти центры, с этнически пестрым населением, в котором доминируют восточные славяне, формируются и функционируют как центры русской культуры, минимально связанные с жизнью своей национальной сельской периферии. Учитывая поздний «старт», социодинамический цикл культуры данных центров в 1850–1860-е гг. находился еще на начальном этапе своего формирования.

Иной была ситуация в других регионах ЮР. К середине XIX в. организационно-инфраструктурный этап развития территориальных

культурных комплексов, связанный с созданием «базовой» культурной инфраструктуры, формированием локальных групп профессиональных творческих работников и устойчивой прослойки потребителей культуры, был в целом завершен на нижнем Поволжье (Астраханский субрегион), близок к завершению в Области Войска Донского, на Кубани и в Ставрополье.

Во второй половине XIX в. данные территориальные сообщества переходят к следующему – *воспроизводственному* этапу развития своих культурных комплексов, основным содержанием которого является дооформление полного социодинамического цикла культурного процесса. В регионах постепенно формируются сети основных направлений культурной инфраструктуры. Темпы и временные рамки становления отдельных инфраструктурных сегментов на ЮР коррелировали с их общероссийской динамикой. Здесь переломными стали пореформенные 1860–1870-е гг., связанные со стремительным количественным ростом провинциальной социокультурной инфраструктуры. В южных регионах быстро расширяется система начального и среднего образования, театральная, а затем и музейная сети, растут городская периодика (газеты, в меньшей степени журналы) и книжное дело (библиотеки; книжные магазины, издательства и типографии). Несколько позже получают распространение

система среднего специализированного образования и сеть разнообразных обществ, ориентированных на культурную, исследовательскую, просветительскую работу.

К рубежу XX в. развитые инфраструктурные комплексы культуры складываются во всех региональных столицах и ряде других крупных центров ЮР (рис. 2). Параллельно в последних десятилетиях XIX в. идет быстрый, в сравнении с предыдущим периодом, рост региональных творческих сообществ. Локальные городские группы деятелей культуры превращаются в обширные сообщества, включающие в конце века уже многие десятки, иногда сотни профессионалов (в Ростове-на-Дону и Астрахани их число составляло соответственно 300 и 220 человек).

Не менее стремительный количественный рост демонстрировала и прослойка образованного населения, также максимально

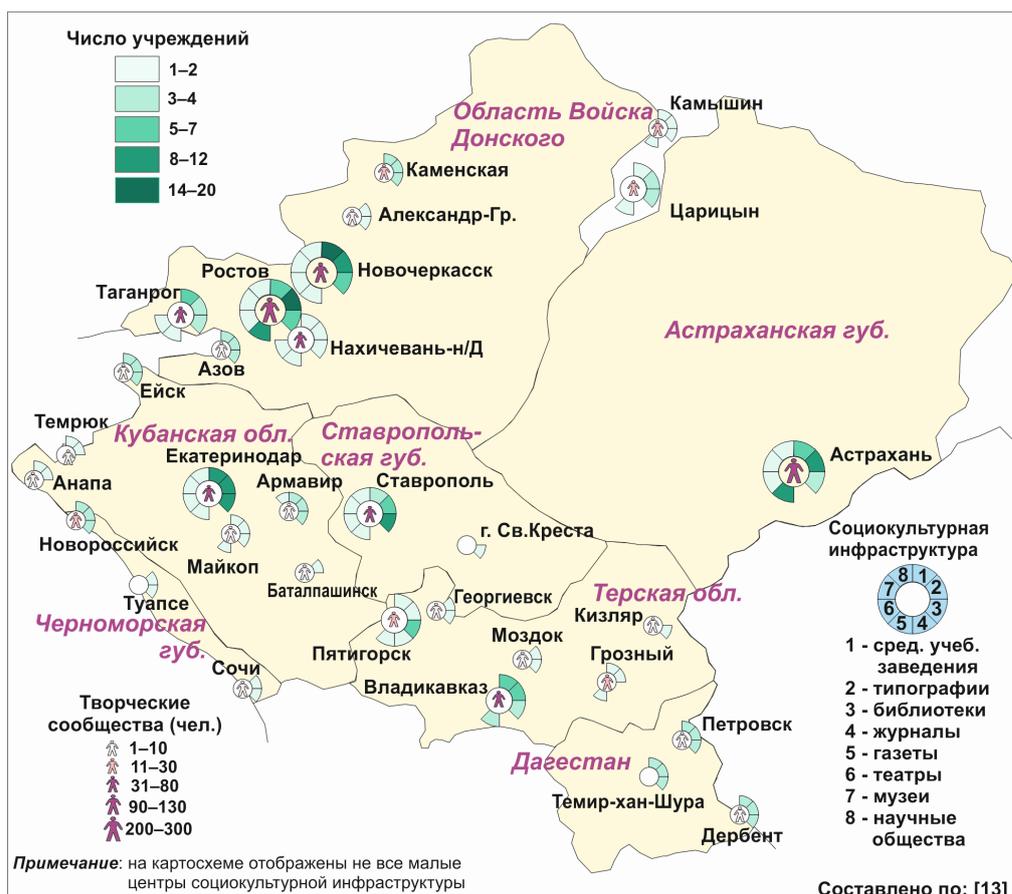

Рис. 2. Творческие сообщества и социокультурная инфраструктура южнороссийских центров (конец XIX в.)

Fig. 2. Creative communities and sociocultural infrastructure of South Russian centers (Late 19th century)

сконцентрированного в крупных и средних городах юга (в конце XIX в. в Ростове-на-Дону уже около 500 человек с высшим образованием, в Астрахани – 360) [12, с. 165]. Прослойка квалифицированных специалистов только в трех регионах ЮР (Дон, Кубань и Ставрополье) превысила 25 тыс. человек [4, с. 110–115]. Общая социальная среда потребления культуры была уже заметно шире.

В конце XIX – начале XX вв. современники отмечают кардинальный сдвиг в психологии низовых сословий ЮР в отношении школы и грамотности, которые с этого времени в массовом сознании воспринимаются как насущная необходимость [4, с. 70]. В макрорегионе окончательно формируется обширная социодемографическая среда, выступающая необходимым условием устойчивого функционирования воспроизводственного цикла культурного процесса.

Тем самым завершается в общем виде структурная «сборка» региональных культурных комплексов – кадры, инфраструктура, каналы взаимосвязи, общественная потребность складываются в единую систему, все более плотно интегрированную в социальную жизнедеятельность южнороссийских обществ.

Однако содержательный анализ культурной жизни всех южнороссийских регионов в последние десятилетия XIX – начале XX вв. обнаруживает все еще отчетливую доминанту «копиистко-подражательного» начала. Творческая деятельность местных литераторов, художников, музыкантов, в своей массе ориентированных на столичные образцы, носила вторичный характер. Это не мешало отдельным талантливым южанам, перебравшись в столицы, реализовать в качестве деятелей культуры национального масштаба (А. П. Чехов здесь только самая яркая иллюстрация). Но в целом культурный процесс южнороссийских центров был все еще отчетливо «провинциален», мало отличим от культурной работы других регионов России, примерно в тех же содержательных и стилистических вариантах воспроизводивших заимствованные из центра культурные формы.

Научившись хорошо воспроизводить уже существующий контент, южнороссийская культура только начинала определять специ-

фику собственного творческого потенциала, позволявшего переносить в создаваемый на местах культурный продукт реально существовавшую социоэтнокультурную самобытность региональных обществ.

В коммуникационном аспекте основным содержанием «воспроизводственного» этапа являлось укрепление культурных взаимосвязей в пределах каждого из центров ЮР, а параллельно – заметное расширение и диверсификация системы взаимодействий между культурными процессами отдельных южных регионов.

При этом временные рамки прохождения данного этапа различными территориальными культурными комплексами макрорегиона сблизились еще больше. В пределах Астраханской губернии и Донской области этот процесс занял вторую половину XIX – начало XX вв., на Кубани и Ставрополье – последнюю треть XIX – первую четверть XX вв., а на Северном Кавказе продлился почти до середины XX в.

Советский период (1920–1980-е гг.).

Годы Первой мировой и Гражданской войн были связаны со значительными потерями культурного потенциала южнороссийских регионов. Но становление Советской России сопровождалось и взрывным подъемом общественного энтузиазма, массовым приходом в культуру представителей новых социальных групп. Творческие сообщества южнороссийских центров демонстрируют быстрый рост уже с начала 1920-х гг. По данным переписи 1926 г., численность представителей творческих профессий составляла в Ростове-на-Дону 1200 человек; в Астрахани, Краснодаре, Новочеркасске – 350–400; в Новороссийске, Владикавказе – 130–150; в Ставрополе, Таганроге – 90–100 [12]. Таким образом, за первую четверть XX в. круг профессиональных деятелей культуры на ЮР вырос в 4,5 раза (с 900–1000 до 4–4,5 тыс. человек).

Идет в рост и социокультурная инфраструктура. Жестко контролируя и регулируя культурный процесс, советская власть вместе с тем предпринимает значительные усилия по развитию системы просвещения от начальной школы до вузовской системы. Переход к всеобщему образованию и

реализация в региональных социумах ЮР масштабной программы «ликбеза» позволяют существенно увеличить общественную потребность в культуре и многократно расширить ее потенциальную аудиторию. На протяжении 1920–1940-х гг. все региональные культурные комплексы ЮР переходят к *социокультурному комплексному* этапу своего развития. Культурный процесс достигает структурной комплексности и творческой зрелости. Культура превращается в развитый элемент социальной сферы региональных социумов. Ее инфраструктура охватывает не только административные столицы и крупные центры, но в той или иной степени распространяется на всю городскую систему ЮР (уже в 1920–1930-е гг. кратный рост демонстрируют музейная, театральная, библиотечная сети).

Активная политика советской власти по развитию национальных окраин ускоряет становление республиканских культурных комплексов Северного Кавказа. Уже в первые десятилетия советского периода в автономиях ЮР формируется национальная творческая интеллигенция, социокультурная инфраструктура дооформляется национальным элементом. Республиканские города, в имперский период функционировавшие как очаги русской культуры, трансформируются в социокультурные средоточия своих национальных сообществ.

Тренды культурной динамики регионов ЮР, сложившиеся в 1920–1930-е гг., сохраняются в послевоенные десятилетия. Продолжается кадровый и инфраструктурный рост региональных культурных комплексов. В конце советского периода в сфере культуры и искусства на ЮР работало около 180 тыс. человек [11] (в крупнейших регионах данная профессиональная группа составляла десятки тысяч работников) (рис. 3). Региональные творческие сообщества были значительно меньше, но и они включали тысячи деятелей культуры. Только элитный слой (члены творческих Союзов СССР) в большинстве регионов ЮР составлял 60–140 человек.

Возросший кадрово-инфраструктурный потенциал культурных комплексов юга объективно работал на рост творческой продуктивности и самостоятельности – самобытный регионализм культурного

Рис. 3. Ряд показателей развития региональных культурных комплексов Юга России, 1990 г.

Fig. 3. A number of indicators of the development of regional cultural complexes in the South of Russia, 1990

процесса приходит на смену провинциальности, отличавшей его на предыдущих этапах развития. В своих высших образцах культура ЮР оказывается востребована на всей территории СССР и за его пределами, пополняет золотой фонд отечественной культуры. Особенно отчетливо это обнаруживается в сфере литературы, давшей в 1920–1980-е гг. на ЮР плеяду выдающихся авторов (донские писатели М. Шолохов, А. Калинин, В. Закруткин, В. Семин; кубанские – Ю. Кузнецов, В. Лихонос; балкарец К. Кулиев, аварец Р. Гамзатов, калмык Д. Кугультинов и др.).

Но помимо все более отчетливой регионализации культурной жизни ЮР советский период характерен и процессом социокультурной интеграции. Одним из основных условий данного тренда являлось объединение большинства южнороссийских регионов в составе крупного административно-экономического образования – Северо-Кавказского района. За несколько десятилетий существования он «пророс» изнутри не только социально-экономическими, но и культурными связями. Высокая плотность внутренних социокультурных коммуникаций, как и общность (сближенность) многих системных характеристик региональных социумов, позволяли говорить о становлении южнороссийского социокультурного комплекса.

Конец XX – начало XXI веков. Распад СССР и появление постсоветской России открывает новый, *трансформационный* этап в культурной динамике регионов ЮР. Причем факторы и направления трансформации региональных культурных комплексов менялись на всем его протяжении. Если в 1990-е гг. сдвиги в первую очередь определялись реформами российского общества и его глубоким социально-экономическим кризисом, то в начале XXI в. динамика культурной жизни ЮР задается уже комплексом стабилизационных процессов, а в 2010-е гг. значимую роль в жизни макрорегиона (как и всей России) начинают играть тренды, связанные со стремительным технологическим прогрессом, отбрасывающим проекцию на все сферы социальной жизни общества, в том числе и культуру.

Динамика профессиональных сообществ культуры регионов ЮР в первой поло-

вине 1990-х гг. определялась, с одной стороны, шоковым характером реформ и резким сокращением государственного финансирования культуры, заставившим часть ее работников перейти в более доходные сферы деятельности, а с другой – освобождением культурной жизни от идеологического пресса и жесткого контроля, содействовавшим увеличению прослойки людей, вовлеченных в творческую деятельность. Уже в середине 1990-х гг. вторая тенденция становится доминирующей.

Ощутимый количественный рост региональных творческих сообществ продолжается и в XXI в., когда основным его драйвером становится общий тренд современной цивилизации на увеличение численности людей, стремящихся к самореализации. Несмотря на утрату практически всех материальных привилегий и значительной части бывшего социального престижа, продолжали расти региональные отделения творческих Союзов, увеличившись к середине 2010-х гг. по сравнению с советским временем в 2-3 раза (рис. 4). Но, как и ранее, члены Союзов представляли только высший слой профессиональных сообществ, включавших многие тысячи деятелей, еще более обширны были группы населения ЮР, реализовавшие себя в одной из сфер культуры (ее размер в настоящее время может быть определен в несколько десятков тысяч человек).

Другой значимой тенденцией в постсоветской динамике региональных творческих сообществ ЮР стала их «субкультуризация» – расслоение на множество в значительной степени автономных групп / течений, способных «существовать в пределах одного центра или региона, не пересекаясь ни в социальном поле, ни в пространстве творческого взаимодействия» [13, с. 107]. Это очевидным образом усиливает фрагментарность и мозаичность современной культурной жизни макрорегиона.

Изменились в постсоветский период сами принципы центрально-периферийного устройства отечественной социокультурной системы, как и ее общие пространственные параметры. Сокращение российского государства, выпадение из его культурной системы-иерархии большого числа крупнейших центров данную иерархию существенно перестроило. Значимые культурные мероприятия (выстав-

Рис. 4. Представители творческих Союзов СССР/России на Юге России, 1980-2010-е гг. (чел.)

Fig. 4. Representatives of the creative unions of the USSR/Russia in the South of Russia, 1980s–2010s (pers.)

ки, фестивали, конкурсы, гастролы и т. п.), ранее преимущественно локализованные в столицах союзных республик, начали все чаще достигать российских региональных центров, игравших в советский период роль глубокой культурной периферии. Данный фактор уже в 1990-е гг. в полной мере проявлялся в культурной жизни ЮР, способствуя более активному подключению южных регионов к элитному «этажу» российского культурного процесса.

Разнонаправленными были сдвиги в сфере коммуникаций (культурных взаимосвязей). Развал советской системы государственного управления культурой привел к утрате

существенной части социокультурных каналов, объединявших регионы, обусловил глубокую автономизацию их культурной жизни. В 1990-е гг. в культурно-коммуникационном аспекте страна превратилась в «архипелаг» центров, культура каждого из которых функционировала, слабо представляя происходящее за ее пределами.

Коммуникации атрофировались не только между отдельными российскими регионами или регионами и столицей. В значительной степени была утрачена культурная взаимосвязь внутри самих регионов. Ситуация начала постепенно исправляться в 2000-е гг., но и

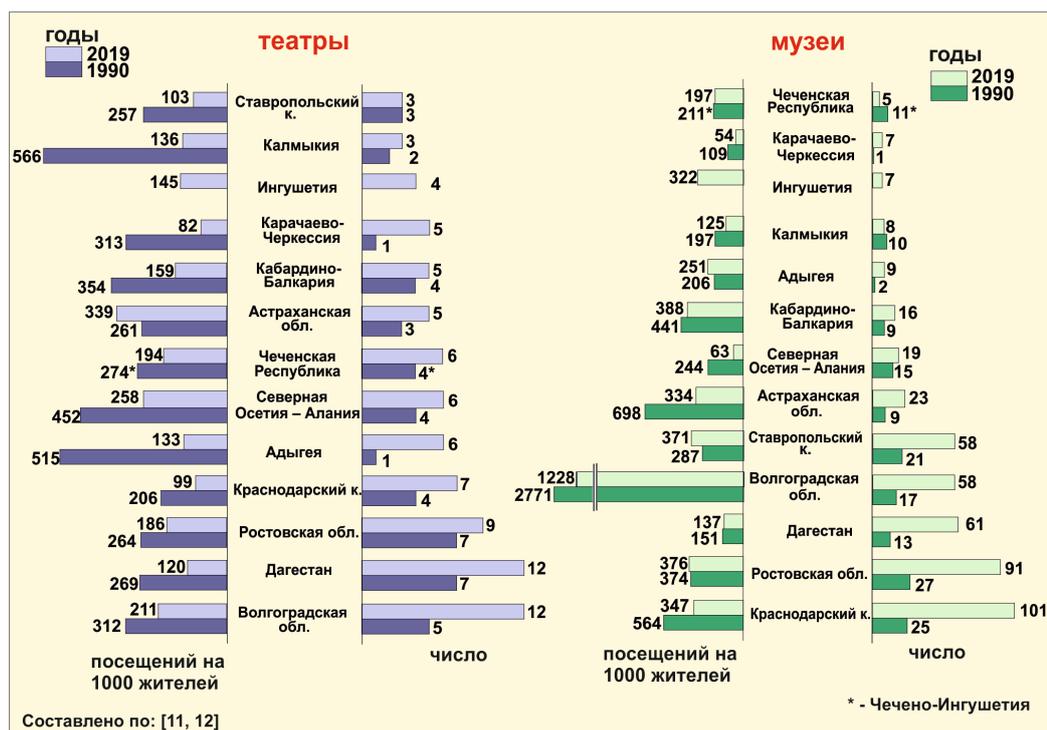

Рис. 5. Театральная и музейная сеть в регионах Юга России, 1990–2019 гг.

Fig. 5. Theater and museum network in the regions of the South of Russia, 1990–2019

в настоящее время межрегиональные культурные связи в пределах ЮР не восстановили плотность, характерную для них в советский период.

Иной была динамика международных культурных взаимосвязей. Если в советский период система коммуникаций между отечественной культурой и мировым культурным сообществом напоминала форму песочных часов, в которых узким соединительным звеном («шлюзом») являлась Москва, то в 1990-е гг. в контактирующую «поверхность» превратилась, по сути, вся Россия. Региональная (в том числе южнороссийская) культура, потолок которой в советский период почти всегда был ограничен столицей, получила значительно более широкие возможности для самостоятельного позиционирования в международном социокультурном пространстве.

Существенными оказались сдвиги и в организационно-инфраструктурном аспекте функционирования культуры ЮР. Ее обширная инфраструктура, сохранившаяся от советского времени, 1990-е годы провела в состоянии перманентного кризиса. Положение

начало меняться в начале XXI в., с появлением финансовой стабильности и формированием новой системы управления культурой. При этом отдельные сегменты инфраструктуры демонстрировали разнонаправленные сдвиги в зависимости от динамики общественной потребности и ряда других факторов. Практически прекратило существование советская

система кинопроката, а сменившая ее в южнороссийских центрах сеть частных кинозалов была в разы меньше. Значительно сократились региональные библиотечные сети, последовавшие по пути объединения хранилищ и создания крупных «информационно-книжных» центров.

Обратную динамику в 1990–2000-е гг. демонстрировала музейная сеть, выросшая в большинстве регионов ЮР в 2–4 раза. Одним из оснований этого роста стал подъем в постсоветский период регионального культурного самосознания, повышенный интерес к местной истории, природной и этнокультурной специфике, своей архитектурной старине и выдающимся землякам. Но при почти трехкратном росте общего числа музейных собраний в макрорегионе (с 160 до 460) число посещений музеев на 1000 жителей сократилось более чем вдвое. Схожей была постсоветская динамика и театральной сети ЮР – рост числа заведений на 84 % (с 45 до 83) при двукратном падении посещаемости (рис. 5).

Рядом с государственной культурной инфраструктурой с начала 1990-х гг. форми-

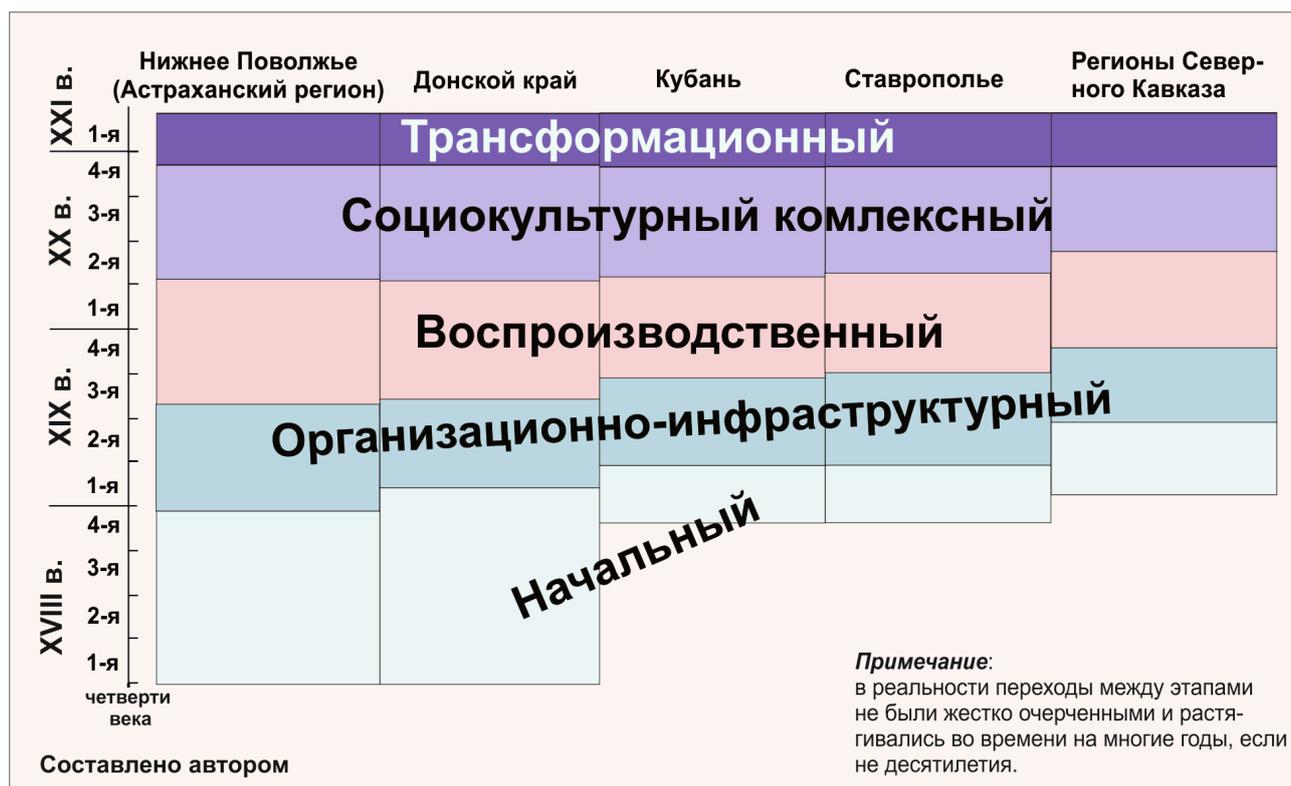

Рис. 6. Общая схема исторической динамики культурных комплексов регионов Юга России
 Fig. 6. General scheme of the historical dynamics of cultural complexes of the regions of the South of Russia

руется ряд ее частных сегментов (например, сеть художественных галерей). Стремительно разрастается сеть локальных «ячеек» культурной жизни (различного рода творческие группы, кружки, объединения, студии и т. д.), стимулируемых раскрепощением культурной инициативы регионального населения. На ЮР данный процесс был наиболее ощутим в литературной, художественной, театральной сферах. Его стихийный характер, неурегулированность и неуправляемость не позволяют зафиксировать количественные масштабы или представить в детальном виде структурные и «отраслевые» характеристики, тем более что продолжительность функционирования большинства таких культурных структур оказывается непродолжительной. Но исчезнувшие очаги / ячейки культурной жизни тут же сменяются новыми. Данная организационно-инфраструктурная турбулентность представляет одну из особенностей функционирования современного регионального культурного процесса.

Итак, культурная динамика территориальных сообществ Нижнего Поволжья (с конца XVI в.), Дона (с начала XVIII в.), Степного Предкавказья (с конца XVIII в.) и Северного Кавказа (со второй четверти XIX в.) выступала одним из составных элементов их становления в качестве самостоятельных российских регионов. В процессе этого развития культурная жизнь на местах эволюционировала от спорадически-очаговых проявлений к устойчивой масштабной практике, со временем институционально и структурно оформившейся в ряд региональных культурных комплексов, располагающих значительными профессиональными кадрами, развитой, диверсифицированной инфраструктурой, широкой социальной средой распространения и потребления (рис. 6).

В содержательном аспекте культурные комплексы ЮР эволюционировали от провинциализма к самобытному регионализму, позволившему им в XX в. занять заметное место в российской социокультурной системе.

Sergey Ya. SUSCHIY

Dr. Sci. (Theory and History of Culture),
Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
SS7707@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5131-3988

***Cultural Dynamics of the South of Russia:
Formation and Development of Regional Complexes (17th – Early 21st Centuries)***

Abstract. The article analyzes the features of the historical dynamics of culture in the South of Russia and fixes the specifics of the formation of its regional complexes. As sources, studies of historians, culturologists, art historians, as well as statistical materials reflecting the sociocultural indicators of the studied regions were used. The methodology provides for the study of the formation of cultural complexes in direct relationship with the political, administrative and socioeconomic development of each of the southern Russian territorial communities. At the same time, its own internal algorithm of the dynamics of the local cultural process is also taken into account. There are several stages in the development of regional cultural complexes in the South of Russia. The “initial” (1) stage coincides with the period of inclusion of territories into the empire, when local societies have practically no layer of professional cultural figures and its infrastructure, and the public need for its products is minimal. The “organizational-infrastructure” (2) stage is associated with the emergence in the southern regions of local stable groups of representatives of creative professions, the formation of public education, the organization of the first institutions of cultural infrastructure; gradual activation of cultural life. The “reproductive” (3) stage of cultural dynamics in most regions of the South of Russia coincides with the post-reform decades and is characterized by an increase in the number of professional cultural figures, diversification of cultural infrastructure, and a significant expansion of the social environment for the distribution and consumption of cultural products. At the same time, South Russian culture was only groping for its own original creative beginning. The 1930s–1980s are the “sociocultural complex” (4) stage in the cultural dynamics of the South of Russia, during which culture becomes one of the leading elements of the social life of the macroregion. The increased personnel potential of culture contributes to the growth of creative productivity, the transition from provincialism to original regionalism. At the end of the twentieth century, the “transformational” (5) stage begins in the development of South Russian culture. It is associated with the reforms of the state and society, the crisis of the 1990s, and subsequent socioeconomic stabilization. Thus, local cultural life has evolved from sporadically focal manifestations to a stable large-scale practice, which over time institutionally and structurally took shape in a number of regional cultural complexes.

Keywords: South of Russia, historical dynamics of culture, regional cultural complexes, creative communities, cultural infrastructure.

Использованная литература:

1. Баева О. В., Штомпель Л. А. Динамика культуры южно-российского города (на примере Ростова-на-Дону). Ростов-н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2013.
2. Горлова И. И. Юг России: культурное многообразие и межкультурные взаимодействия // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Краснодар: Экоинвест, 2015.
3. Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние,

References:

1. Baeva, O.V. & Shtompel', L.A. (2013) *Dinamika kul'tury yuzhno-rossiyskogo goroda (na primere Rostova-na-Donu)* [Dynamics of Culture of a Southern Russian City (On the Example of Rostov-on-Don)]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
2. Gorlova, I.I. (2015) *Yug Rossii: kul'turnoe mnogoobrazie i mezhkul'turnye vzaimodeystviya* [South of Russia: Cultural Diversity and Intercultural Interaction]. In: Kovalenko, T.V. (ed.) *Mezhnatsional'nye, mezhkul'turnye i mezhreligioznye otnosheniya narodov Yuga Rossii: tekhnologii ukrepleniya edinstva* [International, Intercultural and

- тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 28–36.
4. Данилов А. Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX – начале XX века. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2000.
 5. Еремеева А. Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар: Платонов, 2013.
 6. Кукушин В. С. История архитектуры нижнего Дона и Приазовья. Ростов н/Д.: ГинГо, 1996.
 7. Культура Донского края. Страницы истории. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. ин-та, 1993.
 8. Лазарев А. Г. Архитектура и строительство Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. строит. ун-та, 2003.
 9. Матецкий В. А. Художественная культура. Власть. Большевики (на материалах Дона и Северного Кавказа 1917–1941 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994.
 10. Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. М.: Росстат, 2021.
 11. Социально-экономическое развитие регионов РСФСР. М.: Госкомстат СССР, 1991.
 12. Суций С. Я. Атлас российской культуры. М.: Дрофа, 2011.
 13. Суций С. Я. Культурная динамика российских регионов: современные тенденции (на материалах Юга России) // Вестник Южного научного центра Российской академии наук. Т. 5. 2009. № 3. С. 105–111.
 14. Филонов А. Г. Очерки Дона. СПб.: Тип. Королева и К°, 1859.
 15. Художники земли донской (художественная жизнь края с XVIII в. по 1930-е гг.). Ростов н/Д.: Б. и., 1980.
 16. Этингер М. А. Музыкальная культура Астрахани. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1987.
 17. Williams R. Keywords. A vocabulary of culture and society. New York: Oxford University Press, 1983.
- Interreligious Relations of the Peoples of the South of Russia: Technologies for Strengthening Unity]. Krasnodar: Ekoinvest.
3. Gorlova, I.I., Kovalenko, T.V. & Bychkova, O.I. (2018) Cultural Life of the Russian Province: State, Trends, Contradictions (By the Example of the Krasnodar Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 30. pp. 28–36. (In Russian). DOI: 10.17223/2220836/30/3
 4. Danilov, A.G. (2000) *Intelligentsiya Yuga Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [The Intelligentsia of the South of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
 5. Eremeeva, A.N. (2013) *Kul'turnaya zhizn' Kubani v XX veke* [Cultural Life of the Kuban in the 20th Century]. Krasnodar: Platonov.
 6. Kukushin, V.S. (1996) *Istoriya arkhitektury nizhnego Dona i Priazov'ya* [The History of the Architecture of the Lower Don and the Azov Sea Region]. Rostov-on-Don: GinGo.
 7. Anon. (1993) *Kul'tura Donskogo kraya. Stranitsy istorii* [Culture of the Don Region. Pages of History]. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical Institute.
 8. Lazarev, A.G. (2003) *Arkhitektura i stroitel'stvo Yuga Rossii* [Architecture and Construction of the South of Russia]. Rostov-on-Don: Rostov State University of Civil Engineering.
 9. Matetskiy, V.A. (1994) *Khudozhestvennaya kul'tura. Vlast'. Bol'sheviki (na materialakh Dona i Severnogo Kavkaza 1917–1941 gg.)* [Artistic Culture. Power. Bolsheviks (On the Materials of the Don and the North Caucasus, 1917–1941)]. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University.
 10. RF State Statistics Committee. (2021) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2020* [Regions of Russia. Socioeconomic Indicators for 2020]. Moscow: Rosstat.
 11. USSR State Statistics Committee. (1991) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov RSFSR* [Socioeconomic Development of the Regions of the RSFSR]. Moscow: Goskomstat SSSR.
 12. Sushchiy, S.Ya. (2011) *Atlas rossiyskoy kul'tury* [The Atlas of Russian Culture]. Moscow: Drofa.
 13. Sushchiy, S.Ya. (2009) *Kul'turnaya dinamika rossiyskikh regionov: sovremennye tendentsii (na materialakh Yuga Rossii)* [Cultural Dynamics of Russian Regions: Current Trends (Based on the Materials of the South of Russia)]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 5 (3). pp. 105–111.
 14. Filonov, A.G. (1859) *Ocherki Dona* [Essays on the Don]. St. Petersburg: tip. Koroleva i K°.
 15. Anon. (1980) *Khudozhniki zemli donskoy. Katakog vystavki (Khudozhestvennaya zhizn' kraya s XVIII v. po 1930-e gg.)* [Artists of the Don Land. Exhibition Catalogue (The Artistic Life of the Region From the 18th Century to the 1930s)]. Rostov-on-Don: [s.n.].
 16. Etinger, M.A. (1987) *Muzykal'naya kul'tura Astrakhani* [Musical Culture of Astrakhan]. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo.
 17. Williams, R. (1983) *Keywords. A Vocabulary of Culture and Society*. New York: Oxford University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Суций, С. Я. Культурная динамика Юга России – становление и развитие региональных комплексов (XVII – начало XXI вв.) / С. Я. Суций // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 48–62. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.003

Full bibliographic reference to the article:

Sushchiy, S.Ya. (2022) Cultural Dynamics of the South of Russia: Formation and Development of Regional Complexes (17th – Early 21st Centuries). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 48–62. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.003

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ FULL ARTICLES

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

МИЩЕНКО Игорь Евгеньевич

кандидат педагогических наук,
докторант кафедры философии и культурологии
Челябинского государственного института культуры,
Челябинск, Российская Федерация

Igor I. MISHCHENKO

Cand. Sci. (Pedagogical Theory, Methodology
and Organization of Socio-Cultural Activities),
Doctoral Student, Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russian Federation,
mievg@bk.ru

УДК: [355.13:004.738.5]:316.472.4(470+571)

ГРНТИ: 13.11.27

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.003

**Военная культура в цифровом
пространстве: анализ контента
социальных сетей (опыт
изучения тематической группы
на платформе ВКонтакте)**

**Military Culture in the Digital Space:
Social Media Content Analysis
(Experience of Studying a Thematic
Group on the VKontakte Platform)**

В настоящей статье предпринята попытка выявить основные тематические направления контента о военной культуре в цифровом пространстве, а именно в социальных сетях. Для проведения эмпирического исследования было выбрано наиболее релевантное и репрезентативное в аспекте избранной темы пользовательское сообщество. Методологическую основу работы, помимо описательного и сравнительного методов, составили контент-анализ и корреляционный анализ. В результате в исследуемом сообществе выявлено десять тематических направлений контента, посвященного военной культуре: воспитание, культурная политика,

документы, история и подвиги, патриотические организации, праздники и памятные дни, современные герои, творчество подписчиков, традиции, учебные заведения. Проведен корреляционный анализ между выявленными количественными характеристиками публикаций в сообществе, который позволил определить наиболее привлекательный для пользователей сети контент о военной культуре.

Ключевые слова: военная культура, социальные сети, пользовательский контент, интернет-сообщества, патриотические организации, патриотизм, коммуникация, военнослужащие.

В современном мире презентация государственных институтов все чаще происходит в медиасфере, что во многом формирует у общества их образ и рецепцию. На пике популярности сегодня находятся социальные сети, где многие институты создают официальные сообщества для более оперативного распространения информации среди заинтересованных пользователей – своих подписчиков. Следует отметить, что на этих платформах существует и множество неофициальных сообществ, оказывающих не меньшее, а иногда и гораздо большее влияние на пользователей сети. Также и сам пользовательский контент становится источником того или иного воздействия.

Для проведения эмпирического исследования нам необходимо сначала обозначить терминологические рамки понятия «интернет-сообщество» и определить его основные характеристики, связанные, в первую очередь, с социологической составляющей.

Выявлению сущности рассматриваемого понятия посвящено большое количество научных трудов, в частности вопросу: могут ли данные объединения называться именно сообществом в его классическом социологическом смысле. По мнению Н. Байм, любая онлайн-группа является классическим сообществом, на что четко указывает выявленный ученым ряд характеристик [9]. С другой стороны, В. А. Сергодеев и ряд других исследователей выделяют определенные отличия интернет-сообществ от традиционных форм объединений, например, отсутствие пространственно-временной локализации, ограниченность взаимодействия участников возможностью выхода в сеть. Вместе с тем

делается вывод о том, что такие объединения пользователей одновременно являются и новым измерением традиционных социокультурных структур, и новым социокультурным пространством [6]. Вторую часть данного определения поддерживают В. И. Курбатов и Л. Ш. Крупеникова, аргументируя свое мнение тем, что интернет-сообщества обладают добровольностью, интерактивностью, самоорганизованностью, свободно формируют новые сетевые социальные объединения, где пользователи могут презентовать себя, обмениваться информацией [3].

Стоит отметить, что сегодня нет единого подхода к понятию «интернет-сообщество». В. И. Курбатов и Л. Ш. Крупеникова определяют интернет-сообщество как специфическую форму организации интернета. Несмотря на то что в процессе рассуждения они дополняют термин социальным компонентом, это не вносит полной ясности в содержание понятия [3]. В исследовании Д. Шакулы рассматриваемое сообщество представлено, как система пользователей тематического Интернет-ресурса, совершающих обмен информацией в своих интересах по заранее установленным правилам [8]. Таким образом, если говорить о группе в социальной сети, то в ней взаимодействуют пользователи не всей социальной сети, а структурно входящего в нее конкретного сообщества. В. А. Сергодеев дополняет предыдущее определение эмоционально коммуникативным компонентом [6]. Особенно ценным является уточнение Е. Д. Невесенко, в котором указано, что сообщества оказывают существенное влияние на подписчиков – происходит процесс некой инкультурации в

сообществе, а впоследствии и в реальной общественной среде. В своей работе она подробно описала механизм данного воздействия [4].

Результат проведенного выше теоретического анализа послужил первой причиной выбора для исследования не отдельного интернет-ресурса, а именно интернет-сообщества в социальной сети, способного оказывать воздействие на подписчиков в реальной жизни на основе эмоциональной вовлеченности в коммуникацию. Демонстрация ценностей военной культуры, проблемный профессиональный диалог и возможность самореализации во многом оказывают положительное влияние на участников сообщества [4]. Этому способствуют функции социальных сетей – информационная, коммуникационная, развлекательная, идентификационная, самоактуализирующая, социализирующая, подробно описанные в исследовании И. М. Панченко. Набор вышеперечисленных функций доказывает, что социальные сети играют существенную роль в общественной жизни [5].

В исследовании В. А. Бокарева выявлены основные особенности социальных сетей, служащие средством привлечения молодежи: открытость, перспективы личностного роста, обретение коммуникации с пользователями с внутригрупповой идентичностью, возможность оставаться анонимным, безвозмездный обмен информацией и даже театрализация. На основе этих особенностей автор выделяет положительные черты коммуникации в виртуальном пространстве, такие как поиск единомышленников, самопрезентация, конструктивная критика и др. Достоверность представленных автором положений определяется результатами проведенного им исследования на предмет выявления существующих потребностей молодежи, классифицированных по А. Маслоу, и возможностей их восполнения, предоставляемых потенциалом социальных сетей [1]. В работе Т. В. Евгеньевой и З. Р. Усмановой представленный выше список дополнен эффектом коммуникативной мобильности и возможностью доступа участников сообщества к большим базам данных, которые позволяют пользователям сети всегда оставаться в курсе последних новостей в дифференцированном потоке информации

[2]. На наш взгляд, популярность социальных сетей и сообществ в них определяется еще и высокой социальной мобильностью подписчиков: с течением времени изменяются интересы и потребности личности, и, в отличие от реального сообщества, пользователь может «нажатием кнопки» выйти из группы в социальной сети и вступить в другую без возможных неудобных ситуаций, которые могли бы возникнуть в живом общении с людьми. Это некая свобода, позволяющая человеку лавировать между большим количеством сообществ в социальной сети и легко перемещаться в пространстве возникающих сетевых связей. Таким образом, выбор конкретного сообщества основан на собственных предпочтениях пользователей и определяется их активностью, инициативностью и добровольностью. Эти факторы послужили второй причиной выбора нами сообщества в социальной сети для проведения исследования.

Военная культура представляет собой часть культуры социума, являющаяся, кроме того, комплексом связанных между собой компонентов как, позволяющим увидеть всю сложность ее структуры и связей с другими сегментами культуры гражданского общества. Интернет-сообщество становится продолжением, а часто и новой формой социальной реальности со многими свойствами, присущими традиционному сообществу. В данной статье исследовательский взгляд обращен на репрезентацию военной культуры в цифровом пространстве пользователями глобальной сети. Цель исследования состоит в выявлении основных тематических направлений контента социальных сетей, посвященного военной культуре на примере пользовательского сообщества, являющегося наиболее релевантным и репрезентативным в аспекте избранной темы. Достижение цели исследования будет способствовать приращению знаний в области выявления структурных характеристик военной культуры, улучшит понимание ее отдельных аспектов и элементов. Методологическую основу работы, помимо описательного и сравнительного методов, составили контент-анализ и корреляционный анализ. Избранные методы исследования адекватны заявленной цели.

Выбор социальной сети ВКонтакте определен тем, что в настоящее время она является самой популярной среди активных пользователей в российском сегменте интернета (численные показатели общедоступны и при этом являются очевидными).

Для того чтобы провести анализ всего контента о военной культуре в социальной сети, потребуется большое количество времени, в связи с чем был осуществлен поиск сообщества с наиболее репрезентативным контентом и в результате выделены следующие группы: сообщества военных учреждений культуры (в них в основном публикуется контент творческого характера); сообщества молодежных патриотических организаций (в которых располагаются материалы, связанные с их деятельностью); группы с методическими материалами по организации культурных и военно-патриотических мероприятий; сообщества военных музеев; группы на военно-историческую тематику и др. Дальнейший анализ контента показал, что наиболее релевантными для исследования оказались интернет-сообщества «Культура и армия» и «Военная культура». Наиболее многогранно вопросы рассматриваемой темы освещены во втором интернет-сообществе, при этом отмечается стабильная публикация записей и достаточное количество подписчиков, в разы превышающее численность аудитории других подобных сообществ – все это обусловило выбор автора. При этом стоит отметить, что группа «Военная культура» не официальная, соответственно, контент, публикуемый в ней, основан на предприимчивости пользователей сети.

Как указано администраторами группы, рассматриваемое сообщество посвящено потенциалу военной культуры в решении задач патриотического воспитания защитников Родины. Сегодня существует мнение, что патриотическое воспитание – это только (!) военно-профессиональная подготовка. Между тем очевидно, что прежде всего – это формирование Любви к нашей стране на основе культурных ценностей, исторических традиций и самое важное – героических Подвигов наших предков и современников. Цель сообщества – широкое освещение вышесказанно-

го. Этот аспект военной культуры мы можем подтвердить выдержкой из Основ государственной культурной политики: важнейшая общественная миссия культуры – это «передача новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности» [7]. Сфера военной культуры олицетворяет собой духовно-нравственные ценности не только военнослужащих, но и гражданского населения – патриотов нашей необъятной Родины. Она является фундаментом национальной идентичности, укрепление которой – одна из важнейших задач Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности в сфере культуры.

Основное достоинство выбранного сообщества – разносторонний охват того, что связано с военной культурой. Можно уверенно заявить, что данное сообщество (как в различной степени и многие другие) является формой периферийной связи между военной культурой гражданского общества и институциональной военной культурой.

Рассмотрим функциональные особенности интернет-сообщества «Военная культура»:

- это открытая интернет-площадка для обмена опытом пользователей со всех уголков нашей страны в области патриотического воспитания молодежи и военнослужащих; присылаемые материалы имеют широкую направленность: от продвижения собственных проектов до творческих публикаций;

- важная миссия сообщества – реализация взаимодействия людей, объединенных общими интересами и идеей воспитания подрастающего поколения и военнослужащих средствами культуры и искусства;

- публикация разнообразных материалов, имеющих теоретическую и практическую значимость: положения о воспитании средствами культуры и искусства и другие нормативные документы; наиболее актуальные новости в сфере военной культуры; творческие успехи и достижения в данной области как ведущих специалистов, так и просто неравнодушных людей; материалы, чествующие героические Подвиги наших предков и современников; наставления великих российских военачальников и современного руководства

нашей страны; мемориальное наследие и музейные экспозиции; деятельность юнармейских отрядов и др.;

- профессиональная ориентация молодежи, размещение актуальной информации о высших образовательных организациях Министерства Обороны и их контактах;

- публикация действующих нормативных документов, регламентирующих деятельность военных педагогов, культурологов, военно-политических работников и многих других специалистов Вооруженных Сил по обучению и воспитанию молодежи и военнослужащих;

- развитие сообщества на добровольных началах, без рекламы и коммерческих предложений.

Проведенный нами контент-анализ исследуемого сообщества позволил выявить ряд категорий, отражающих тематические направления контента о военной культуре: воспитание (27,3 %), культурная политика (1,9 %), документы (5,1 %), история и подвиги (5,1 %), патриотические организации (11,4 %), праздники и памятные дни (21,3 %), современные герои (2,9 %), творчество подписчиков (16,8 %), традиции (3,2 %), учебные заведения (3,5 %) и категория, не относящаяся к исследованию, – новые функции сообщества (1,5 %).

Если распределить данные категории по популярности среди подписчиков (расчет производился по среднему количеству отметок «нравится» на один пост), то на первом месте оказываются тематические направления «современные герои» и «учебные заведения» с незначительным перевесом в пользу первого.

Категория «современные герои» олицетворяет подвиги соотечественников в наши дни: и тех, кто выполнял поставленные Родной задачи на боевом дежурстве, и тех, кто при трагически сложившихся обстоятельствах ценой своей жизни спасал людей в мирное время – всех, кто доказал свою верность Отечеству. Популярность данной категории свидетельствует о том, что подписчики с большим уважением относятся ко всем героям России.

Следующая категория, отличающаяся по своему содержанию, но не менее популяр-

ная, – «учебные заведения». Она позволяет абитуриентам военных вузов найти наиболее важную и полезную информацию о правилах и порядке приема в высшее учебное заведение, профессиональном психологическом отборе, сдаче нормативов по физической подготовке и др. В материалах данного направления можно найти адреса и телефоны приемных комиссий военных вузов, сайты образовательных организаций. Результаты контент-анализа демонстрирует популярность военного образования среди молодежи, стремление овладеть военным делом, готовность встать на защиту Родины.

На втором месте по популярности среди подписчиков сообщества оказались такие категории, как «традиции» и «праздники и памятные дни», соответственно.

Тематическое направление «традиции» содержит высказывания великих полководцев, контент об исторически сложившихся качествах и кодексе чести русского офицера. В этой категории показано, как демонстрируются эти качества в отечественной классике кинематографа и других видах искусства. Духовные ценности, связанные с гражданственностью и патриотизмом, определяют дальнейший путь развития любого государства и являются гордостью нашего народа, именно это обстоятельство определяет высокую популярность данной категории.

Категория «праздники и памятные дни» в основном представлена поздравлениями с общегосударственными праздниками, профессиональными праздниками видов и родов Вооруженных Сил, информацией о различных памятных датах и др. Популярность такого контента среди подписчиков сообщества объясняется тем, что в последние годы существенно вырос социальный авторитет военнослужащего.

На третьем месте расположилась категория «патриотические организации», что свидетельствует о популярности довузовской военной подготовки среди молодежи. Это тематическое направление представлено информацией о мероприятиях, проводимых патриотическими организациями и клубами, предложениями сотрудничества, поздравлениями, демонстрацией достижений юных за-

щитников Родины и другим контентом, связанным с патриотическим воспитанием молодежи в довузовских объединениях, юнармии, патриотических центрах.

Следующую позицию занимают сразу три категории: «культурная политика», «история и подвиги», «документы» – со смещением в пользу первого, соответственно.

Тематическое направление «культурная политика» представлено материалами о высшем военном руководстве страны, о позиции России в вопросах национальной безопасности и роли культурной составляющей в ее обеспечении.

Важным тематическим направлением контента рассматриваемого сообщества является категория «история и подвиги», транслирующая современному поколению материалы о героическом прошлом, великой истории и традициях России: рассказы о подвигах наших предков, родственников подписчиков, мемориалах, олицетворяющих героизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны, и др.

Категория «документы» включает в себя справочную информацию о нормативных актах, регламентирующих различные сферы военной службы и культурной политики: от уставного порядка до военно-патриотической работы с гражданской молодежью и культурно-досуговой работы с военнослужащими.

Стоит отметить, что объективность транслируемого контента в рассмотренных категориях подтверждается ссылками на официальные документы и другие авторитетные источники информации.

Ниже в рейтинге находятся категории «творчество подписчиков» и «воспитание». Первую из них формируют сами подписчики, вторая имеет самый большой объем публикаций.

Тематическое направление «творчество подписчиков» включает в себя песни, стихотворения, поэмы, видеоролики, то есть позволяет участникам интернет-сообщества презентовать себя и свое творчество широкой публике. Под каждой публикацией находится ссылка на автора записи.

В самом крупном по объему направлении «воспитание» представлен контент о нормах

поведения военнослужащих и взаимоотношениях между ними (в том числе в гражданском обществе), о воспитании подрастающего поколения посредством культуры и искусства, гуманитарных и социальных наук, также размещены методические материалы для реализации воспитательной деятельности, информация о музейных экспозициях и др. Ответ на вопрос, почему же данная категория является самой крупной, на наш взгляд, лежит в описании сообщества.

Закрывающую позицию занимает категория «новые функции сообщества» (в том числе по количеству контента в сообществе), которая не относится к исследованию. В ней указаны новые, добавленные в группу возможности для пользователей.

В исследовании был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона (r)) количественных характеристик всех публикаций в сообществе. Степень тесноты связи определялась между реакциями пользователей (отметками) на записи. Результаты расчета представлены следующим образом: между отметками «нравится» и «поделиться» ($r_{\text{нр/под}} = 0.73$), «нравится» и «комментарии» ($r_{\text{нр/комм}} = 0.52$), «нравится» и «переходы» ($r_{\text{нр/перех}} = 0.65$), а также между «нравится» и «полный охват» ($r_{\text{нр/п.охв}} = 0.92$).

На основе такого рода расчетов можно определить особенности контента, наиболее привлекательного для пользователей. Так, если коэффициент корреляции между отметками «нравится» и «поделиться» или между отметками «нравится» и «полный охват» в каждой из категорий, выделенных нами, демонстрирует достаточно крепкую связь (например, в категории «воспитание» $r_{\text{нр/под}} = 0.62$, $r_{\text{нр/п.охв}} = 0.74$, в категории «культурная политика» $r_{\text{нр/под}} = 0.95$, $r_{\text{нр/п.охв}} = 0.99$), то тот же коэффициент между отметками «нравится» и «комментарии» имеет очень неустойчивую, а иногда и противоположную связь (в категории «творчество подписчиков» $r_{\text{нр/комм}} = 0.14$, в категории «традиции» $r_{\text{нр/комм}} = -0.51$, в категории «праздники и памятные дни» $r_{\text{нр/комм}} = 0.45$). Но если обратить внимание на значение коэффициента корреляции между отметками «нравится» и «переходы», то практически во всех категориях он,

как правило, близок к значению 0.1 в положительной или отрицательной направленности (категория «воспитание» $r_{\text{нр/перех}} = 0.32$), что в своей сути означает полное отсутствие связи. Однако в категории «учебные заведения» значение коэффициента корреляции $r_{\text{нр/перех}} = 0.94$.

Таким образом, мы можем утверждать, что подписчиков, в том числе молодежь, наиболее привлекает контент с полезной информацией о порядке и правилах поступления в военный вуз. На основании проведенного расчета объективно можно заключить, что данное направление при незначительном количестве публикаций является самым популярным в сообществе «Военная культура», а активность подписчиков напрямую зависит от полезности размещаемой информации.

В результате проведенного исследования мы выявили десять тематических направлений контента в социальных сетях, посвященных военной культуре: воспитание, культурная политика, документы, история и подвиги, патриотические организации, праздники и памятные дни, современные герои,

творчество подписчиков, традиции, учебные заведения. Эти категории были определены на основе контент-анализа интернет-сообщества, посвященного военной культуре, в наиболее популярной социальной сети ВКонтакте. Количество тематических направлений может быть дополнено при анализе многочисленных интернет-групп, в которых так или иначе освещаются аспекты военной культуры. Однако это уже будет отдельное масштабное исследование.

Сообщества в социальных сетях способны оказывать воздействие на подписчиков в реальной жизни, формировать определенные модели поведения, вместе с тем предоставляя пользователям свободу выбора места в социальной структуре сети. Популярность контента напрямую зависит от полезности размещаемой информации.

Освещение военной культуры в цифровом пространстве позволяет расширять профессиональную коммуникацию между работниками культуры и искусства военной сферы, делиться опытом, презентовать свои достижения, пропагандировать нормы и ценности гражданина-патриота.

Igor I. MISHCHENKO

Cand. Sci. (Pedagogical Theory, Methodology and Organization of Socio-Cultural Activities),
Doctoral Student, Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russian Federation,
mievg@bk.ru

***Military Culture in the Digital Space: Social Media Content Analysis
(Experience of Studying a Thematic Group on the VKontakte Platform)***

Abstract. The article identifies the main thematic areas of social media content dedicated to military culture using the example of the user community, which is the most relevant and representative in terms of the chosen topic. The totality of the research materials was made up of the publications of the Military Culture community, which unites several thousand users of the Russian social network Vkontakte; the conclusions and generalizations reflected in Russian researchers' works analyzing self-organizing Internet communities had a certain theoretical significance. The methodological basis of the work, in addition to descriptive and comparative methods, was content analysis and correlation analysis. The author proceeds from the fact that any Internet community is a continuation, and often a new form, of social reality, which has many of the properties inherent in a real community. Communities in social networks are able to influence subscribers in real life, form certain behavior patterns, at the same time giving users the freedom to choose their position in the social structure of the network. In the course of the study, the content of the Military Culture network community (the most popular community of the

Vkontakte social network associated with the topic under consideration) was studied; based on content analysis, the set of publications was structured depending on their thematic timing. Ten thematic areas (categories) of content posted in the community were identified (for example, education, cultural policy, documents, history and exploits, patriotic organizations, holidays and memorable days, etc.), each area was described in detail. The author notes that the set of these areas can be supplemented, since there are a large number of groups covering aspects of military culture in one way or another. The identified categories were ranked by popularity, the most popular thematic aspects related to the problems of military culture were identified. A correlation analysis was carried out between some quantitative characteristics of posts in the community, which showed that community members (including young people) are mainly attracted by content with useful information about the procedure and rules for entering military universities. The author concludes that the coverage of military culture in the digital space allows expanding professional communication between cultural and art workers engaged in the military sphere, sharing experience, presenting their achievements, and promoting the values of citizenship and patriotism.

Keywords: military culture, social networks, user-generated content, online communities, patriotic organizations, patriotism, communication, military personnel.

Использованная литература:

1. Бокарев В. А. Виртуальные социальные сети как пространство для удовлетворения потребностей современной молодежи // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 56–59.
2. Евгеньева Т. В., Усманова З. Р. Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру и адаптацию студентов социально-политических специальностей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 6 (36). С. 12–18.
3. Курбатов В. И., Крупеникова Л. Ш. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ Интернета // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 50–58.
4. Невесенко Е. Д. Воздействие интернет-сообществ на социальную деятельность пользователей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 174–181.
5. Панченко И. М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 86–94.
6. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113). С. 132–137.
7. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 06.05.2022).
8. Шакула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную

References:

1. Bokarev, V.A. (2009) Virtual'nye sotsial'nye seti kak prostranstvo dlya udovletvoreniya potrebnostey sovremennoy molodezhi [Virtual Social Networks as a Space to Meet the Needs of Modern Youth]. *Voprosy kul'turologii*. 8. pp. 56–59.
2. Evgen'eva, T.V. & Usmanova, Z.R. (2018) Features of the Impact of Digital Communications on Professional Culture and Adaptation of Students of Social and Political Specialities. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 8 (6). pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-12-18
3. Kurbatov, V.I. & Krupenikova, L.Sh. (2016) The Foreshortenings of Sociological Research of Net-Communities in the Internet. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*. 19 (3). pp. 50–58. (In Russian).
4. Nevesenko, E.D. (2013) Online Community Influence on Users' Social Activities. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 160. pp. 174–181. (In Russian).
5. Panchenko, I.M. (2018) Sotsial'nye seti kak novaya forma kommunikatsii: pol'za ili opasnost' dlya obshchestva? [Social Networks as a New Form of Communication: Benefit or Danger to Society?]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science & Technology*. 9 (2). pp. 86–94.
6. Sergodeev, V.A. (2013) Network Internet Communities: Essence and Sociocultural Characteristics. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 1 (113). pp. 132–137. (In Russian).
7. Kremlin.ru. (2014) Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, No. 808 On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (Accessed: 06.05.2022).

среду: понятие, происхождение, типы [Электронный ресурс] // RELGA. 2006. № 10 (132). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&> (дата обращения: 06.05.2022).

9. Baym N. K. *Personal connections in the digital age*. 2nd ed. Malden, MA: Polity Press, 2015. P. 85–101.

8. Shakula, D. (2006) *Internet-soobshchestva kak sub"ekty, formiruyushchie global'nyuyu informatsionnyuyu sredu: ponyatie, proiskhozhdenie, tipy* [Internet Communities as Subjects That Form the Global Information Environment: Concept, Origin, Types]. *RELGA*. 10 (132). [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&> (Accessed: 06.05.2022).

9. Baym, N.K. (2015) *Personal Connections in the Digital Age*. 2nd ed. Malden, MA: Polity Press. pp. 85–101.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мищенко, И. Е. Военная культура в цифровом пространстве: анализ контента социальных сетей (опыт изучения тематической группы на платформе ВКонтакте) / И. Е. Мищенко // *Наследие веков*. – 2022. – № 3. – С. 63–71. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.004

Full bibliographic reference to the article:

Mishchenko, I.E. (2022) *Military Culture in the Digital Space: Social Media Content Analysis (Experience of Studying a Thematic Group on the VKontakte Platform)*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 63–71. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.004

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

КАЗАКОВА Анна Юрьевна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

Anna Yu. KAZAKOVA

Dr. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,

kazakova.a.u@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8685-9515

УДК: 327.8:[316.722+7]:336.563.1(470+571)

ГРНТИ: 13.11.44

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.005

Культурное достояние как инструмент «мягкой силы»: лексикометрия заявок на гранты фонда «Русский Мир»

Cultural Heritage as a “Soft Power” Tool: Lexicometry of Applications for Grants of the Russkiy Mir Foundation

Цель исследования – выявление направлений и способов повышения результативности грантовой деятельности российских фондов, оказывающих поддержку проектам в сфере популяризации и продвижения русского языка и русской культуры. Рассмотрено социально-культурное проектирование информационных продуктов и мероприятий некоммерческими объединениями под эгидой фонда «Русский мир». По итогам сплошного обследования и семантико-статистического анализа открытых метаданных конкурсных заявок 2021 г. грантовая деятельность фонда оценена с точки зрения соответствия его программным целям, географического покрытия и по другим параметрам. Установлено, что гражданский (культуроцентристский) тип патриотизма наиболее соответствует заявленным целям фонда и выступает направляющим и формирующим фактором для большинства заявок. Выявлены пути повышения результативности грантовой деятельности, приемлемые не только для фонда «Русский мир», но и для других подобных фондов и социально-культурных программ.

Ключевые слова: результативность «мягкой силы», культурное достояние, образ России, социокультурные связи, преемственность поколений.

Введение. Беспрецедентные экономические и политические западные санкции сопровождаются попытками культурной «отмены» России в самых разных сферах де-

ятельности. Как показывает дискредитация российского спорта, «политическая рефлексия контрагентов в лице политической элиты других стран заставляет их вырабатывать но-

вые стратегические планы по нивелированию потенциала реализации «мягкого» могущества других стран, в том числе и их спортивного достояния» [8, с. 195]. Беспокойство академического сообщества о будущем российском присутствии в международных базах научного цитирования, запрет участия российской делегации в Венецианском и Каннском фестивалях, угроза безопасности российских арт-объектов, оказавшихся к концу февраля 2022 г. в Париже и Лондоне, и многие другие подобные прецеденты отражают понимание науки, культуры и искусства как средств достижения политических целей путем привлечения симпатий [7].

Никакое санкционное давление не может быть успешным и последовательным в условиях, когда значительная часть собственного населения и его интеллектуальной элиты симпатизирует оппоненту. При этом стойкая симпатия невозможна без понимания и эмпатии, которые обеспечиваются сходством культурного кода. Проникновение в чужой культурный код начинается с языка.

В этом суть непримиримой и изначально провальной языковой войны Украины против России и русского мира, которая привела к событиям в Донбассе. Непримиримость обусловлена пониманием культуuroобразующей роли языка: «Национальные языки все более обретают, помимо функции, связанной с продвижением “мягкой силы”, функцию транслятора культурного достояния народов и наций в глобальный культурный ландшафт» [3, с. 1189]. Бесперспективность обусловлена двумя видимыми причинами. Первая – природные свойства русского языка, которые наделяют его «уникальным потенциалом адаптации к новой социальной реальности», «особыми коммуникационными свойствами, обеспечивающими широкие потребности пользователей» не только русского этноса, «образностью, позволяющей передать все богатство культурного наследия России» и «способностью презентации культурного достояния других народов» [3, с. 1189]. Вторая причина – силовое регулирование процессов, связанных с культурой, идентичностью, творчеством, самовыражением. Любая попытка их запрета или навязывания вызывает отторже-

ние как насилие, как вмешательство в сокровенную, частную сферу человека.

Внешне мелочные до абсурда нападки Запада – акты «отмены» русского культурного наследия – логичны, закономерны и политически выверены. Концепции культурной гегемонии и «мягкой силы» Запад использует давно и сознательно: против России, против крепнущего Китая, против собственных бывших колоний [4] [11] [14]. Много сказано о соблазнении неискушенного советского человека материальной культурой общества потребления [9], следствием которой стали утечка мозгов, размывание принципов коллективизма, падение трудовой этики и традиционной морали. Помимо безадресного распространения семян «американской мечты», урон имиджу и репутации России в мире наносится продукцией Голливуда в сознательной медиавойне [10]. При этом сам Голливуд жанром семейного кино тщательно укреплял «санитарный» идеологический “железный занавес” для формирования идейно-мировоззренческого иммунитета против антиамериканской пропаганды» [16, с. 68], обеспечивая преемственность поколений.

Наша страна лишь недавно начала осознавать необходимость стратегии «мягкой силы». Призывы к ее построению одними из первых (2008 г.) озвучили московские политологи А. А. Казанцев и В. Н. Меркушев, ссылаясь на документы МИД, президентский указ Б. Н. Ельцина и свод исследовательских отчетов об образе России за рубежом. Они показали, что «имидж России на постсоветском пространстве как сознательный инструмент нашей внешней политики практически не проработан» [6, с. 132]. Уже после первой волны санкций, в 2015 г., уральские исследователи обосновали необходимость стратегии «мягкой силы» для российских СМИ на уже созданных «площадках гуманитарного влияния» [5, с. 134], возможности инноваций которых пока не действуют, равно как и возможности подготовки кадров для зарубежных СМИ. Отечественный кинематограф продолжал выстраивать противоречивый и часто конфликтный образ собственной страны, организованный концептами «народ», «власть», «православие», «природа», «война»

[1, с. 15–16]. Он безусловно важен для самопознания, но противопоказан для внешней, уже предубежденной аудитории.

В последнее время политика культурного ослабления России стала системной и методически выверенной. Западные исследователи прекрасно осознают чувства безысходности, унижения, потери управления собственной судьбой, которые довелось пережить выброшенному за борт русскому населению во вновь возникших национальных государствах [17] [20]. Но это вызывает не сочувствие, а обеспокоенность вопросом, «насколько дружественны Москве... русскоязычные меньшинства»¹ [17, р. 1], как интегрировать «имперское» (т.е. оказавшееся на чужой территории вследствие распада Советского Союза, а не в результате добровольной эмиграции) поколение советских людей. При этом главный рецепт – побудить «людей русского происхождения и русскоговорящих развиваться как личности», а не как «члены определенной части общества, составляющие скрытую пятую колонну» [20], то есть отнять их идентичность. М. Лорель, адекватно оценивает нацистскую подоплеку украинского кризиса, фиксирует присутствие в составе военизированных формирований, сражающихся против Донбасса, иностранных наемников с нацистскими взглядами [19]. Славист О. Забирко отмечает приметы политического реваншизма, лабораторию по «антидемократическому и антимодернистскому» форматированию политической реальности, отслеживая мифопоэтику Новороссии в русской литературе (в частности у А. Проханова) и анализируя стремления и действия «попаданцев» в советское прошлое в современной фантастике и фэнтези России [24, р. 128]. Непозволительным, с точки зрения западных аналитиков, является и высокий авторитет, которым пользуется Русская Православная Церковь, поскольку она укрепляет «идею духовных связей между всеми русскими, а не только в пределах границ современной Российской Федерации» [18, р. 4], чем поддерживает внешнюю политику России. Раздражает политологов и присутствие на Западе организованных

правительством неправительственных организаций [23], аналитических центров, ученых, их участие в международных дискуссиях, которое приравнивается к пропагандистской работе [22]. Главный источник страхов западных аналитиков – сама концепция Русского мира, жесткая критика которой в научных работах и диффамация в медиапространстве достойна отдельного научного обзора.

Цели и задачи исследования.

17.01.2022 г. автором проведено сплошное обследование находящихся в открытом доступе метаданных конкурсных заявок на гранты фонда «Русский мир». Данный фонд выбран прежде всего из-за своего названия, заявляющего о месте в авангарде формирования положительного общественного мнения о стране (что включено в число его программных задач²) путем мягкого, непрямого воздействия не столько идей и идеологий, сколько образов и культурных концептов. В качестве равнозначных задач на сайте фонда обозначены как изучение, сохранение, приумножение богатства и разнообразия русского языка и русской культуры внутри страны, так и сохранение этнокультурной идентичности выходцев из России за рубежом. Поэтому фонд предусматривает и использует множество инструментов, служащих для формирования двусторонних культурных контактов и связей между «внутренней» частью русского мира и «внешней», состоящей из диаспор, иностранцев с русскими корнями, организаций-партнеров, профессионалов и любителей русской словесности и культуры.

Основная цель исследования – определение направлений и способов увеличения результативности грантовой деятельности фондов, призванных содействовать сохранению русского языка, русской культуры и этнокультурной идентичности выходцев из России, живущих за рубежом. При этом предполагается также ответить на вопросы о том, насколько последовательно фонд «Русский мир» реализует программные цели в процессе отбора и поддержки заявок и насколько близки этим целям замыслы участников.

² Фонд «Русский Мир»: официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 17.01.2022).

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. К.

Особенно важно соотношение в тематике заявок трех версий патриотизма: патриотизма как государственности, отстаиваемой, в числе прочего, военной мощью и военной славой; патриотизма как духовно-религиозного единства; патриотизма как самоидентификации через национальное культурное наследие, природно-культурное своеобразие, через художественную культуру (как «высокую», так и «низовую», традиционную народную и массовую).

Кроме того, в задачи входило определение адресата проектов по местоположению (отечественная или иностранная аудитория) и возрасту (взрослые или подрастающее поколение), состава заявителей, устойчивых образов, топосов, имен. Через них происходит не только самопрезентация конкурсантов – мыслящей и деятельной части «Русского мира» как движения, – но и самопознание русского мира как общности, которая определяет и конструирует себя, в том числе в ходе такого социально-культурного проектирования.

Решение перечисленных задач поможет не только выработать практические рекомендации, связанные с социокультурным проектированием, основанный на эмпирических данных анализ поможет более четко определить структурные составляющие концепции «мягкой силы» в аспекте ее применения российским государством для реализации внутри- и внешнеполитических целей и задач.

Материалы и методы исследования. Единицей наблюдения стала отдельная запись на сайте по итогам весенней и осенней сессии (заявочной кампании) 2021 г., отражающая каждый отдельный акт обращения заявителей (включая повторные подачи заявок после внесения исправлений). Общее количество записей за период обеих (весна, осень) заявочных кампаний – 704.

Текст заявок не был доступен, поэтому анализировались названия проектов, в которых фиксировалось присутствие или отсутствие интересующих нас элементов содержания, сведения о заявителях и решение экспертной комиссии, отраженное в графе «Статус заявки».

В материалы включались все заявки, независимо от того, одобрены они или нет. Ста-

тус («поддержать», «не поддерживать / отклонить» и т.д.) свидетельствует о ее качестве, (не-)соответствии требованиям конкурса или задачам фонда, но не соотносится с исходной интенцией авторов заявки как выразителей определенной коллективной социокультурной, общественно-политической идейной позиции. А именно ее выявление средствами лингвостатистического анализа и являлось задачей исследования.

Данные обрабатывались средствами перекрестных группировок, оценки корреляций и семантического анализа лексического состава заявок.

Результаты исследования. Коммуникативная интенция коллективного заявителя, если выразить ее с помощью десяти наиболее частотных слов (при общем количестве слов 6718, из них уникальных 1788), встречающихся в общем массиве наименований тем заявок (см. таб. 1), подчинена продвижению русского языка в международных масштабах средствами интерактивных (контактных) массовых мероприятий (фестиваль, «дни») для формирования / поддержания интегративных связей («мир»). Но хотя словосочетание «русский язык» опережает все остальные, чаще всего оно встречается в единстве с «русской культурой», «русской литературой», «русским миром» (язык необходим для их восприятия и понимания).

Табл. 1

Первая десятка самых частотных слов в массиве названий проектов

Table 1

The top ten most frequent words in the array of project titles

Слово	Частота	%*
Русский	306	4,55
Язык	164	2,44
Международный	89	1,32
Россия	85	1,27
Фестиваль	70	1,04
Культура	61	0,91
Мир	43	0,64
Проект	39	0,58
День	38	0,57
Литература	37	0,55

*от общего количества значимых слов во всех заголовках

На стадии подачи проекты популяризации культуры (503 записи) отчетливо преобладали над проектами обучения языку (201 запись). Среди поддержанных заявок, популяризирующих культуру России, осталось 59, а продвигающих язык – 17. Процентное соотношение почти не изменилось, что указывает на одинаковое понимание организаторами и участниками конкурса инструментальной роли языка как средства международного общения и проводника культурного влияния.

О том же говорит география проектов. Она не изоморфна карте присутствия центров фонда «Русский мир» ни на территории страны, ни за рубежом, хотя из ряда стран их постоянного присутствия действительно поступило больше заявок.

География заявителей и поддержанных проектов

На стадии подачи заявок преобладали россияне (565 заявок, то есть 80% от их общего количества), но среди поддержанных проектов больше иностранных (42 заявки, то есть 55% от их общего количества). Соотношение визуализирует диаграмма на рисунке 1.

Коэффициенты ассоциации (0,67) и контингенции (0,44) обнаруживают сильную связь между государственной принадлежностью заявителя и шансами заявки (в отборе заявок прослеживается позитивная дискриминация иностранцев как поощрение их интереса к России).

Соотношение поданных и поддержанных заявок по зарубежным странам представлено на рисунке 2. Максимальная активность подачи у Белоруссии (13), максимальная поддержка оказана Грузии (4).

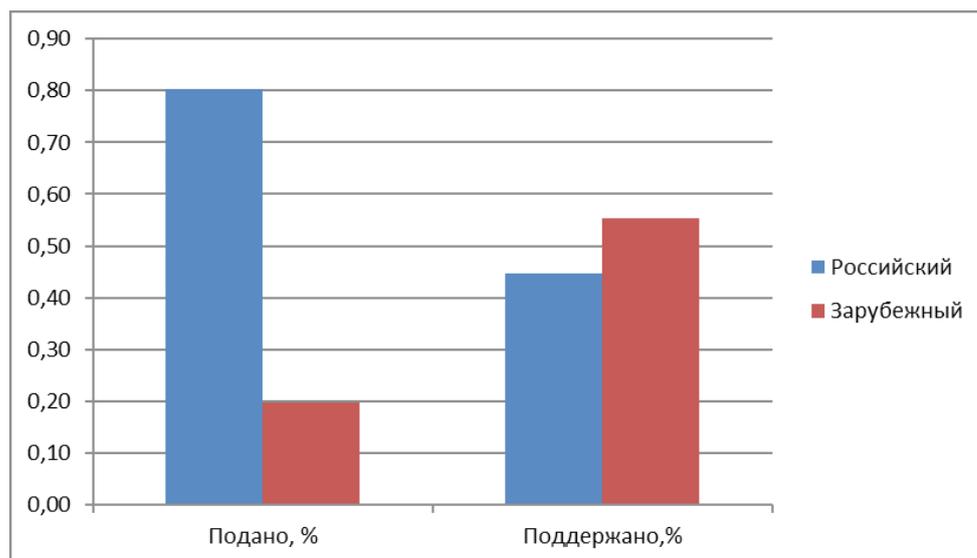

Рис. 1. Поданные и поддержанные заявки россиян и иностранцев
Fig. 1. Submitted and supported applications: from Russians and from foreigners

Страны заявителей проранжированы по признаку превышения медианных значений: частоты подачи заявок, частоты поддержки заявок и проходимости (доли поддержанных заявок от числа поданных из данной страны).

Выделилось пять стран-лидеров. По убыванию проходимости это Болгария (0,75), Молдавия (0,67), Грузия (0,57), Германия (0,40), Испания (0,29).

Страны с максимальной активностью участия, из-за которой проходимость их заявок чуть ниже медианы, – Белоруссия (0,23), Турция (0,22), Сербия (0,2).

Единственная страна, поддержка которой оказывается активнее ее участия, – Иран (подача на уровне медианы 3, поддержано 3 при медианном значении 1, проходимость 1).

У 12 стран с невысокой вовлеченностью (среднее число поданных заявок – 1,7) поддержана хотя бы одна заявка, что дает высокие значения проходимости: Греция 1; Дания 1; ДНР 1; ЛНР 1; Польша 1; Хорватия 1; Чили 1; Италия 0,5; Словения 0,5; Австралия 0,33; Казахстан 0,33; Чехия 0,33.

Особую группу составили 9 стран (Абхазия, Армения, Киргизия, Македония, Палестина, США, Украина, Финляндия, Франция) с вы-

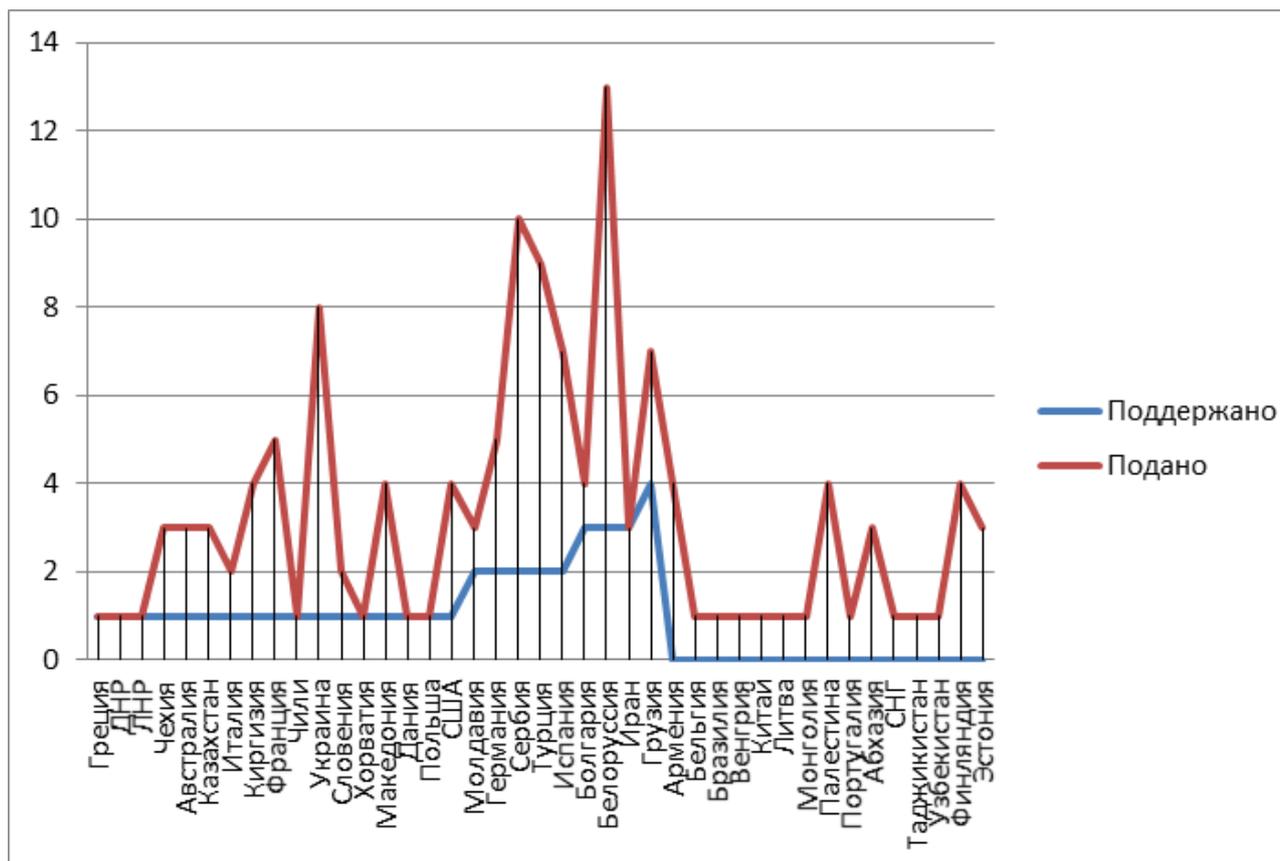

Рисунок 2. Соотношение поданных и поддержанных заявок иностранных резидентов
 Fig. 2. The ratio of submitted and supported applications from foreign residents

сокой активностью участия и низким уровнем поддержки, с низкой проходимостью заявок.

Малоактивных стран 10: Бельгия, Бразилия, Венгрия, Китай, Литва, Монголия, Португалия, Таджикистан, Узбекистан, Эстония. Число заявок меньше либо равно медиане (3), ни одна не поддержана, проходимость заявок равна нулю; резиденты не делали попыток увеличить шанс одобрения проекта путем подачи нескольких заявок или корректировки отклоненных.

Субъектов РФ – 76 из 85. Наибольшее количество заявок (123 при среднем арифметическом 7,4 и медиане 4) из столицы. Участвовали все федеральные округа, хотя лишь в двух (Приволжском и Сибирском) есть заявки от каждого субъекта. 12 субъектов – лидеры и участия, и поддержки – Москва и Санкт-Петербург, Приморский край, Красноярский край и Новосибирская область, Астраханская и Ростовская область, Республика Крым и Республика Калмыкия, Нижегородская, Орен-

бургская области и Республика Башкортостан. В итоге (см. рис. 3) фоновые знания, которые целевая аудитория сможет получить путем коммуникаций с организаторами, оставят вне поля зрения крупные культурные ареалы: нестоличные регионы центральной полосы, Кавказ и Урал.

Положительная тенденция, на которую указывает значение r Пирсона 0,105 (связи нет), – безразличие экспертов к административно-территориальному делению («столичность» преимуществ не дает).

Потенциальный адресат: локализация и возраст

Большее половины заглавий (377 записей, то есть 54% заявок) не содержат эксплицитной информации об адресате. Это нормально для научно-исследовательских проектов. Например, тема «Русский язык в лингвистических интернет-мемах» интересна филологу любой нации. Остальные – заявки с плохо подобранным малоин-

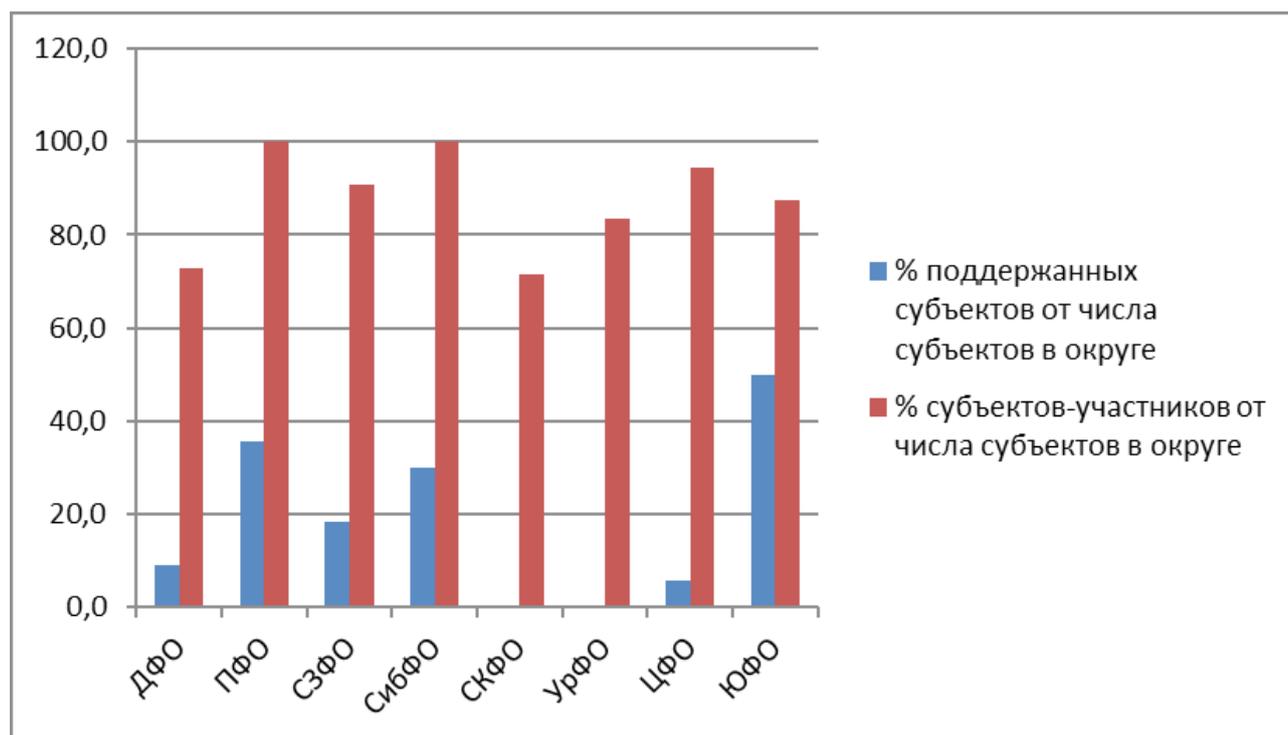

Рис. 3. Полнота охвата грантовой кампанией регионов в составе федеральных округов
 Fig. 3. The coverage of the regions within federal districts by the grant campaign

формативным заголовком. Это клише или метафора, из которых не ясны ни суть намерений заявителя, ни адресат, ни формы коммуникации («Никто не забыт, ничто не забыто», «Венок славы», «20 лет на страже Памяти» и пр.). Чаще всего они отклоняются экспертами. Поддержано 27, что составляет 35% от всех поддержанных заявок; отклонено 350, что составляет 56% от всех отклоненных заявок.

Из 78 заявок (11% от их общего количества), ориентированных на отечественную аудиторию (в заголовках фигурируют определения «местный», «муниципальный», «межрегиональный», «всероссийский» и т.п.), поддержано лишь две (3% от поддержанных заявок).

Заголовки 249 заявок (35% от всех поданных) маркируют зарубежное местоположение адресата (топонимы, этнонимы, прилагательные «международный», «всемирный», «глобальный» и т.д.). 47 из них поддержано (62% от всех поддержанных заявок), что подтверждает приоритетность для Фонда проектов с высоким потенциалом международных связей.

В стратегической перспективе еще важнее вовлечь в орбиту ценностей и смыслов русского мира подрастающее поколение как за рубежом, так и (особенно) в самой России. Очевидно, что эта задача не решается и даже не до конца осознается.

Большая часть поданных на конкурс заявок не содержит в названии указаний на возраст потенциальной аудитории: они могут в равной степени предназначаться и молодым людям, и взрослым. Около 20% адресовано детям и юношеству. Среди поддержанных заявок пропорция та же (22% проектов для детско-юношеской аудитории). Обеспечение межпоколенной преемственности русского мира не выделено в приоритет ни участниками, ни организаторами конкурса.

Заявки, адресованные детям и молодежи, лексически мало отличаются от заявок, адресованных взрослым. Сравнив эти подмассивы, мы выяснили, что в обоих преобладают проекты по обучению русскому языку (см. таб. 2).

«Взрослые» заявки больше ориентированы на интерактивное продвижение образа России (см., например, позиции слова «фести-

Табл. 2

Первая десятка самых частотных слов в «молодежном» и «взрослом» подмассивах поданных заявок

Table 2

The top ten most frequent words in the “youth” and “adult” sub-arrays of submitted applications

Для детей			Для взрослых		
Слово	Частота	%*	Слово	Частота	%*
Русский	90	5,2	Русский	216	4,33
Язык	69	4	Язык	95	1,91
Ребенок / дети	29	1,7	Россия	71	1,42
Школа	22	1,3	Международный	67	1,34
Международный	22	1,3	Фестиваль	56	1,12
Детский	21	1,2	Культура	47	0,94
Студент	17	1	Мир	37	0,74
Фестиваль	14	0,8	День	35	0,7
Россия	14	0,8	Проект	32	0,64
Обучение	14	0,8	История	31	0,62

* в составе всех слов, выявленных в одном подмассиве заголовков

валь» в аналогичных столбцах). Есть исследовательские и издательские проекты, культурологические и исторические, помимо лингвистических. Во «взрослом» массиве больше разнообразия событий и зрелищ («форум», «конференция», «конгресс», «спектакль», «выставка» и т.д.), а «детский» беднее этими номинациями («урок», «олимпиада», «языковой лагерь»). Проекты для детей и молодежи включают много методических материалов (разработка и апробация учебных пособий, онлайн-платформ и тренажеров для формирования лингвистической компетентности) и предполагают работу с локальным контингентом в рамках уже существующих организационных структур (обучающиеся в вузах иностранные студенты, ученики конкретных школ). Во «взрослых» заявках больше выражена установка на создание принципиально нового контента и новых организационных структур, в том числе виртуальных. На продвижение русской музыкальной, песенной, танцевальной культуры ориентированы лишь 7 заявок для детей и молодежи (5% от подмассива) и не менее 56 «взрослых» заявок (почти 10% от подмассива). Заявка, продвигающая национальную кухню, всего одна (от бело-

русского технологического колледжа), и она не поддержана.

Как видим, вопреки требованиям возрастной психологии «детско-юношеские» проекты задумываются преимущественно дидактическими, вербальными, а «взрослые» – интерактивными и мультисенсорными. Незаслуженно мало внимания уделяется тем формам коммуникации, которые не требуют знания естественного языка и несут огромный эмоциональный заряд, становясь интуитивно понятными и взрослым, и детям даже с учетом этнокультурных различий: инструментальная музыка, песня, танец, пища.

Нужно отметить, что в отборе заявок со стороны экспертов (см. таб. 3) прослеживается стремление преодолеть эти недостатки.

В составе поддержанных «взрослых» заявок расширяется культурологический контент, ориентированный на продвижение в международной среде (в таб. 3 это выражается в понижении ранга слова «язык» и повышении ранга слов «международный», «Россия»). В отборе проявляется и стремление использовать ресурсы музыки, наладить постоянные системы русскоязычной коммуникации с зарубежьем («издание» появляется в контексте

Табл. 3

Таблица 3. Первая десятка самых частотных слов в «молодежном» и «взрослом» подмассивах поддержанных заявок

Table 3

Table 3. The top ten most frequent words in the “youth” and “adult” sub-arrays of supported applications

Для детей			Для взрослых		
Слово	Частота	%*	Слово	Частота	%*
Русский	7	2,8	Русский	22	4,1
Язык	6	2,4	Международный	13	2,4
Ребенок / дети	5	2	Россия	11	2,1
Международный	4	1,6	Язык	9	1,7
Чтение	4	1,6	Фестиваль	8	1,5
Фестиваль	4	1,6	Культура	7	1,3
Достоевский	3	1,2	Мир	5	0,9
Преподавание	2	0,8	Песня	5	0,9
Методический	2	0,8	Издание	5	0,9
Пособие	2	0,8	Российский	4	0,8

* в составе всех слов, выявленных в одном подмассиве заголовков

учреждения новых специализированных СМИ, а также научных, информационно-справочных и научно-популярных трудов). И напротив, в «детском» подмассиве заметно стремление сбалансировать лингвистические проекты литературоведческими, в центре которых в связи с юбилейным годом оказался Достоевский.

Вопрос о выраженном в онимах наборе избирательно продвигаемых имен, реалий, пространств русского мира заслуживает отдельного внимания.

Ономастика заявок

Ономастическая лексика, обозначающая собственные имена, относится к уникальным объектам, и потому ей мы отводим особую роль. Онимы идентифицируют и закрепляют в памяти своеобразные, узнаваемые детали образа страны, продвижению которого служит деятельность фонда.

Антропонимы

Антропонимов в названиях поданных заявок 118 (в 17% заявок).

Они неравномерно распределены между «детско-юношескими» (18 антропонимов, что составляет 13% от данной категории заявок) и «взрослыми» заявками (100 антропони-

мов, то есть 18% заявок данной категории). В целом заявители, собирающиеся работать с детской аудиторией, менее склонны к популяризации великих имен России: упомянутых персоналий мало, их выдвижение следует конъюнктуре праздников и юбилеев.

В поданных «детско-юношеских» заявках имя Ф. М. Достоевского встретилось 8 раз, П. И. Чайковского 2 раза. Единожды – имена Е. А. Баратынского, М. М. Зощенко, И. А. Новикова, А. С. Пушкина, Петра Великого, В. Я. Шаинского. Кроме того, как часть наименования организации-заявителя по разу встретились имена казахского педагога и просветителя Х. Досмухамедова и советского военачальника Б. Б. Городовикова. В поддержанных «детско-юношеских» заявках остались только имена Б. Б. Городовикова (по субъекту); Х. Досмухамедова (по субъекту) и Ф. М. Достоевского (по контенту).

В массиве «взрослых» заявок многократно упоминаются: Ф. М. Достоевский (14), Петр I (9), Александр Невский (5), А. П. Чехов (5), А. С. Пушкин (4), С. А. Есенин (3), И. С. Тургенев (2), Ярослав Мудрый (2), В. И. Даль (2), А. С. Грибоедов (2), Н. А. Некрасов (2), В. Г. Ко-

Рис. 4. Доли сфер от всех поданных заявок с антропонимами, %
 Fig. 4. Shares of spheres from all submitted applications with anthroponyms, %

роленко (2). Единожды – писатель С. Т. Аксаков, поэтесса и танцовщица Л. Андерсен, поэтесса Б. Ахмадулина, фотограф-краевед Д. П. Багаев, писатель М. Н. Барсуков, немецкий композитор И. С. Бах, художник и искусствовед Р. В. Биценко, архимандрит, путешественник, китаевед И. Бичурин, наполеоновский военачальник Э. де Богарне, композитор А. П. Бородин, писатель М. А. Булгаков, парфюмер К. М. Веригин, летчик-космонавт Ю. А. Гагарин, поэт Р. Гамзатов, сценарист А. К. Гладков, писатель Н. В. Гоголь, хореограф М. С. Годенко, военачальник Б. Б. Городовиков, историк и философ Н. Я. Данилевский, итальянский поэт и богослов Данте Алигьери, участница Куликовской битвы княжна Дарья Ростовская, балетный импресарио С. П. Дягилев, казачий атаман-первопроходец, завоеватель Сибири Ермак, польский филолог-русист М. Здзеховский, певица Л. Зыкина, военные летчики Б. В. Капустин и Ю. Н. Янов, историограф Н. М. Карамзин, благотворительница А. Карамзина, писатель

и этнограф М. Круковский, герой-подпольщик Г. Н. Курмашев и поэт-антифашист М. Джалиль, поэт М. Ю. Лермонтов, ученый Д. С. Лихачев, физик-экспериментатор В. В. Петров, Святые Царственные Стратотерпцы, поэт И. Северянин, писательница Н. С. Соханская (Кохановская), прп. Савва Сторожевский, советский дипломат К. Хакимов, поэт М. И. Цветаева, композитор П. И. Чайковский, инженерная династия Черепановых, географ и геолог И. Д. Черский, историк-славянофил С. П. Шевырев, немецкий поэт Ф. Шиллер, актер, режиссер и писатель В. М. Шукшин, режиссер С. М. Эйзенштейн, художник и скульптор С. Д. Эрзя.

В поддержанных «взрослых» заявках осталось 8 антропонимов: К. М. Веригин, Н. В. Гоголь, В. И. Даль (2), Н. М. Карамзин, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, А. П. Чехов.

Систематизация «молодежных» и «взрослых» заявок по сферам деятельности упомянутых в них персон показывает, какие области культуры представлены более ши-

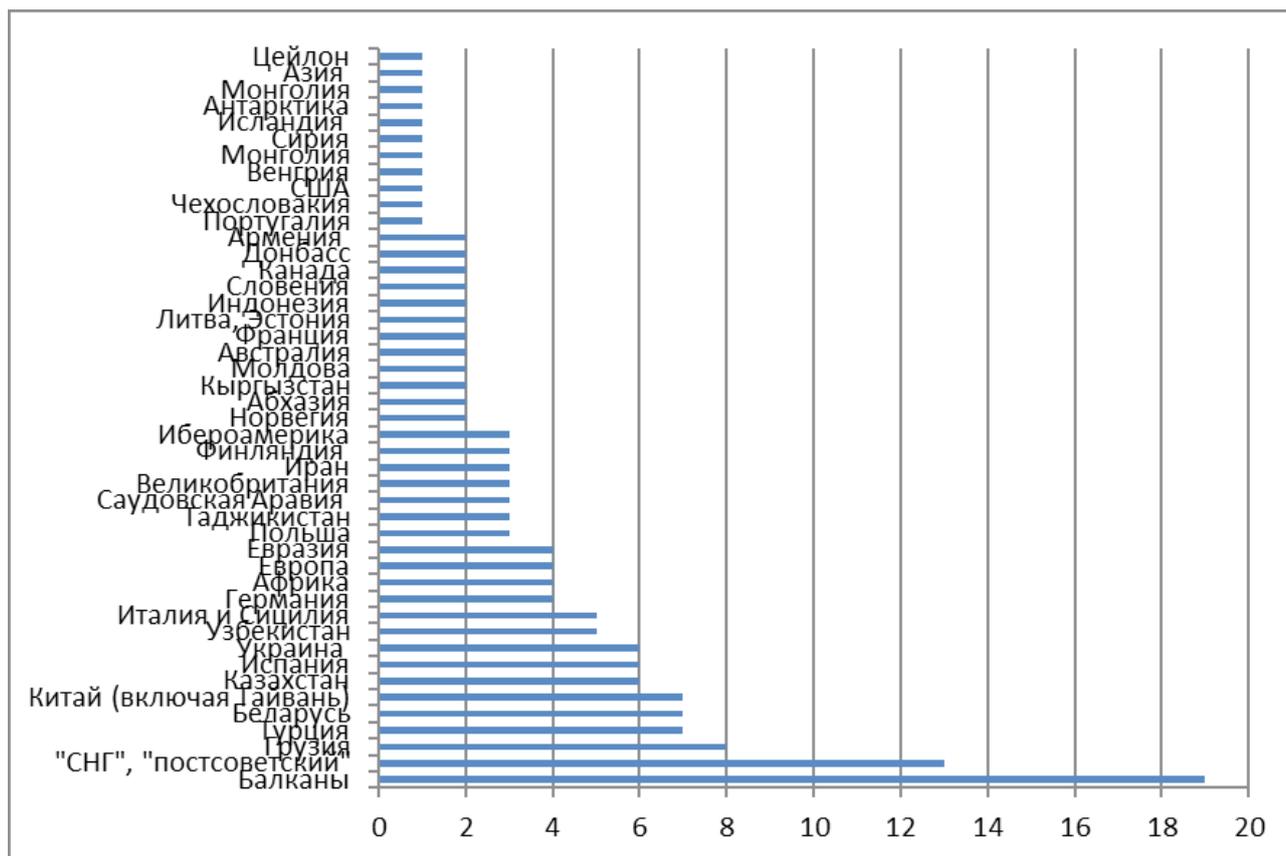

Рис. 5. Состав поданных заявок по содержанию топонимов, именующих зарубежные географические объекты
 Fig. 5. Composition of submitted applications by the content of toponyms naming foreign geographical objects

роко, а какие отражены слабо (см. рис. 4). Все заявки литературоцентричны. Если исключить имена Городовикова и Досмухамедова в эргонимах заявителя, литература останется единственной персонифицированной областью, которая фигурирует в поддержанных заявках.

Пласт культурного наследия, который транслируют поддержанные заявки, можно определить как часть духовной элитарной культуры, сформированную литературным художественным творчеством, для знания и понимания которой принципиально важно владение естественным вербальным языком.

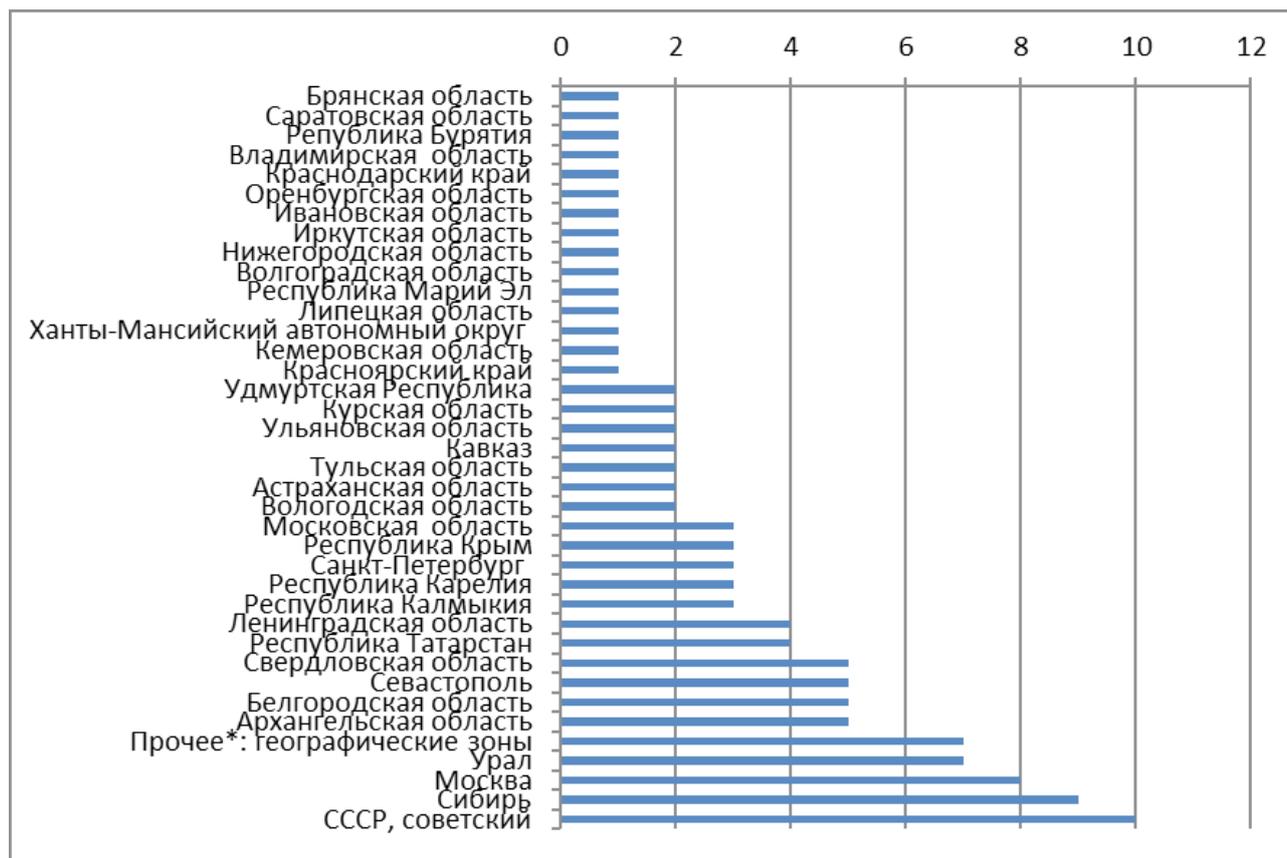
Топонимы

Топонимика заявок рассматривалась в аспекте противопоставления друг другу российских и зарубежных топонимов (в том числе дальнее зарубежье, пространство быв-

шего СССР, юридически «не российские» ДНР и ЛНР), а также «участия» – «поддержки».

В названиях поданных заявок присутствует 274 топонима (с образованными от них прилагательными).

Сгруппированные по стране (например: «Грузия» 8 = Грузия (4), Тбилиси (2), тбилисский (1), Шекветили (1)), по континенту (например: «Африка» 4 = африканский (1), Бизерта (1), Зимбабве (1), Конго (1)) или по макро-региону (например: «Ибероамерика» 3 = Куба (1), Монтевидео (1), ибероамериканский (1); «Балканы» 19 = Балканы (1), Сербия (2), черногорский (1), Босния (1), Герцеговина (1), Хорватия (2), Болгария (3), София (1)) «зарубежные» топонимы представлены на рисунке 5. Как видим, авторов больше привлекают культурно и исторически близкие страны: славянские Балканы, все Причерноморье, постсоветские государства (и партнеры, и оппоненты).

Прочие*: Байкал (1), Волга (1), каспийский (1), окский (1), черноморский (1), Арктика (1), Алтай (1)

Рис. 6. Состав поданных заявок по содержанию топонимов, именующих российские географические объекты

Fig. 6. Composition of submitted applications by the content of toponyms naming Russian geographical objects

Культурные ландшафты России (рис. 6) представлены более неравномерно, чем места подачи заявок. Топонимы относятся к 33 субъектам из 85. Из географических зон обозначены только самые знаковые (в центре вновь, как в стереотипах иностранцев, оказывается Сибирь). Ядро «ментальной географии» страны прочно связано с советским прошлым («СССР», «советский»).

В поддержанных проектах осталось 32 топонима: «Москва», «калмыцкий», «Кавказ», «Ялта», «Луганск», «Донбасс», «всеукраинский», «Беларусь», «Казахстан» (также «Атырауский»), «СНГ»; «Монголия», «всесирский», «Турция» (и «всетурецкий»), «Грузия» (и «Тбилиси», «тбилисский», «Шекветили»), «персидский», «Европа», «Белград», «Македония», «Болгария», «Хорватия», «Польша», «венгерский», «Милан», «Монпелье», «Ис-

ландия»; «Австралия», «ибероамериканский». Соотношение изменилось в пользу зарубежных топонимов (см. рис. 7).

Коэффициент ассоциации между числом топонимов с российской или зарубежной географией и статусом заявки (поддержана или не поддержана) составляет 0,66; коэффициент контингенции (который всегда меньше) – 0,36. Связь вновь отражает более частый отбор проектов, ориентированных на международные контакты.

Версия патриотизма

Озвученная фондом задача взаимодействия «с Русской православной церковью и другими конфессиями в деле продвижения русского языка и российской культуры»¹ фактически не находит отражения в гранто-

¹ Фонд «Русский Мир». Там же.

вой деятельности. В конкурсе участвовало 20 заявок на темы религии и религиозного искусства (храмовое зодчество, духовная музыка и пр.). Они представляют единственную конфессию – православие. Все поданы отечественными резидентами (кроме Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа), преимущественно светскими (кроме семи заявок, поступивших от четырех религиозных организаций). Ни одна поддержана не была. «Духовно-религиозная» версия патриотизма дефицитна еще на уровне интенций заявителей и не доходит до адресата после фильтров экспертного отбора. Дистанцирование от религиозной тематики может диктоваться политкорректностью (так как заявок, представляющих ислам и буддизм, не было). Экспертиза последовательно отвергает и те заявки, где акцентируется языческое начало традиционной народной культуры, представленное не как объект научного изучения, а как предмет продвижения (проведение праздника «Зеленые святки», мастер-класс «Обережное рукоделие» и др.).

Несколько больше заявок (70, то есть около 10% от их общего количества) основаны на «государственническом»/державном патриотизме. Их ключевые темы – Ярослав Мудрый, Александр Невский, Петр I и Великая Отечественная война. Поддержано 5 заявок, тематически связанных с Великой Отечественной войной. Три заявки поступили из славянского зарубежья (Сербия, Болгария), две – из России (Владивосток, Новосибирск). Это 7% всех поддержанных проектов. Результат весьма скромный с учетом острой

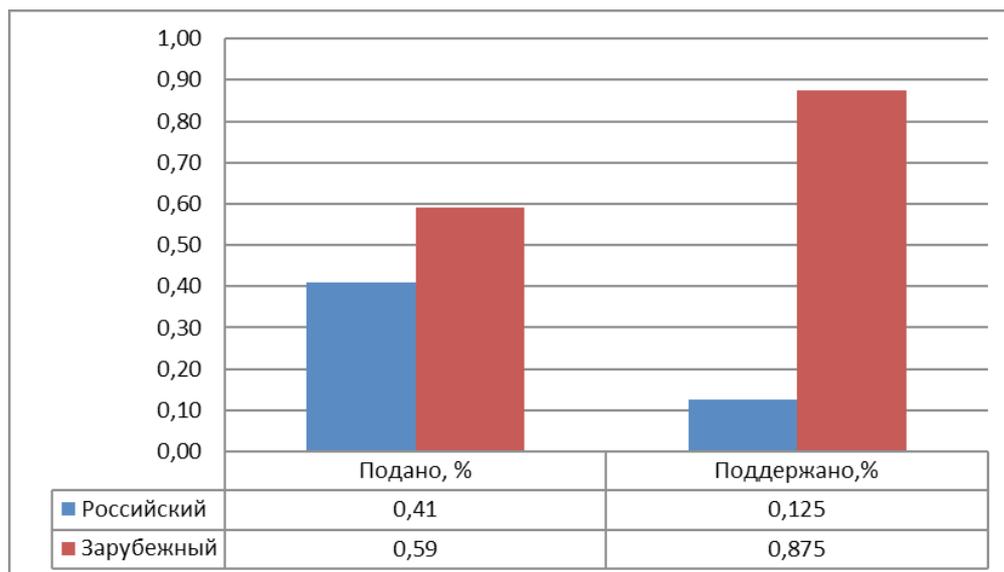

Рис. 7. Соотношение долей российских и зарубежных топосов в поданных и поддержанных заявках

Fig. 7. The ratio of shares of Russian and foreign topoi in submitted and supported applications

актуальности на этапе собирания русских земель таких задач фонда, как «содействие экспертному обеспечению внешней политики России» и «поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира»¹.

На этом фоне 245 заявок (35% всех поданных), оперирующих безэквивалентной лексикой (типа «горница», «самовар», «матрешка»), онимами, отсылающими к традиционной народной культуре, фольклору, ремеслам, историческим событиям и личностям (кроме религиозной и военно-политической сферы во избежание двойного учета), специфическим природным объектам и явлениям, получившим значение культурного символа (например, «Сибирская зима»), выявляют доминирующий вид патриотизма в сознании современной русской интеллигенции. Это «гражданский, или культуроцентристский вид» [2, с. 4], который «представлен преимущественно через символы и архетипы исторической, нравственной и национально-

¹ Фонд «Русский Мир». Там же.

-культурной памяти нашего народа» [2, с. 7]. Этот же вид наиболее полно представлен и в поддержанных заявках: их 24 (32% от всех поддержанных). Данный результат закономерен, именно этот вид патриотизма культивируется фондом, поскольку наиболее соответствует целям «общественной дипломатии» и находит отражение в большинстве его программных задач.

Заключение. Обнаруженная тенденция поддерживать заявки, поступившие от иностранного резидента, чаще, чем от российского, работает на популяризацию русской культуры и языка в глобальном масштабе как сверхзадачу фонда. Но отправной точкой для укрепления русского мира должна быть неизбежность патриотизма (в любых его измерениях) в самой России.

Анализ выявил пути повышения результативности грантовой деятельности (применимые не только к «Русскому миру», но и к другим фондам, а также отдельным социально-культурным программам).

Возможно, с учетом геополитической обстановки следует оказывать больше поддержки как заявкам из стран, с которыми Россию связывают особенно стойкие узы дружбы (Абхазия, Армения), так и тем проявлениям любви и уважения к России, которые поступают из недружественных стран (Украина, США).

Необходимо усилить работу с детьми, подростками и молодежью с учетом особенностей их ритма жизни, тематических интересов, когнитивного развития, социальных и этнокультурных различий. Этому могло бы способствовать как выделение некоторых квот на проекты для детей и молодежи, так и стимулирование участия самой молодежи в заявочных кампаниях.

«Молодежные» заявки по сравнению со «взрослыми» бедны антропонимами, относящимися к культовым для истории России фигурам. Именно от них зависит позиционирование русской культуры как цивилизационной модели глобального значения, как огромной части всемирного культурного наследия.

Для комплексности образа страны необходимо преодолевать «литературоцентризм» проектов, возможно, путем введения отдельных номинаций по видам искусства или сфе-

рам деятельности. На сегодня все сферы, кроме литературы, имеют в заявках нулевую проходимость. И даже на стадии подачи другие области культуры репрезентируются спорадически. В дефиците спорт, цирк и театр, живопись и декоративно-прикладное искусство, архитектура и зодчество, природные и рукотворные ландшафты. Крайне слабо отражены наука и медицина, опытно-конструкторские и инженерные разработки. Мало представлено военное дело, имена великих первопроходцев, путешественников, мореплавателей и воздухоплавателей, покорителей и исследователей космоса. Несмотря на подачу заявок религиозными организациями, религиозно-духовная жизнь страны плохо персонифицирована: нет имен знаменитых обителей и духовных пастырей, старцев, харизматичных представителей Церкви. Те же, кто упоминается, идентифицируются общественным сознанием по иным социальным ролям: великий полководец Александр Невский, последний царь с семьей.

Из-за «литературоцентризма» культура России представлена в основном элитарным уровнем и – в несколько меньшей степени – традиционным. Это поддерживает престиж страны, но одновременно вписывается в шаблоны консерватизма и отсталости. Такое же впечатление создается и за счет доминирования среди онимов тех, которые относятся к историческому прошлому, при ощущении дефицита поддержанных проектов, показывающих деятелей культуры и достижения настоящего и обсуждающих будущее развитие.

Следует преодолевать и те недостатки, к которым чутки зарубежные аналитики, не испытывающие симпатий к России. Так, нельзя не согласиться с Ф. Брейтенайхером, что внешняя языковая политика России противоречива и бессистемна: «Поразительно, что участие России в “мягкой силе” гораздо более интенсивно в Эстонии, члене НАТО, которая на самом деле не преследует свое русскоязычное меньшинство, чем в Казахстане, члене ЕАЭС, где меньшинства фактически подвергаются политическим репрессиям» [17, р. 15]. М. Лорель полагает, что в настоящее время существует три основных прочтения событий,

происходивших в Донбассе. Первая интерпретация описывает борьбу во имя антизападной геополитики, предназначения России быть большой территорией и советской памяти, которая делает Донбасс регионом, гордящимся своим промышленным наследием и указывающим путь к новой социалистической России. Второй подход предсказывает обновление политической ортодоксии, которая подтвердит статус России как глашатая консервативных христианских ценностей и, для некоторых, распространит ностальгию по монархии. Третья трактовка со страхом представляет Донбасс как полигон для свержения режимов, находящихся у власти по всей Европе [19, р. 70–71]. На фоне отсутствия единой интерпретации для внешнего наблюдателя не очеви-

ден смысл культурной самобытности России, которую проблематизирует А. Цыганков, задаваясь вопросом, на чем основано и откуда берется русское мессианство [21].

Чтобы сформировать и кодифицировать непротиворечивый, понятный и привлекательный цивилизационный посыл, России необходимо присмотреться к успешному опыту Китая [12] [15] или Индии [13], которые эффективно сочетают традиционные для их мировоззрения и политического опыта (Сунь Цзы, Махатма Ганди) приемы «мягкой силы» с новыми цифровыми технологиями. При этом их действия носят не оборонительный характер, подчиненный точечному решению ситуационных задач, а последовательный, стратегический и глобально ориентированный.

Anna Yu. KAZAKOVA

Dr. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
kazakova.a.u@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8685-9515

***Cultural Heritage as a “Soft Power” Tool: Lexicometry
of Applications for Grants of the Russkiy Mir Foundation***

Abstract. The aim of the study is to identify directions and ways to improve the effectiveness of grant activities of Russian foundations that support projects in the field of popularization and promotion of the Russian language and Russian culture. The author considers the sociocultural design of information products and activities to promote the Russian language and culture in the external and internal environment by non-profit associations under the auspices of the Russkiy Mir Foundation. The author substantiates the relevance of countering the Western policy of Russia’s cultural weakening and the need to institutionalize Russia’s “soft power” as an integral doctrine and system of activities. Using the method of semantic-statistical analysis, the author made a total survey of the open metadata of grant applications received by the Russkiy Mir Foundation in 2021. This provided an assessment of the effectiveness of the foundation’s grant activities in terms of compliance with its program goals, geographical coverage, age of the potential audience of projects, representation of the image of Russia. The survey has shown that the civil (culture-centric) type of patriotism is most consistent with the goals of the foundation and acts as a guiding and shaping factor in most applications. The author has identified ways to improve the effectiveness of grant activities that are acceptable not only for the Russkiy Mir Foundation, but also for other similar foundations and sociocultural programs. These ways include: supporting applications by country, strengthening targeted work with children and youth audiences, overcoming the applicants’ predominant orientation on the problems of Russian literature and the associated lack of representations of many areas and concepts of Russian culture, reflecting the religious cultures and ethno-confessional diversity of the country, increasing the share of projects that not only reflect the great past of the country, but also model its worthy future. The author emphasizes that, in

order to form a consistent, understandable and attractive civilizational message, Russia must take into account the successful experience of China or India, which effectively combine the methods of “soft power”, traditional for their worldview and political experience, with new digital technologies. Russia’s actions in this case should not be subordinated to the point solution of momentary tasks, but be consistent, strategically and globally oriented.

Keywords: effectiveness of “soft power”, cultural heritage, image of Russia, sociocultural ties, continuity of generations.

Использованная литература:

1. Белова Д. А., Гусева М. О. Образ России в современном отечественном кинематографе (2014–2017 годы) // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / под ред. Д. С. Будановой. Иваново: Ивановский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС», 2017. С. 14–17.
2. Грибунин В. В., Канарский Д. И. Три вида патриотизма в контексте русского культурного архетипа // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. №1. С. 3–7.
3. Егоров В. Г. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1189–1215.
4. Зинченко И. А. Институционализация внешней культурной политики V Французской республики // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2019. № 6. С. 76–95.
5. Исхаков Р. Л., Корсаков А. Н. Концепция гегемонии Антонио Грамши для современной России // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека: материалы Международного конвента / Ред. коллегия: Т. Г. Мерзлякова и др. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 130–135.
6. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122–135.
7. Наумов А. О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223–229.
8. Русакова О. Ф., Корнеева В. А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 195–207.
9. Смирнов В. А. Идеология общества потребления как элемент стратегии «мягкой силы» // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 3 (38). С. 13–21. DOI: 10.18799/26584956/2020/3(38)/1037.
10. Строкин Н. С. Образ России в американском кинематографе // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 2. № 12-1. С. 238–241.
11. Тетерюк А. С. «Мягкая сила»: фактор кинематографа // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного инсти-

References:

1. Belova, D.A. & Guseva, M.A. (2017) [The image of Russia in modern domestic cinematography (2014–2017)]. *Vlast' v logike i ritorike mezhnatsional'nykh i mezhhkonal'nykh otnosheniy* [Power in the Logic and Rhetoric of Inter-ethnic and Interfaith Relations]. Proceedings of the All-Russian Conference of Young Scholars. Ivanovo: Ivanovo Branch of RANEP. pp. 14–17. (In Russian).
2. Gribunin, V.V. & Kanarskiy, D.I. (2017) Tri vida patriotizma v kontekste russkogo kul'turnogo arkhetaipa [Three Types of Patriotism in the Context of the Russian Cultural Archetype]. *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 3–7.
3. Egorov, V.G. (2021) Russian Language in the Global Linguocultural Space. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 12 (4). pp. 1189–1215. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215
4. Zinchenko, I.A. (2019) Institutionalization of the French V Republic Foreign Cultural Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 6. pp. 76–95. (In Russian)
5. Itzhakov, R.L. & Korsakov A.N. (2015) [Antonio Gramsci's Concept of Hegemony for Modern Russia]. *Gumanitarnaya diplomatiya: lichnost', sotsium, mir, prava cheloveka* [Humanitarian Diplomacy: Personality, Society, World, Human Rights]. Proceedings of the International Convention. Yekaterinburg: Humanitarian University. pp. 130–135. (In Russian).
6. Kazantsev, A.A. & Merkushev, V.N. (2008) Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoy sily" [Russia and the Post-soviet Space: Prospects for the Use of “Soft Power”]. *Polis*. 2. pp. 122–135.
7. Naumov, A.A. (2021) Ideological and Political Origins of J.S. Nye's Concept of Soft Power. *Novaia i noveishaia istoriia*. 1. pp. 223–229. (In Russian). DOI: 10.31857/S013038640013390-7
8. Rusakova, O.F. & Korneeva, V.A. (2016) Sport kak sfera primeneniya "myagkoy" i "zhestkoy" sil politicheskogo vliyaniya [Sport as a sphere of application of “soft” and “hard” forces of political influence]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 5 (5A). pp. 195–207.
9. Smirnov, V.A. (2020) The Ideology of the Consumer Society as an Element of the “Soft Power” Strategy. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium – Wellbeing technologies*. 3. pp. 13–21. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2020/3(38)/1037.
10. Strokin, N.S. (2020) Obraz Rossii v amerikanskom kinematografe [The Image of Russia in American Cinema].

тута международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 2 (8). С. 170–177.

12. Ткачева Н. В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 94–128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.94128.

13. Тонян А. А. Роль кинематографа в публичной дипломатии Индии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2018. № 4. С. 28–34.

14. Халитова А. Р. Гибридизация «мягкой силы» Франции в Африке при президентствах Н. Саркози и Ф. Олланда // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 4. С. 73–84.

15. Чжао На. Китайские боевые искусства как инструмент «мягкой силы» Китая // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-boevye-iskusstva-kak-instrument-myagkoy-sily-kitaya> (дата обращения: 15.08.2022).

16. Юдин К. А. Контроль над детством по-американски: семейный кинематограф США в период «холодной войны» // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 68–80.

17. Breiteneicher F. (2020) Post-Soviet Nation State Redefinition in the Baltics and Central Asia. A Comparative Case Analysis of Estonian and Kazakhstani Language Policy towards Russophone Minorities. University of Economics Prague, Faculty of International Relations. 15 p. URL: https://www.academia.edu/42769025/Post_Soviet_Nation_State_Redefinition_in_the_Baltics_and_Central_Asia_A_Comparative_Case_Analysis_of_Estonian_and_Kazakhstani_Language_Policy_towards_Russophone_Minorities (assessed on 14.08.2022).

18. Laine V., Saarelainen I. (2017) Spirituality as a political instrument: The Church, the Kremlin, and the creation of the 'Russian World'. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs. 33 p. URL: https://www.academia.edu/34548554/Spirituality_as_a_political_instrument_The_Church_the_Kremlin_and_the_creation_of_the_Russian_World (assessed on 14.08.2022).

19. Laruelle M. (2016) The three colors of Novorossiya, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis // Post-Soviet Affairs. No 32. Vol. 1. P. 55–74. DOI:10.1080/1060586X.2015.1023004.

20. Tildo A. (2019) Russians in Europe: Nobody's Tool. The Examples of Finland, Germany and Estonia // ICDS / The Estonian Foreign Policy Institute. URL: <https://efpi.icds.ee/en/russians-in-europe-nobodys-tool-the-examples-of-finland-germany-and-estonia/> (assessed on 14.08.2022).

21. Tsygankov A. (2016): Crafting the State-Civilization, Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // Problems of Post-Communism. DOI: 10.1080/10758216.2015.1113884.

22. Vendil Pallin, C. & Oxenstierna, S. (2017). Russian Think Tanks and Soft Power. FOI-R reports 2017. Stockholm: Swedish. Defence Research Agency. 51 p.

23. Vojtíšková V., Novotný V., Schmid-Schmidfelden H. et al. (2016) The bear in sheep's clothing: Russia's government-funded organisations in the EU // European View 15, 357. <https://doi.org/10.1007/s12290-016-0414-6>.

24. Zaborko O. (2018) The Magic Spell of Revanchism:

Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskiy natsional'nyy universitet". 2 (12-1). pp. 238–241.

11. Teteryuk, A.S. (2014) "Myagkaya sila": faktor kinematografa ["Soft Power": The Factor of Cinematography]. In: *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy (Universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii* [Yearbook of the Institute for International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 2 (8). pp. 170–177.

12. Tkacheva, N.V. (2019) National Media as a Promotional Tool of China's Soft Power. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 94–128. (In Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.94128

13. Tonyan, A.A. (2018) Rol' kinematografa v publichnoy diplomatii Indii [The Role of Cinema in the Public Diplomacy of India]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova – Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 4. pp. 28–34. DOI: 10.29025/1994-7720-2018-4-28-34

14. Khalitova, A.R. (2019) Hybridization of French Soft Power in Africa Under Nicolas Sarkozy and François Hollande. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' – Oriens*. 4. pp. 73–84. (In Russian). DOI: 10.31857/S086919080005962-5

15. Zhao Na. (2019) Chinese Martial Arts as a Tool of "Soft Power" of China. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-boevye-iskusstva-kak-instrument-myagkoy-sily-kitaya> (Accessed: 15.08.2022). (In Russian).

16. Yudin, K.A. (2020) Control of Childhood in the American Way: Family Cinema of the USA During the "Cold War". *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*. 2. pp. 68–80. (In Russian).

17. Breiteneicher, F. (2020) *Post-Soviet Nation State Redefinition in the Baltics and Central Asia. A Comparative Case Analysis of Estonian and Kazakhstani Language Policy Towards Russophone Minorities*. Prague: University of Economics, Faculty of International Relations. [Online] Available from: https://www.academia.edu/42769025/Post_Soviet_Nation_State_Redefinition_in_the_Baltics_and_Central_Asia_A_Comparative_Case_Analysis_of_Estonian_and_Kazakhstani_Language_Policy_towards_Russophone_Minorities (Accessed: 14.08.2022).

18. Laine, V. & Saarelainen, I. (2017) *Spirituality as a Political Instrument: The Church, the Kremlin, and the Creation of the 'Russian World'*. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs. [Online] Available from: https://www.academia.edu/34548554/Spirituality_as_a_political_instrument_The_Church_the_Kremlin_and_the_creation_of_the_Russian_World (Accessed: 14.08.2022).

19. Laruelle, M. (2016) The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis. *Post-Soviet Affairs*. 32 (1). pp. 55–74. DOI:10.1080/1060586X.2015.1023004

20. Tildo, A. (2019) *Russians in Europe: Nobody's Tool. The Examples of Finland, Germany and Estonia*. [Online] Available from: <https://efpi.icds.ee/en/russians-in-europe-nobodys-tool-the-examples-of-finland-germany-and-estonia/> (Accessed: 14.08.2022).

Geopolitical Visions in Postsoviet Speculative Fiction (Fantastika) // *Ідеологія і політика*. Issue 1. Volume 9. P. 66–134.

21. Tsygankov, A. (2016): Crafting the State-Civilization, Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2015.1113884

22. Vendil Pallin, C. & Oxenstierna, S. (2017). *Russian Think Tanks and Soft Power*. FOI-R Reports.

23. Vojtíšková, V. et al. (2016) The Bear in Sheep's Clothing: Russia's Government-Funded Organizations in the EU. *European View* 15. 357. DOI: 10.1007/s12290-016-0414-6

24. Zbirko, O. (2018) The Magic Spell of Revanchism: Geopolitical Visions in Postsoviet Speculative Fiction (Fantastika). *Ideology and politics*. 1 (9). pp. 66–134.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Казакова, А. Ю. Культурное достояние как инструмент «мягкой силы»: лексикометрия заявок на гранты фонда «Русский Мир» / А. Ю. Казакова // *Наследие веков*. – 2022. – № 3. – С. 72–89. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.005

Full bibliographic reference to the article:

Kazakova, A.Yu. (2022) Cultural Heritage as a “Soft Power” Tool: Lexicometry of Applications for Grants of the Russkiy Mir Foundation. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 72–89. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.005

НАУЧНАЯ АНАЛИТИКА REVIEW ARTICLES

БИОГРАФИКА

BIOGRAPHICS

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

СОКОЛОВА Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности

Южного филиала Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Alla N. SOKOLOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Chief Researcher,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
professor_sokolova@mail.ru

УДК: 929:76(470.621)

ГРНТИ: 18.41.91

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.006

Грани творческой и научной деятельности Шабана Салиховича Шу: к 100-летию со дня рождения

Facets of the Creative and Scientific Activities of Shaban Salikhovich Shu: On the Occasion of the 100th Anniversary of His Birth

Статья является первой попыткой создания научной биографии Шабана Салиховича Шу, выдающегося ученого и общественного деятеля Адыгеи. Автором определяется значение личности и деятельности Ш. С. Шу для развития адыгской музыкальной культуры и осмысления ее истории. Источниками послужили научные и методические труды Ш. С. Шу, сведения о его биографии и творчестве, приводимые в работах исследователей адыгской культуры, личные воспоминания автора. Выявлены и в хронологической последовательности описаны события жизни и творческой деятельности Ш. С. Шу, показана его роль в воспитании талантливой молодежи. Приводятся факты, свидетельствующие о практической работе адыгского ученого над возрождением забытых народных музыкальных инструментов, об этнографической фиксации

и изучении десятков адыгских старинных танцев. Автор характеризует Ш. С. Шу как просветителя, активного организатора культурной жизни, популяризатора народной адыгской культуры, определившего направления будущего музыкального адыговедения.

Ключевые слова: музыкальная культура Адыгеи, народное танцевальное искусство, Шу Шабан Салихович, адыгские народные музыкальные инструменты, этнография, научное осмысление традиционной культуры.

В гуманитаристике нет четких критериев определения ценности научных достижений того или иного ученого. Скажем более, в отдельных случаях даже отрицается возможность представить и проанализировать гуманитарную сферу деятельности в качестве научной. Странники такой точки зрения приводят в доказательство несколько аргументов. Во-первых, гуманитарные открытия нельзя измерить, а следовательно, доказать или опровергнуть. Во-вторых, гуманитарные знания постоянно подвергаются ревизии как со стороны отдельных исследователей, так и со стороны общества. Следовательно, полученное знание неустойчиво, субъективно, ненаучно. В-третьих, если наукой называть комплекс методов познания, базирующийся на логике и использовании эксперимента, то в гуманитарной области можно обходиться без этого, опираясь лишь на собственные наблюдения и умозаключения. Введенные в последние годы наукометрические характеристики определения результативности знаний и открытий выдвинули на первый план индекс цитирования: чем больше ссылок на работы автора, тем выше его научный рейтинг.

Однако это критерии механические и далеко не совершенные. Поле гуманитарного знания не становится уже, оно расширяется, и не за счет увеличения числа гуманитарных дисциплин (хотя их сейчас насчитывается около полутора тысяч). В пространстве понятого и освоенного людьми действует куда более верный «измеритель» — людская память, память учеников и соратников, последовательно продолжающих начатое учителем дело.

Данная статья посвящена личности и научным результатам деятельности замечательного коллеге и учителя Шабана Салиховича Шу (1922–2003) (фото 1), столетний

Фото 1. Шабан Салихович Шу (1922–2003). 1970-е гг. (фото из архива семьи Шу)
 Photo 1. Shaban Salikhovich Shu (1922–2003). 1970s (photo from the archive of the Shu family)

юбилей со дня рождения которого в апреле 2022 г. отметили в его родном ауле Афипсип. В других коллективах и общественных организациях официальных торжеств не организовывали, учитывая сложности социально-политических событий нынешней весны. Что касается научно-биографической оценки, то творчество Шабана Шу становилось объектом исследования лишь дважды [5] [6]. Его имя по какому-то недоразумению даже

не включено в «Адыгскую энциклопедию» под редакцией М. А. Кумахова, изданную в Москве в 2006 г. [2].

В связи с юбилеем уместно предложить читателям более глубокий и всесторонний анализ научного наследия и биографии этого неординарного уважаемого человека. Он, несомненно, заслуживает этого как офицер, прошедший Великую Отечественную войну и в мирные годы упорно занявшийся самообразованием, чтобы целиком отдать все свои силы просветительской и научной работе.

Помимо солидного числа и качества его научных работ, посвященных адыгским народным танцам и музыкальным инструментам, достойным памятником Шабану Салиховичу Шу стало немалое количество учреждений культуры и творческих коллективов, возникших по его инициативе.

Используя биографический метод, утвердившийся в социологии культуры, мы попытаемся «измерить» все это — обобщить факты биографии, замечательную историю его жизни, осмыслить вклад, который он внес в музыкальную культуру адыгов советского времени. Специфика применяемого метода выражается в использовании нарративных приемов литературно-художественного характера, что способствует более образному восприятию биографии, при этом автор исследования, безусловно, имеет право на собственную позицию в оценке личности, деятельность которой подвергается изучению. Источниками послужили научные и методические труды Ш. С. Шу, сведения о его жизни и творчестве, приводимые в работах исследователей адыгской культуры, личные воспоминания автора.

Символично, что столетие Республики Адыгея совпало со столетней датой со дня рождения одного из лучших представителей адыгского этноса.

Вместе с родной республикой Шабан Шу, верный сын своего народа, мужал, переносил лишения и лелеял мечту — стать образованным человеком и отдать все силы, знания на процветание культуры.

Я могу судить об этом на основе многолетнего знакомства с Шабаном Салиховичем. Моими первыми шагами на научной стезе,

приобщением к изучению адыгской музыкальной культуры я напрямую обязана его благословию. Помню, как он ненавязчиво, с чувством присущего ему особого такта заинтересовался у меня, тогда молодого специалиста, только что окончившего консерваторию: смогу ли я ему помочь сделать расшифровки нескольких адыгских танцевальных мелодий? Ответ был, естественно, положительный: «Нас этому учили в консерватории». Сделав десятки расшифровок, я стала понимать, каким образом конструируется адыгская музыка, из каких лексем состоит ее музыкальный словарь. И это послужило началом последующего глубокого погружения в природу и историю адыгской музыкальной культуры.

Помню многочисленные часы и дни совместной работы над книгами, над подготовкой конференций, поездки в Краснодар на заседания Союза композиторов Кубани, участие в выездных культурных совещаниях и т.п. [10]. Я познакомилась с женой Шабана Салиховича — чудесной доброй женщиной Фатимой Сейновной, нередко бывала у них дома. И всякий раз убеждалась в поразительной, неизбывной трудоспособности Шабана Салиховича. Он не умел сидеть без дела или празднично беседовать. Кипение его творческих идей и начинаний всегда приводило к весомым результатам, построению долгосрочных проектов. Не иссякало его горячее желание сплотить вокруг себя креативных людей.

Шабан Салихович носил очень выразительную и редкую фамилию Шу, что в переводе с адыгского означает «всадник». Для традиционного народного сознания черкесов всадник — это воин, рыцарь, благородный человек.

В апреле 2022 г. ему бы исполнилось 100 лет, но он прожил 81 год, до последнего вел работу над статьями и книгами. В его биографии немало замечательных событий и встреч.

Он видел Михаила Фабиановича Гнесина, когда тот приезжал в Адыгею собирать материал для своей оперы «Адыгея» (1932, замысел композитора остался неосуществленным) [14]. В начале 1930-х (1931–1932) Шабану Шу довелось принять участие в экспедиции Г. М. Концевича — быть его информатором.

*Фото 2. Ибрагим Цей, 1932 год
(фото из фондов Национального музея
Республики Адыгея)*

*Photo. 2. Ibrahim Tsey, 1932 (photo
from the funds of the National Museum
of the Republic of Adygea)*

Одной из ступеней к высшему образованию стало военное училище в Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ), после него Ш. Шу с отличием закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1944–1947), представив Государственной комиссии выступление на французском языке. Однако в мирные годы отдал предпочтение не военной, а гражданской стезе. Спустя три с половиной десятилетия защитил кандидатскую диссертацию в Тбилиси (1983) [11]; был инициатором возрождения адыгских народных музыкальных инстру-

ментов; опубликовал труд репрессированного Григория Концевича (1997) [7], сделал еще много благих дел для своего народа.

Рожденный в шапсугском ауле Афипсип Адыгейской автономной области (недалеко от Краснодара), Шабан с детства усвоил законы адыгства и следовал им везде, где ему приходилось жить и трудиться.

В аульском доме деда Шабана радушно принимали гостей, и десятилетний подросток, охотно выполняя поручения старших, необходимые для достойной встречи и застолья, был свидетелем происходящего. Именно так, вспоминал Шабан Салихович, ему довелось познакомиться с участниками музыкально-этнографической экспедиции во главе с Михаилом Фабиановичем Гнесиным. Москвичей в аул Афипсип привез Ибрагим Цей (фото 2), содействовавший тому, чтобы была написана опера на адыгском материале. В составе экспедиции были либреттист Тихон Васильевич Чурилин и художник Бронислава Иосифовна Каменская.

Позже Шу записал эти свои детские впечатления: «Еще десятилетним мальчиком я был свидетелем того, как члены экспедиции появились у нас в ауле Афипсип. Они подъехали к нашему дому, я открыл ворота, и гости въехали во двор. Для меня это посещение было естественным и привычным явлением: у деда часто собирались знатоки народного творчества. Поэтому я не обратил особого внимания на человека с бородкой, который рядом с усатым и плотным мужчиной казался щуплым и небольшим (это были Михаил Фабианович и Ибрагим Салехович Цей). Меня подозвала женщина из группы гостей и попросила принести ей стул. Я бегом выполнил просьбу. Она (то была художница Бронислава Иосифовна Каменская) села под раскидистым дубом у дома и начала рисовать мечеть, стоявшую через дорогу от дома (в то время мечеть еще действовала). На всю жизнь я запомнил эти часы, проведенные за спиной художницы. Впервые я видел чудо: сначала появились контуры мечети, а затем и ее полная копия в красках» [14, с. 186].

Закончив семь классов Афипсипской неполной средней школы, юноша поступил в педучилище в Майкопе и, как его выпускник, не-

которое время работал в Шенджийской общеобразовательной школе, пока не был призван в армию и отправлен учиться в 1-е Орджоникидзевское военно-пехотное училище (1940).

На фронте, побывав на передовой и получив боевые ранения, молодой лейтенант после Железноводского госпиталя становится адъютантом командира 409-й стрелковой дивизии Михаила Ивановича Запороженко. Генерал-лейтенант по-отечески относился к молодому лейтенанту и, будучи в 1943 г. назначен на должность командира 18-го стрелкового корпуса, забрал своего помощника с собой. Адъютант безоговорочно исполнял приказы, был точен и дисциплинирован в штабной работе, не боялся пуль при передвижении по окопам для передачи секретных донесений и приказов. Он рисковал жизнью под шквальным огнем, но ни разу не подвел: не сорвал ни одного поручения. За это Шабан Шу был награжден высшими знаками воинского отличия: медалью «За отвагу» (1941), орденом Красной звезды (1942), орденом Отечественной войны 1 степени (1943), орденами Боевого Красного Знамени (1948), Отечественной войны II степени (1985) и др.

В послевоенные годы служба Шабана Шу проходила на Дальнем Востоке и в Приволжском военном округе. После резкого сокращения армии в 1961 г. он, тогда уже полковник, возвратился в Адыгею, и ему сразу предложили место директора совхоза. Каково же было удивление руководителей области, когда они услышали отказ отставного военного и просьбу направить его на работу в научный институт.

С этого времени и началась его научная, просветительская деятельность, потребовавшая настойчивой работы над собой — всестороннего самообразования, которое помогло осуществить обширные планы по исследованию «белых пятен» адыгской музыкальной и хореографической культуры.

Тут вспомнилось и объединилось все, что видел и слышал он в детстве, когда носил фонограф в экспедиции Г. М. Концевича, слушал вместе с гостями старинные песни Ибрагима Хуцта и наигрыши Ибрагима Джамирзе. Как танцевали в ауле под мелодии камыляпша Коджесау Каратабана... Как собирались в го-

*Фото 3. Ким Тлецерук играет на шычепщине, сделанном собственными руками. 1985 г.
(фото – Замудин Гучев)*

Photo 3. Kim Tletseruk is playing the shychepshchyn that he made with his own hands. 1985 (photo by Zamudin Guchev)

стевых комнатах (хачецах) старики для неторопливых размеренных бесед о прошлом — вместе пели длинные старинные песни о великих мужах... Шабан Салихович первым делом захотел записать эти произведения, чтобы через книгу, названную «Старинные адыгские песни», молодежь получила возможность разучивать и исполнять то, что уже исчезло из живого бытования. Хотя эта вышедшая в 1965 г. книга [20] уже тогда стала раритетом, именно по ней осваивают музыкальные и вербальные тексты новое поколение народных исполнителей XXI века.

Познакомившись с молодым соплеменником-шапсугом, весьма одаренным гармонистом Кимом Тлецеруком (1943–2009) (фото 3), Шабан Салихович побудил его запи-

Фото 4. Участники научно-практической конференции «Музыкальный фольклор адыгов» 23 ноября 1986 г. (фото – Аркадий Кирнос, из архива автора)

1 ряд: Мариет Джандар, Титу Чесебиев, Абу Схаляхо, Джабраил Мекулов, Анзаур Тлехуч, Асфар Кук, Руслан Панеш; 2 ряд: Татьяна Сухова, Рая Унарокова, Шабан Шу, Виктор Комиссинский, Аслан Нехай; 3 ряд: Владимир Барагунов, Заур Налоев, Алла Соколова, Тамара Блаева, Степан Еременко, Гисса Чич

Photo 4. Participants of the Musical Folklore of the Circassians conference. November 23, 1986 (photo by Arkady Kirnos, from the author's archive)

1st row: Mariet Jandar, Titu Chesebiev, Abu Skhalyakho, Dzhabrail Mekulov, Anzaur Tlekhuch, Asfar Kuek, Ruslan Panesh; 2nd row: Tatyana Sukhova, Raya Unarokova, Shaban Shu, Viktor Komissinsky, Aslan Nekhay; 3rd row: Vladimir Baragunov, Zaur Naloev, Alla Sokolova, Tamara Blaeva, Stepan Eremenko, Gissa Chich

сать старинные адыгские обрядовые мелодии и издал полученный таким образом уникальный материал для сохранения живой культурной практики и возможности вернуться к ней в будущем. С этого времени Ким Тлецерук стал вынашивать мысль о создании большого сборника традиционных танцевальных мелодий. Мечта воплотилась дважды. Вначале появился маленький сборник «Адыгейские танцевальные мелодии» (1987) [1], потом большой нотный сборник [4], в который вошли и концертные обработки адыгской танцевальной

музыки. Оба сборника активно используются в современной педагогической практике.

Вслед за первым изданием старинных мелодий в записи Кима Тлецерука вышли сборник А. Тлехуча и В. Анзарокова для начинающих гармонистов [3].

Общаясь с грузинскими коллегами, Шабан Салихович увидел их особо бережное отношение к старинным инструментам и сам загорелся идеей воссоздать адыгские музыкальные образцы, вышедшие к тому времени из употребления, но хорошо знакомые ему

по аульскому детству. Начались неустанные поиски данных об этих инструментах, работа в архивах и библиотеках, выступления с докладами на конференциях различного уровня (фото 4) [13] [16]. Потом пришла мысль заказать реконструированные образцы *шычепщана*, *апепщына*, *пщынэкэба* в Тбилиси и собрать подобные раритеты в единый оркестр адыгских музыкальных инструментов. Шабан Салихович сам делал чертежи (одновременно изучая технологию создания самих инструментов и орудий их изготовления), осваивал нотную грамоту, писал статьи, выступал на радио, тем более что некоторое время ему пришлось работать там музыкальным редактором. В 1970-е гг. СССР переживал волну возрождения оркестров национальных инструментов, что охватило практически все союзные республики. Для автономной области, каковой оставалась Адыгея, такой оркестр был «не положен», однако перед напором Шабана Шу не могли устоять ни краевые, ни местные власти, и в конце 1970-х оркестр адыгских народных музыкальных инструментов появился в Майкопском училище искусств [9] [19]. Начались поиски репертуара — и вновь Шабан Салихович помогал не только советами, но и делами, содействуя подготовке специалистов и снабжая нотным материалом.

В 1980-е гг., когда оркестр распался, инструменты были переданы в аульские Дома культуры, и, как ни парадоксально, на них заиграли самодеятельные музыканты-любители, сняв «лишние» струны и конструктивно приспособив к традиционной музыке. Оказалось, что в народе осталась жива память о родных интонациях и звуковых красках. Достаточно было появиться музыкальным инструментам в аулах — сразу нашлись те, кто захотел вдохнуть в них жизнь. Шабан Салихович видел это и был рад, что инструменты обрели своих хозяев.

Немногословный, никогда не повышающий голоса, Шабан Шу всегда был верен делу. Его привычный образ занятий — работа за печатной машинкой или каллиграфическим оформлением нотных текстов, которые в издательских условиях того времени готовились исключительно вручную.

При подготовке кандидатской диссертации Шабан Салихович остановил свой выбор на традиционных танцах, — отдал дань материалу, к которому испытывал особое почтение. Сам он танцевал отменно, даже в пожилом возрасте с удовольствием выходил в танцевальный круг, демонстрируя галантность, благородство и статью.

Анализируя в своей диссертации несколько десятков адыгских народных танцев, Шабан Шу представил их как единую систему символического свадебного цикла, состоящую из этапов знакомства юноши и девушки (танец *зафак*), демонстрацию их лучших качеств (танец *зыгатлят*), вхождение в танцевальный экстаз (танец *тляпечас*) и массовое празднество по случаю образования новой семьи (танец *удж*). То, что описывал в своем главном научном труде Шабан Салихович, он пропустил через себя, ибо в молодости танцевал постоянно и внимательно наблюдал за всеми составляющими ритуала: как танцуют старики, по каким правилам выводят в танцевальный круг парней и девушек; как управляет распорядитель праздника *хатияко* музыкантами и участниками танцевального действия *джегу*.

Для книги о танцах надо было сделать несколько десятков фотографий, иллюстрирующих положения рук и ног в мужском и женском вариантах. Примечательно, что в качестве модели Шабан Салихович выбрал Айдамира Наниза — тогда студента Майкопского училища искусств, а ныне прославленного хореографа, руководителя знаменитого среди адыгов танцевального коллектива «Зори Майкопа». Своим поразительным чутьем Шабан Шу безошибочно угадывал таланты и неустанно обращал их в «свою религию», заражал беззаветной любовью к искусству [12] [15].

Желание донести до молодежи забытые или утерянные традиции, старинные мелодии вдохновляло его на подготовку просветительских радиопрограмм, а также на целенаправленную работу со студентами Майкопского училища искусств и музыкального факультета Адыгейского государственного педагогического института.

Он был одним из первых, кто создал программу по изучению адыгской музыкальной культуры, а потом продвигал идею

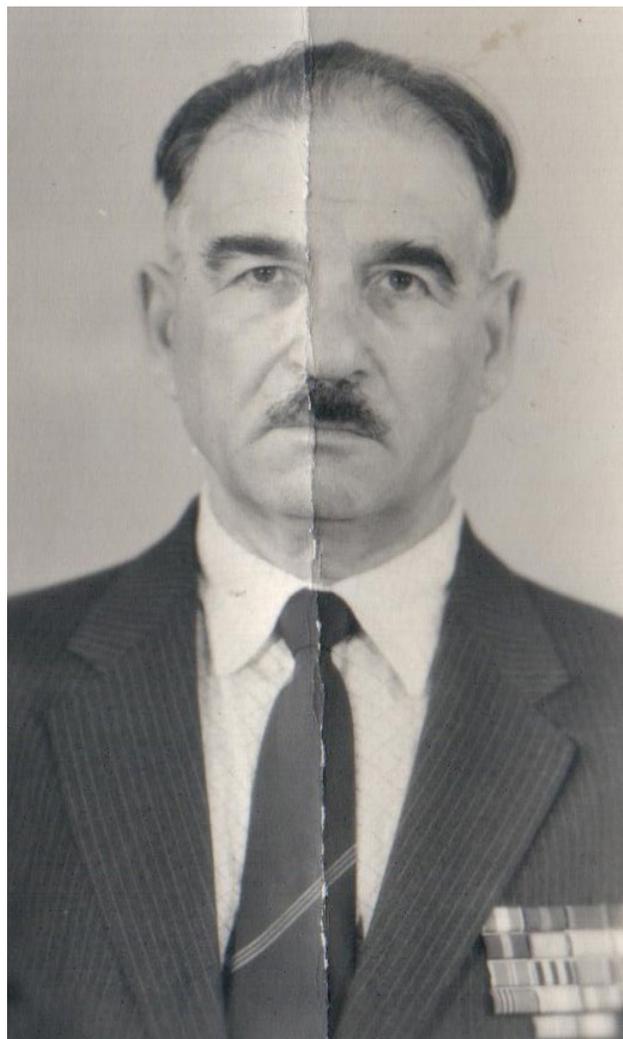
двухгодичной подготовки группы адыгских танцоров в Тбилиси для последующего включения их в состав танцевального коллектива «Нальмэс».

Еще один проект Шабана Салиховича Шу — «Адыгейский хор». Будучи Председателем Всесоюзного хорового общества, он смог убедить власти области в необходимости организовать такой хор, который бы объединил в один певческий коллектив студентов музыкального училища и музыкально-педагогического института. К концу 1970-х гг. в Адыгее сложилась группа музыкантов-адыгов, создающих хоровые и вокальные сочинения: наличие хорового коллектива, владеющего адыгейским языком, было принципиально важно для успешного развития композиторского творчества и появления новых профессиональных авторов [17] [18].

Все, что происходило в музыкальной культуре Адыгеи в 1960–1980-е гг., имело в той или иной степени отношение к личности Шабана Шу. Получив звание кандидата искусствоведения, Шабан Салихович подготовил документы для вступления в Союз композиторов СССР и был принят в него через Краснодарскую региональную организацию. На родине это восприняли не только как личный триумф, а как значимую для коллег-музыкантов возможность открытия самостоятельного отделения Союза композиторов в Адыгее.

Шабан Салихович не уходил на заслуженный отдых, не мог просто сидеть дома и вспоминать былые заслуги. Его деятельная натура и природная доброта звали в Совет старейшин — чтобы делиться с обществом и властью мудрыми советами и рекомендациями, в Совет ветеранов — чтобы помогать заслуженным ветеранам в решении насущных проблем (жилье, здоровье). Он был депутатом горсовета, и везде были видны конкретные дела неравнодушного к людям человека (фото 5).

У адыгов есть очень важное слово, которое нередко используется в оценке человека. Это слово — *цыфыгъ* («человечность») — в широком смысле означает уважительное отношение к другому человеку, его позиции, его мнению и действиям. В узком смысле понятие *цыфыгъ* обращено к самому человеку как тре-

*Фото 5. Шабан Шу, 1990-е гг.
(из архива автора)
Photo 5. Shaban Shu, 1990s
(from the author's archive)*

бование наиболее благородных личностных качеств — терпимости, понимания и доброты.

Приведу один пример, известный мне из рассказа Шабана Салиховича. Будучи директором Дома народного творчества, он принял на работу Умара Хацизовича Тхабисимова, уже известного на то время сочинителя песен. После подписания заявления о приеме на работу Умар Хацизович попросил показать место, где будет стоять его стол. Он придвинул к столу стул, написал на спинке красивым витиеватым почерком свою фамилию (чтобы не переставили), повесил на стул пиджак и... исчез. Несколько месяцев работу за нового сотрудника выполняли оставшиеся члены

коллектива, сам же он являлся в учреждение в день зарплаты, получал и быстро уходил. Спустя время Шабан Салихович все же поинтересовался у Тхабисимова, чему он посвятил три месяца отсутствия на работе. «Я оперу пишу», — таков был ответ. Прождав еще месяц, Шу спросил композитора: «Где же опера»? И тот, повысив голос, произнес: «Я все порвал, что написал. Это творческий процесс. Разве вы не понимаете?». Шабан Салихович не конфликтовал с «гением» (так называл себя Тхабисимов), и тот создавал свои прекрасные песни, распространившиеся не только в адыгском мире, но и по всему Кавказу. Самые известные из шестисот песен, написанных Умаром Тхабисимовым, были созданы как раз в 60–70-х гг. XX в.: «Синан», «Мой аул», «Бэрэчэт бысым».

При подготовке различных мероприятий всегда возникают неожиданности: то кто-то не выполнил вовремя поручения, то задержали финансирование, то требуется согласование по различным вопросам. Подобные трудности Шабан Салихович преодолевал спокойно и конструктивно. Нам не дают деньги на публикацию? — Попробуем привлечь спонсоров. Зал для проведения мероприятия занят? — Подыщем другую территорию, и запланированное культурное событие состоится под другой крышей, в других стенах. Он не стремился решать проблемы криком или упорным переубеждением. Просто искал и находил другие варианты. В этом сказывалась и военная закалка, и адыгское воспитание в духе *цӀыфыгъ*.

Оглядываясь в прошлое, нельзя не оценить те возможности, которые советская власть давала молодым талантливым людям. «Кто хочет, тот добьется». Эти слова известной песни не были для Ш. Шу фигурой речи. Старший сын в простой крестьянской семье, где росли еще три брата, стал полковником, кандидатом искусствоведения, был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Адыгеи и Кубани, возглавлял различные общественные организации, занимал ответственные административные и общественные посты — и постоянно созидал.

Его столетний юбилей отпраздновали на родине в ауле Аффисип. На доме в Майкопе,

где он жил, установили мемориальную доску. Однако самое главное — по его книгам учится молодежь. Новая плеяда ученых имеет в его трудах достойный старт для продолжения научной работы в той же области знаний и продвигается вперед по проложенной им стезе. К примеру, в статьях Ш. Шу названо и описано девять адыгских традиционных музыкальных инструментов. В трудах Б. Кагазежева их число возросло до одиннадцати, в диссертации Ф. Хараевой дана характеристика одиннадцати адыгских музыкальных инструментов. Расширение номенклатуры обусловлено и расширением географического поля исследования, и изменением методик, определяющих, что можно считать музыкальными инструментами.

То же касается и научной фиксации традиционного песенного материала. Шабан Шу начал с собрания и публикации старинных песен в тех версиях, которые знал он сам. Новая генерация ученых приступила к исследованию локальных песенных стилей, включая наследие черкесской диаспоры в Турции.

Шабан Салихович записывал песни без уточнений относительно конкретной версии, подчас собирал воедино текст песни из разных источников [20]. В антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (1980) была применена методика записи одной и той же песни в различных субэтнических вариантах, что с научной точки зрения расширило исследовательское поле, позволило задействовать сравнительно-сопоставительные методики анализа вербальных и музыкальных текстов [8]. Однако в целом ни один научный труд, посвященный тематике адыгской музыкальной культуры, не обходится без ссылок на работы Шабана Салиховича Шу.

Порой кажется, что столь разносторонняя деятельность, ее интенсивность и результативность не под силу одному человеку. Но только не Шабану Шу — всаднику, воину и благородному рыцарю. Также нельзя не констатировать, что многогранность его музыкальных интересов была обусловлена не только личностными качествами, но и социокультурной средой, в которой ниша научного музыкознания оставалась незаполненной. В 1920–1940-е гг. эту проблему пы-

тались решить, приглашая из крупных городов (Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону) специалистов-фольклористов, композиторов, музыковедов. С середины 1960-х гг., с открытием в Майкопе музыкального училища, а затем и музыкально-педагогического факультета, появилась потребность в создании и исполнении адыгской музыки. Это дало новый стимул к ее научному осмыслению, созданию истории адыгской музыкальной культуры. Своими трудами Шабан Салихович

способствовал этому, определив направления будущего музыкального адыговедения. Он с честью выполнял свою миссию просветителя, активного организатора культурной жизни, популяризатора народной адыгской культуры. Его ответственность, дисциплинированность, выносливость, неутомимость, терпение способствовали успеху смелых для своего времени и важных для республики начинаний. Шабан Шу — человек, достойный памяти благодарных потомков.

Alla N. SOKOLOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Chief Researcher,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
professor_sokolova@mail.ru

***Facets of the Creative and Scientific Activities of Shaban Salikhovich Shu:
On the Occasion of the 100th Anniversary of His Birth***

Abstract. The article is the first attempt to create a scientific biography of Shaban Salikhovich Shu, an outstanding public figure of Adygea. The author reveals the significance of Shu's personality and activities for the development of the Adyghe musical culture and for the understanding of its history. Shu's scientific and methodological works, information about his life and works cited in research on the Adyghe culture, and the author's personal memoirs served as sources for the study. The main method is historical-biographical in its application to research in the field of sociology of culture. The events of Shu's life and creative biography are identified and described in chronological order; the author shares her personal impressions of many years of fruitful creative communication with Shu. The author emphasizes Shu's vivid connection with the traditional Adyghe culture, in which he spent his childhood and formed his personality. She mentions Shu's participation in the Great Patriotic War, the years of his post-war service in the ranks of the Soviet armed forces. She also gives facts that testify to Shu's practical work on the publication of song folklore, the revival of forgotten folk musical instruments, the ethnographic fixation and study of dozens of Adyghe ancient dances. The author overviews Shu's dissertation research on the Adyghe folk choreography in its historical development. She shows Shu's role in the upbringing of talented youth and his educational efforts related to the popularization of traditional Adyghe music and choreography through radio broadcasts and educational programs for educational institutions. The author also describes Shu's active participation in the creation of the Union of Composers of Adygea, the Adyghe choir, and other musical groups, and characterizes Shu's personal qualities. She reveals his approaches to work on folklore material, which implied the widespread use of comparative methods for analyzing verbal and musical texts, and establishes that the studies of traditional Adyghe music, initiated by Shu, became the foundation for the next generation of scientists who began to study local song styles, including the heritage of the Circassian diaspora in Turkey. The author characterizes Shaban Shu as an educator, an active organizer of cultural life, a popularizer of the Adyghe folk culture who determined the directions of the future musical Adyghe studies.

Keywords: musical culture of Adygea, folk dance art, Shaban Salikhovich Shu, Adyghe folk musical instruments, ethnography, scientific understanding of traditional culture.

Использованная литература:

1. Адыгейские танцевальные мелодии / обраб. и сост. К. Тлецерука. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1987.
2. Адыгская (Черкесская) энциклопедия / гл. ред. М. А. Кумахов. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006.
3. Анзаров В. М., Тлехуч А. М. Школа игры на пщынэ – адыгейской хроматической гармонике. Майкоп: Адыгейский отдел Краснодарского кн. изд-ва, 1989.
4. Играет Ким Тлецерук. Обработки адыгейских танцевальных мелодий. Майкоп: Качество, 2004.
5. Луганская Г. Б. Российские композиторы 30-х гг. XX в. и адыгский фольклор. Деятельность Ш. С. Шу по сохранению культурного наследия // Проблемы единства славянского мира: исторический, культурный и языковой аспекты: сб. ст. XII региональных науч. чтений с междунар. участием, посвящ. Дню славянской письменности и культуры (г. Майкоп, 24 мая 2019 г.). Майкоп: Магарин О. Г., 2019. С. 138–147.
6. Луганская Г. Б. Шу Шабан Салихович (1922–2003). 100 лет со дня рождения кандидата искусствоведения, заслуженного деятеля искусств Республики Адыгея и Кубани // Памятные даты по Республике Адыгея на 2022 год: библиограф. указ. Майкоп: Качество, 2021. С. 37–46.
7. Музыкальный фольклор адыгов в записях Г. М. Концевича / сост. и гл. ред. Ш. С. Шу. Майкоп: Адыгея, 1997.
8. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е. В. Гиппиуса. Т. 1: Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам / сост. В. Х. Баранунов, З. П. Кардангушев. М.: Советский композитор, 1980.
9. Соколова А. Н. Оркестр адыгских народных инструментов как продукт советской музыкальной культуры // Музыкальное образование в XXI веке: история, традиции, перспективы, педагогика и исполнительство: материалы докладов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 31 марта 2008 г.) / ред.-сост. Н. Н. Калиниченко. Астрахань: Астраханская гос. консерватория, 2008. С. 100–103.
10. Соколова А. Н. Рыцарь культуры. К 70-летию Шабана Салиховича Шу // Советская Адыгея. 1992. 18 апр. С. 6.
11. Шу Ш. С. Адыгейская народная хореография в ее историческом развитии: дис. ... канд. искусствоведения. Тбилиси, 1983.
12. Шу Ш. С. Адыгейские народные танцы. Майкоп: Адыгейский отдел Краснодарского кн. изд-ва, 1971.
13. Шу Ш. С. Адыгские народные инструменты // Культура и быт адыгов. Вып. 1. Майкоп: Адыгейский науч.-исслед. ин-т экономики, языка, литературы и истории, 1976. С. 129–147.
14. Шу Ш. С. К истории неосуществленного замысла оперы «Адыгея» // Музыкальная академия. 1993. № 3. С. 186–191.
15. Шу Ш. С. Народные танцы адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1992.
16. Шу Ш. С. Некоторые проблемы и задачи изучения музыкального фольклора адыгов // Музыкальный фольклор адыгов: материалы науч.-практ. конф. (г. Майкоп, нояб. 1986 г.). Майкоп: Адыгблполиграфобъединение, 1988. С. 9–18.

References:

1. Tletseruk, K. (1987) *Adygeyskie tantseval'nye melodii* [Adyghe Dance Melodies]. Maykop: Adyg. kn. izd-vo.
2. Kumakhov, M.A. (ed.) (2006) *Adygskaya (Cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Moscow: Fond im. B. Kh. Akbasheva.
3. Anzarokov, V.M. & Tlekhuch, A.M. (1989) *Shkola igry na pshchynе – adygeyskoy khromaticheskoy garmonike* [School of Playing the Pshchyna – Adyghe Chromatic Harmonica]. Maykop: Adygeysk. otd. Krasnodarsk. kn. izd-va.
4. Sokolova, A.N. (2004) *Igraet Kim Tletseruk. Obrabotki adygeyskikh tantseval'nykh melodiy* [Kim Tletseruk Is Playing. Arrangements of Adyghe Dance Melodies]. Maykop: Kachestvo.
5. Luganskaya, G.B. (2019) [Russian Composers of the 1930s and Adyghe Folklore. Activities of Sh.S. Shu on the Preservation of Cultural Heritage]. *Problemy edinstva slavyanskogo mira: istoricheskiy, kul'turnyy i yazykovoy aspekty* [Problems of the Unity of the Slavic World: Historical, Cultural and Linguistic Aspects]. Proceedings of the XII Readings Dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture. Maykop. 24 May 2019. Maykop: Magarin O. G. pp. 138–147. (In Russian).
6. Luganskaya, G.B. (2021) Shu Shaban Salikhovich (1922–2003). 100 let so dnya rozhdeniya kandidata iskusstvovedeniya, zasluzhennogo deyatelya iskusstv Respubliki Adygeya i Kubani [Shaban Salikhovich Shu (1922–2003). 100 Years Since the Birth of the Candidate of Art History, Honored Worker of Arts of the Republic of Adyghe and Kuban]. In: Emizh, A.N. & Panesh, S.R. (eds) *Pamyatnye daty po Respublike Adygeya na 2022 god: Bibliografich. Ukazatel'* [Memorable Dates in the Republic of Adyghe for 2022: Bibliographic Index]. Maykop: Kachestvo. pp. 37–46.
7. Shu, Sh.S. (1997) *Muzykal'nyy fol'klor adygov v zapisyakh G. M. Kontsevicha* [Musical Folklore of the Adyghe as Recorded by G.M. Kontsevich]. Maykop: Adygeya.
8. Gippius, E.V. (ed.) (1980) *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk Songs and Instrumental Tunes of the Adyghe]. Vol. 1. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
9. Sokolova, A.N. (2008) [Orchestra of Adyghe Folk Instruments as a Product of Soviet Musical Culture]. *Muzykal'noe obrazovanie v XXI veke: istoriya, traditsii, perspektivy, pedagogika i ispolnitel'stvo* [Musical Education in the 21st Century: History, Traditions, Perspectives, Pedagogy and Performance]. Conference Proceedings. Astrakhan. 31 March 2008. Astrakhan: Astrakhan State Conservatory. pp.100–103. (In Russian).
10. Sokolova, A.N. (1992) Rytsar' kul'tury. K 70-letiyu Shabana Salikhovicha Shu [A Knight of Culture. To the 70th Anniversary of Shaban Salikhovich Shu]. *Sovetskaya Adygeya*. 18 April. p. 6.
11. Shu, Sh.S. (1983) *Adygeyskaya narodnaya khoreografiya v ee istoricheskom razviti* [Adyghe Folk Choreography in Its Historical Development]. Art History Cand. Diss. Tbilisi.
12. Shu, Sh.S. (1971) *Adygeyskie narodnye tantsty* [Adyghe Folk Dances]. Maykop: Adygeyskiy otd. Krasnodarsk. kn. izd-va.
13. Shu, Sh.S. (1976) Adygskie narodnye instrumenty [Adyghe Folk Instruments]. In: *Kul'tura i byt adygov* [Culture

17. Шу Ш. С. О культуре и искусстве адыгов (отдельные научные труды). Майкоп: Адыгея, 2002.

18. Шу Ш. С. О народном музыкальном творчестве адыгов: уч. пособие. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1992.

19. Шу Ш. С. Об оркестре адыгских народных инструментов // Культура и быт адыгов. Вып. 4. Майкоп: Адыгейский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1981. С. 174–202.

20. Ижъырэ адыгэ оредхэр [Старинные адыгские песни] / Зэхэзгъэуцу Шыу Щэбан [сост. Ш. С. Шу]. Краснодар, Мыекъуапэ [Майкоп]: Краснодар тхылъ тедзап1 [Краснодарское кн. изд-во], 1965.

and Life of the Adyghe]. Vol. 1. Maykop: Adyghe Research Institute of Language, Literature and History. pp. 129–147.

14. Shu, Sh.S. (1993) K istorii neosushchestvlennoy zamysla opery "Adygeya" [On the History of the Unfulfilled Plan of the Opera "Adygea"]. *Muzykal'naya akademiya*. 3. pp. 186–191.

15. Shu, Sh.S. (1992) *Narodnye tantsy adygov* [Folk Dances of the Adyghe]. Nal'chik: El'brus.

16. Shu, Sh.S. (1988) [Some Problems and Tasks of Studying the Musical Folklore of the Adyghe]. *Muzykal'nyy fol'klor adygov* [Musical Folklore of the Circassians]. Conference Proceedings. Maykop. November 1986. Maykop: Adygooblpoligrafob"edinenie. pp. 9–18. (In Russian).

17. Shu, Sh.S. (2002) *O kul'ture i iskusstve adygov (otdel'nye nauchnye trudy)* [On the Culture and Art of the Adyghe (Separate Research Works)]. Maykop: Adygeya.

18. Shu, Sh.S. (1992) *O narodnom muzykal'nom tvorchestve adygov: uch. pos.* [On the Folk Musical Creativity of the Adyghe: Textbook]. Maykop: Adygeyskoe kn. izd-vo.

19. Shu, Sh.S. (1981) Ob orkestre adygskikh narodnykh instrumentov [On the Orchestra of Adyghe Folk Instruments]. In: *Kul'tura i byt adygov* [Culture and Life of the Adyghe]. Vol. 4. Maykop: Adyghe Research Institute of Language, Literature and History. pp. 174–202.

20. Shu, Sh.S. (1965) *Izh'yre adyge oredkher* [Old Adyghe Songs]. Krasnodar; Maykop: Krasnodarskoe kn. izd. (In Adyghe).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Соколова, А. Н. Грани творческой и научной деятельности Шабана Салиховича Шу: к 100-летию со дня рождения / А. Н. Соколова // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 90–101. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Sokolova, A.N. (2022) Facets of the Creative and Scientific Activities of Shaban Salikhovich Shu: On the Occasion of the 100th Anniversary of His Birth. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 90–101. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.006

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

КУЁК Марьет Гиссовна

кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева Майкоп, Российская Федерация

Maryet G. KUYOK

Cand. Sci. (Art History),
Adyghe Republican Research Institute
of the Humanities named after T. M. Kerashev,
Maykop, Russian Federation,
kuek.marina@yandex.ru

УДК: 929:76(470.621)

ГРНТИ: 18.31.31

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.007

Феликс Петуваш: картины не маслом

Felix Petuvash: Non-Oil Paintings

Цель настоящего обзора – определение особенностей творческой манеры известного адыгского художника Ф. Петуваша, анализ элементов его произведений, созданных в технике коллажа и актуализирующих историческую память зрителей. Круг материалов исследования составили сами произведения (коллажи) мастера, его интервью, а также посвященные ему искусствоведческие исследования. Отражено значение адыгской мифологии и нартского эпоса в картинах Ф. Петуваша, показан процесс личного творческого осмысления художником истоков духовности, культуры и адыгской ментальности. Приводятся описания коллажей, посвященных мифологическим сюжетам, объяснены художественные приемы мастера. Коллажи Ф. Петуваша анализируются в контексте сюжетов и образов героического нартского эпоса и мифологии адыгов. Определено, что особенности художественного стиля Ф. Петуваша основаны на серьезном изучении их автором мифологии и нартского эпоса, а также максимальной искренности и достоверности при передаче эпических сюжетов.

Ключевые слова: Адыгея, адыги, нартский эпос, адыгская мифология, историческая память, Феликс Петуваш, коллаж, квинтэссенция искусства, художественный стиль.

В переживаемое современной цивилизацией сложное и полное многочисленных противоречий время особенно важной и значимой составляющей гармоничного развития общества становится традиционная культура. Именно ее сущностное ядро позволяет любо-

му этносу противостоять разрушительным глобализационным тенденциям современности, подчас не только нивелирующим культурные различия, но и размывающим саму этническую идентичность. В контексте сказанного сложно переоценить значение профессиональ-

ного искусства, основанного на традициях, образах и символах, порожденных многовековой народной культурой и исторической памятью этноса. Органичное развитие этого искусства является наиболее приемлемым и адекватным ответом на вызовы глобализации.

Данный тезис можно, безусловно, применить и к традиционной культуре адыгов (черкесов), которая через творчество профессиональных художников, композиторов, хореографов не только приспосабливается к модернизационным веяниям, но, что также немаловажно, получает возможность глобального распространения своих ценностей посредством использования общепонятного языка искусства и современных информационных технологий. Эти обстоятельства обуславливают важность изучения способов и механизмов проецирования народной культуры адыгов, их исторической памяти на сферу профессионального искусства, что становится актуальным вопросом, требующим пристального научного внимания.

Знаковой фигурой современного искусства Северного Кавказа является художник Феликс Мурадович Петуваш (рис. 1), в творчестве которого «вскрываются» и «переживаются» глубинные процессы исторической памяти адыгов (черкесов), философское отношение к природе, размышления о жизни, духовности, чувственности и о самом себе. Феликс Петуваш многогранен, утончен, глубок, пронизателен и уникален в своем творчестве — квинтэссенции чувств, знаний и умений. Как художник и исследователь он, творчески взаимодействуя с миром, интерпретируя, перерабатывая информацию, рассказывает нам историю своей жизни, делится своими представлениями о мире. Его картины многозначны и многослойны и тем интересны для зрителя, пытающегося понять транслируемые автором мысли, размышления или настроения, углубиться в изучение и понимание сюжетных композиций, обратиться к своим корням, истокам, прочувствовать красоту и совершенство Природы. «Взаимоотношения человека и природы у него равноправно. Человек у Ф. Петуваша — это он сам, трансформируемый в разный возраст, в разные обстоятельства, ищущий собственные метаморфозы

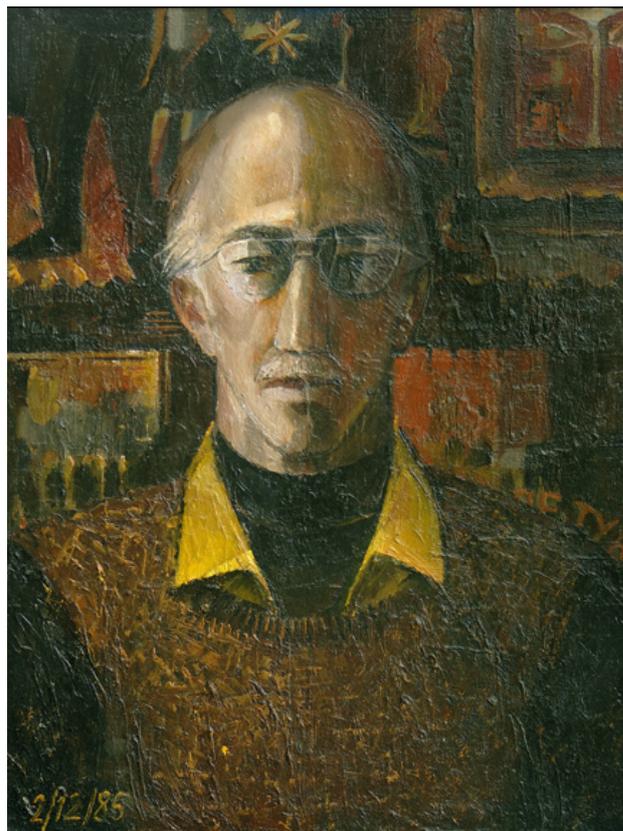

Рис. 1. Ф. М. Петуваш. Автопортрет.
Холст, масло. 1985 г. 65 см*40 см
Fig. 1. F. M. Petuvash. Self-portrait. Canvas, oil.
1985, 65*40 cm

в метаморфозах мира. Он никем не понукаем и меньше всего занят приспособлением к природе. Он изначально не противостоит ей, а сам есть ее атрибут, частица ее естества» [12, с. 4]. Как художник Феликс рожден самой природой — неотделим от нее, живет, дышит и творит в унисон, и, видимо, поэтому он ощущает себя еще и охотником, что дает ему возможность остаться в себе, развить и утончить восприятие природы, обострить затупленные повседневностью чувства и дать выход накопившимся эмоциям. Как говорит сам художник, «охотники — не браконьеры. Настоящий охотник думает о природе, бережет ее. Мы не всегда видим зверей, а они нас видят. Мы себе кажемся особенными и неординарными, а на самом деле мы песчинки на фоне вечного пейзажа» [2].

Творчество Феликса Петуваша получило достаточно широкую известность, став объектом не только просветительских публи-

каций в средствах массовой информации [2] или документальных фильмов, художественный опыт мастера уже несколько десятилетий находится в фокусе внимания исследовательского сообщества. Ф. Петувашу посвящен ряд специально выпущенных отдельных изданий в формате каталога, которые, как правило, сопровождаются вступительными статьями искусствоведов, содержащими обзор и общую характеристику деятельности художника [12] [13]. Творческая биография Ф. Петуваша в целом и анализ его отдельных произведений получили свое воплощение в работах А. Г. Кушу [5] и М. Ю. Филатовой [14]. Е. А. Ильинова проанализировала особенности раскрытия темы героического нартского эпоса в работах художника, рассмотрев серию из пятнадцати графических листов, выполненных им в технике граттографии [3]. В ряде научных статей освещаются иные тематические аспекты творчества адыгского мастера: тема Родины (тесно перекликающаяся с поэтикой нартского эпоса) [1] и тема смерти (также затронутая в аспекте эпической героики) [10]. Характеристика натюрмортов художника приводится Т. С. Поздняковой [8], А. Н. Соколова отмечает визуализацию мастером сохранившихся в адыгском фольклоре сюжетов и образов [9], С. Э. Хокон акцентирует внимание на стилистике костюмов героев нартского эпоса, изображенных в произведениях Ф. Петуваша [15].

Коллажи художника или, как их можно назвать, «картины не маслом», нечасто рассматривались искусствоведами. Это, в частности, уже упоминавшаяся статья М. Ю. Филатовой [14]. Н. В. Тертышник, анализируя серию коллажей Ф. Петуваша, полагает, что в них наилучшим образом прослеживается идея интернационального в прикладном искусстве [11]. Между тем кажется, что именно в коллажах очень ярко проявляется оригинальность творческой манеры художника, поэтому они безусловно заслуживают более внимательного изучения.

Цель статьи — посредством изучения коллажей Ф. Петуваша и раскрытия их символики определить особенности творческой манеры, позволяющие мастеру достигать максимального художественного эффекта и соз-

давать живую связь времен, вовлекая зрителя в пространство исторической памяти. Источниками при этом послужили коллажи, создаваемые Ф. Петувашем на протяжении нескольких десятилетий, каталоги выставок, материалы интервью художника, опубликованные в средствах массовой информации, а также работы ученых-искусствоведов, посвященные его творчеству. В процессе исследования применялся формально-стилистический метод, предполагающий, в частности, не только описание произведения, но и расшифровку смыслов и символов, заключенных в нем.

Лейтмотивами творчества Феликса Петуваша выступают темы единения с Природой, настоящего и будущего, потребительской беспечности современной человеческой цивилизации... И в данном контексте художник очень обеспокоен произошедшим затоплением уникальной по количеству расположенных там долговременных археологических памятников, курганов и поселений исторической территории адыгов, которая уже 50 лет находится под водами Краснодарского (Кубанского) водохранилища.

История создания Краснодарского водохранилища началась в июне 1967 г., когда Совет Министров СССР утвердил проект сооружения: 5 ноября 1972 г. было перекрыто русло реки Кубань и началось заполнение Краснодарского водохранилища. Его первая очередь была запущена в мае 1973 г. В современной истории это событие стало очередной трагедией для адыгов, исконно проживавших на этих плодородных землях: оказались переселенными и полностью или частично затопленными в общей сложности 22 аула и поселка. На большой территории в 35.000 гектаров находилось 46 кладбищ, 5 братских могил, 16.000 гектаров леса, были переселены 13.000 человек... Археологические комплексы в экстренном порядке пытались раскопать, чтобы изъять наиболее ценные артефакты, и археологи под руководством известного кубанского ученого Н. В. Анфимова в жестких временных рамках работали круглосуточно, и, как пишут в независимых источниках, «благодаря их работе огромное количество экспонатов систематизировали и вывезли в архивы музеев страны. Часть из них впоследствии

попала в Краснодарский краеведческий музей имени Е. Д. Фелицина, дальнейшая судьба и местонахождение другой, большей части, сейчас неизвестна. Тогда же описали и систематизировали археологические памятники. 12 поселений древнейшей майкопской культуры, множество курганов и античных городищ, средневековые кладбища остались под слоем воды. Есть мнение, что это даже неплохо, поскольку вода — лучший охранник от черных копателей» [16].

С этим мнением вряд ли можно согласиться по причине того, что на протяжении всех этих лет затопленные курганы и древнейшие поселения размывались водой и огромное, трудно поддающееся оценке количество артефактов оказывалось на берегу, собиралось и продавалось, переплавлялось или вывозилось за границу в частные коллекции. Невозможно представить масштабы этого «бизнеса». Античное и средневековое золото, серебро, бронза, художественная керамика, оружие, конское снаряжение, орудия труда и ремесленного производства потеряны навсегда — затопленные могилы и ушедшая история, размытые курганы и распроданная культура...

Художник Феликс Петуваш, будучи охотником и рыбаком, на протяжении многих лет находил и собирал вымываемые водами водохранилища археологические артефакты, их также приносили друзья, знакомые: тысячи предметов он передал на хранение в фонды Национального музея Республики Адыгея.

Рис. 2. Ф. М. Петуваш. Сэтэнай. Коллаж. 2006 г. 70 см*70 см
Fig. 2. F. M. Petuvash. Setanai. Collage. 2006, 70*70 cm.

«Сэтэнай» (коллаж. 70×70. 2006 г.) (рис. 2) — уникальная работа Феликса Петуваша, рядом с которой проживаешь тысячи лет прошлой и настоящей жизни, погружаясь в мощное энергетическое пространство вечности духа и бренности бытия. Коллаж представляет собой музейную коллекцию или креативную археологическую экспозицию, в которой отражена большая часть истории культуры и искусства адыгов — на плоскости 70 на 70 сантиметров расположены художественные изделия из бронзы, серебра, железа, камня, глины, сердолика, янтаря, лазурита, собранные автором лично археологические артефакты, вымываемые на протяжении десятков лет из многочисленных долговременных могильников и курганов, затопленных Краснодарским водохранилищем. Кто-то из друзей приносил художнику изделия из металла, детали и части оружия, наконечники стрел,

копий, ювелирные украшения, сердоликовые бусины, детали украшения одежды, бытовые предметы и многое другое, что по древним традициям заупокойного культа наших предков отправлялось вместе с владельцем в вечный, иной мир, но, как оказалось, покой этого тысячелетнего мира был нарушен — нарушена память прошлого и память будущего.

Феликс с присущим юмором вспоминает о первых экспериментах с коллажами в конце 1970-х гг. «Я как баловство стал картинку делать из поломанного будильника во время перекура, потом зашел в мастерню Алик Винс принес еще два будильника и сказал, что классно получается. Я как раз делал сюжет, в котором речь шла о времени, сделал эту картинку, потом вторую, и стали приносить запчасти — у всех же есть часы поломанные, сделал и забыл об этом, раздарил, и из первых работ осталась одна картинка «Камбала» 1978 года» [7].

Так называемое самим художником «баловство» коллажем в середине 2000-х гг. реализовалось и превратилось в серию необычных по стилистике и технике исполнения больших работ из деталей часовых механизмов, археологических артефактов, монет, пружин, кусочков металла, пуговиц и многого другого.

Феликс Петуващ в одной из наших бесед так обозначил идею создания этой серии — *забытые боги и ушедшее время*. Историческая тема богов языческого пантеона древних адыгов, мифологии и нартского эпоса в творчестве художника занимает важное место благодаря его любви к чтению, изучению истории и культуры своего народа, умению анализировать и творчески мыслить, задавать вопросы, искать и находить ответы. Будучи учеником специализированной художественной школы при Художественном государственном институте имени В. И. Сурикова, в которой жили и учились талантливые и одаренные дети со всего Советского Союза, вдали от родителей Феликс рано стал самостоятельным и ответственным. Природная любознательность, талант и желание учиться искусству выделяло его из группы столичных детей известных художественных династий. Возникновению пристального интереса к родной культуре и истории способствовал

случай: он увидел дома у друга книгу нартских сказаний, и его пытливый ум получил руководство к действию — изучить, понять, выразить в изобразительном искусстве свое внутреннее видение древней культуры. И начался процесс осмысления истории искусства, прочитанного, увиденного и услышанного в годы учебы.

Творческая мысль и образное мышление помогают художнику находить новые формы, новые технологии и новый ракурс своих произведений. Как известно из мировой истории искусства, подавляющее большинство произведений написаны на библейские сюжеты, из мировых религий изобразительное искусство черпает темы, образы, сюжеты, «обслуживает» религии и является необходимым условием ее существования на протяжении многих столетий. Поэтому обращение Феликса к истокам духовности, культуры и адыгской ментальности явились в его творческом развитии движущей и направляющей силой. Глубокие познания адыгской мифологии, нартского эпоса, истории и художественной культуры, фольклора и литературы позволили талантливому и высокообразованному Феликсу Петуващу — одному из первых профессиональных адыгейских художников — выразить в своих графических работах, и особенно в коллаже, огромный пласт духовной и материальной истории адыгов.

Первая работа замечательной серии в технике коллажа посвящена Богу Охоты, покровителю животных Мэзитха (*коллаж. 70×92. 2005 г.*), она собрана Феликсом с ювелирной точностью из подаренных дружеской семейной парой поломанных тремя их детьми часов. Интересно проследить от первых работ до последних символически и технически оттачиваемые мифологические сюжеты и образы не изображаемых ранее божеств, стилистические и композиционные решения художника.

Композиция картины «Бог Охоты» представляет крупным планом бога Мэзитха в ритуальной маске с рогами, в его раскинутых в стороны руках лук и стрелы, восседает он на кабане, покрытом золотыми щетинами. Интересно решение фона — черного ночного неба со звездами, луной и солнцем, сделанны-

ми из компакт-дисков. Экспрессия движения достигается изображением передних ног кабана в прыжке, наклоном его головы и вздыбленной щетиной, фактурно выделенной художником посредством острых торчащих железных колючек золотистого и серебристого цветов, как и описывается в текстах нартского эпоса.

С Мэзитхом (*Мэзитхъ*) были связаны определенные регламентации и целый комплекс культовых празднеств, посвященных охоте. В охотничьем культе были и запреты: нельзя было стрелять в животных белого цвета, нельзя сообщать о времени выхода на охоту, нельзя стрелять два раза в одну дичь. Охотник брал с собой в лес всего три стрелы: для летающих, бегающих и плавающих животных. Традиция не убивать дичь сверх необходимости строго соблюдалась.

Описание восседающего на кабане Мэзитха мы находим в гимне — хохе. В нем представлен внешний вид могучего бога, которого боятся жители леса — он «низко клонит вершины дубов», его экипировка и физические качества:

*«Тебя именуем Тхъэ лесов,
Усы твои — червонное пламя.
Тебе в моленьях возливаем щедро кровь —
питье красное,
Зарезан в дар-жертву тучный белый
козел, угодный тебе.
Перед тобою молодая жена неплодная
на коленях стоит,
Белорукий — ты знаешь все.
Могучий — низко клонишь вершины дубов,
Одежда твоя — шкура тучного тура.
Ложь твое — место для тела слона.
Чистым серебром оковано тело твое.
Стрела — сердцевина красного
кизила ядреного,
Лук у Мэзитха из ореха — белого дерева.
Головою трянешь — по лесу шум идет,
Тогда зверь — о горе! — в норе содрогается.
Нынче расскажем все о Мэзитхе»*

[6, с. 79].

Куль Мэзитха свидетельствовал о большом значении леса и охотничьего хозяйства в культуре адыгов. Считается, что творец мира Тхэшо поручил Мэзитху стеречь зверей и дичь лесов. Без разрешения Мэзитха охот-

ник ничего не убьет, — он может убить только то животное, которое Мэзитх назначит ему, поэтому бога также молили о счастливом успехе охоты. Как отмечал С. Хан-Гирей, «данное божество изображалось ездящим на златошетиистой свинье, и его повелением олени сходились на лугах, и там какие-то девы их доили...» [Цит. по: 4, с. 207–208].

Увидев новые работы Феликса Петуваша в технике коллаж, друзья и коллеги стали приносить ему коллекции поломанных вещей: художник Эдуард Овчаренко отдал два чемодана запчастей, которые достались от его отца-часовщика. Погружаясь в работу над образом одного бога, Феликс уже мысленно собирал и представлял художественный сюжет и композицию следующего коллажа.

Одновременно с «Богом Охоты» Ф. Петуваш закончил другую картину из этой серии — «Покровитель животных» (*коллаж. 50×80. 2005 г.*) (рис. 3), посвященную грозному и всемогущему божеству адыгского пантеона, покровителю крупного рогатого скота, именуемому Ахын. Этот бог имел свою рошу, в которую ежегодно отправлялась избранная им для жертвоприношения нетельная корова — «самошествующая корова Ахына». Она считалась атрибутом бога. На картине Феликса Петуваша изображен момент прихода в рошу нетельной коровы, сопровождаемой нартом, изображенным в традиционной мужской одежде «шъуашэ» со всеми атрибутами — папахой, буркой, черкеской с газырями, шашкой, и тем самым трансформированным в современного черкеса. Движение «самошествующей коровы Ахына» композиционно продолжается группой людей в левом нижнем углу — фигурами женщины, мужчины и ребенка, олицетворяющими семью, продолжение нартского рода. Под раскидистым дубом в роще Ахына происходит священное ритуальное действие поклонения божеству и покровителю животных.

Годом ранее датируется работа Феликса Петуваша «Бог изобилия» (*коллаж. 72×100. 2004 г.*). Тхагэлэдж (*Тхъагъэлэдж*) — покровитель плодородия, изобилия и растительного мира. В серии художника три названные картины как бы объединены общей темой природного богатства и достатка, выраженной через разнообразие животных и расти-

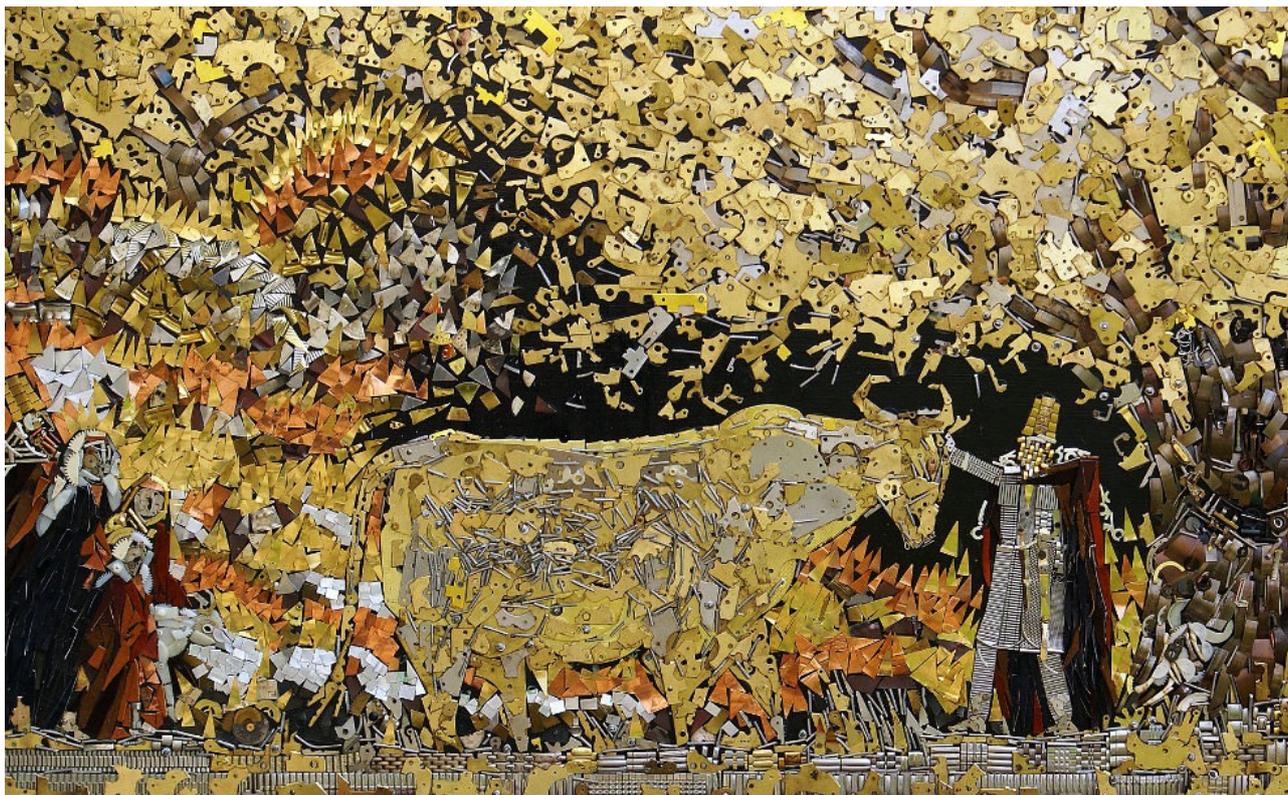

Рис. 3. Ф. М. Петуваш. Покровитель животных. Коллаж. 2005 г. 50 см*80 см
 Fig. 3. F. M. Petuvash. Patron of Animals. Collage. 2005. 50x80 cm

тельного мира. В нартском эпосе адыгов бог плодородия и изобилия, несущий добро, выступает большим тружеником, первым земледельцем, имеющим чудодейственные орудия труда, огромных волов, он нашел и сохранил для нартов семена проса. Исследователи считают, что одно из обличей бога плодородия — кузнечик, богомол, сверчок — предвестник обильного урожая. На картине Феликса Петуваша изображены кузнечик, собака и овца, которую было принято приносить в жертву в день праздника в честь Тхагэлэджа, когда весной готовились к пахоте и прокладке первой борозды. Насыщенная композиция картины включает в себя небо, горы, леса, поля, животных и бога-труженика с золотым посохом в руках. Бог плодородия и изобилия Тхагэлэдж связан по своим функциям в нартских сказаниях с братом Амышем (*Амышъ*) — покровителем скота в адыгском пантеоне божеств — и Тлепшем — богом-кузнецом, который избрал первое орудие труда серп и оружие нартов. Возможно, раньше Амыш был искусным охотником, это дало ему возможность познать

тайны леса и его обитателей. Об этом боге писали и как о легендарном пастухе, который впервые развел овец и начал заниматься овцеводством. Амыш оставил после себя людям не только богатые стада, но и пастбища, обладающие чудесными свойствами [4, с. 211–212].

«Культурному герою» нартского эпоса Тлепшу — «огневому» богу, покровителю кузнечного ремесла, демиургу, кузнецу, оружейнику и лекарю — посвящена картина Феликса Петуваша «Бог-кузнец» (коллаж. 75×70. 2006 г.). В пантеоне мужских божеств эпоса «Нарты» появление образа хтонического божества Тлепша (*Лъэпшъ*) и его трансформация от «огневого» бога до бога — покровителя кузницы и художественного ремесла определены историческими предпосылками, а именно началом раннего железного века, общественным разделением труда, появлением бронзы, получением железа и стали. То есть можно утверждать вполне обоснованно, что в героическом адыгском эпосе показаны исторические периоды и социально-общественные изменения. «Бог-кузнец» не просто коллаж, а экспозиция

археологических артефактов из курганов эпохи бронзы, раннего металла и средневековья. Мифологический образ Тлепша транслирует зарождение кузнечного ремесла и искусства художественной обработки металла, наступление «железного века», создание первых орудий труда и оружия, наделенного магическими свойствами. В сказаниях нартского эпоса заложена информация о сакрализации личности кузнеца, кузни, инструментов, приспособлений и изделий из металла. Культ железа и связанные с ним атрибуты наделялись охранительными функциями, им придавались сверхъестественные качества.

В композиции картины центральное место занимает мощная фигура кузнеца Тлепша с молотом в руке, бьющего по металлу на наковальне, в окружении изделий и символов его ремесла. Сам художник, глубоко изучивший мифологию и нартский эпос, является потомственным оружейником и ювелиром, владеющим технологией производства и знающим тонкости и секреты божественного промысла Тлепша, поэтому все изображаемое на картине достоверно. Определенную аутентичность создают найденные автором археологические артефакты, из которых и создан коллаж. Например, железный меч как символ Тлепша — покровителя оружия, изготовившего меч-самобой, клинки которого «сами отражают удары слева, справа, спереди и сзади», прочные легкие и красивые доспехи, а также оружие с магическими способностями — стрелы, поражающие заданную цель; меч, разрубающий камни

Рис. 4. Ф. М. Петуваш. Главный бог. Коллаж. 2007 г. 105 см*66 см
 Fig. 4. F. M. Petuvash. Main God. Collage. 2007. 105x66 cm

и железные предметы; пружинные и магнитные мечи, «выстреливающие» из ящичка; пики, пробивающие все преграды. Художник разместил на картине молот Тлепша, два кинжала, наконечник копья, удила, пряжку, бляшку. Изображения двух змей символизируют сюжет, связанный с созданием щипцов для металла, а сюжет с противостоящими друг другу

петухами иллюстрирует историю появления первого орудия — серпа в виде хвоста петуха с зубцами, похожими на зубы змеи.

Следующий коллаж серии посвящен покровителю путников и воинов (*коллаж. 110×72. 2007 г.*). Зекуатх (*Зек1уатхъ*) — «походный бог», который сопровождает путешественников, всадников во время походов и возвращения домой, этому покровителю оставляли его долю добычи в священных рощах или у священных деревьев. В данной композиции художник обращается к образу странствующего старца-музыканта со смычковым инструментом шичепщин в руках, традиционно воспевающего подвиги героев, своеобразного носителя и хранителя информации. В нижней части полотна размеренно двигаются конь и всадник, а выше над горами в небе скачет нартский герой Саусэруко на своем крылатом скакуне Тхожие. Подняв крылья к небу, экспрессивно взлетает сова, символизирующая мудрость и женское начало, обладающая магическими качествами, древними сверхъестественными знаниями.

Картина мира в нартском эпосе будет неполной без злого божества Пако, который предстает в картине Феликса Петуваша «Бог зла» (*коллаж. 73×83. 2008 г.*). Лохматый, с накрученными волосами, в напружиненной одежде с торчащими на груди ножами, стремительно бежит он с секирой в руке для свершения своих злодеяний, но ему это не удастся благодаря железному «частоколу», сделанному художником по периметру всей картины... Зло не должно оставаться безнаказанным, оно не должно победить добро и разум.

В адыгском пантеоне божеств космоса и земли на всех структурных уровнях самым главным богом является Тхэшхо (*Тхэшхо*) — творец мира, Вселенной, Абсолют, телесно мыслящее существо, не имеющее ни начала, ни конца. Он живет на вершине священной горы Ошхэмаф и «служит высшей инстанцией при редких спорах и недоразумениях между божествами и подвластными им героями и людьми» [4, с. 38]. Тхэшхо обозначается коротким именем Тхэ — Бог. Также необходимо отметить, что понятие о главном божестве связано у древних предков адыгов с Солнцем — главным небесным светилом; его

символика, солярные знаки, зафиксированы в самых древних произведениях искусства.

«Главный бог» Тхэшхо (*коллаж. 105×66. 2007 г.*) (рис. 4), по нашему мнению, квинтэссенция творческой мысли Феликса Петуваша и выражения ее в искусстве — видит невидимое, чувствует нематериальное и достигает невозможного. Эта картина монументальна, она изображает солнечный золотой диск, который символизирует главное божество Тхэшхо, вокруг него расположены мужчина и женщина, девять животных, четыре птицы, испуун (дольмен). Символикой пронизано каждое изображение на полотне, как пронизано символикой все древнее искусство, они перекликаются через тысячелетия, и благодаря художнику современный зритель получает возможность увидеть историю цивилизаций, культуры и искусства в целом. Конечно, неподготовленный зритель, не до конца понимающий содержание картины, может испытать только чувство удивления и заинтересованности, у него возникнут вопросы, и вот именно в этот момент будет достигнута цель художника — побудить зрителя к познанию самого себя через искусство и его образы, символы и знаки.

Рассматривая в хронологической последовательности картины «не маслом» Феликса Петуваша, подходим к образу одного из главных, точнее сказать, наиболее известных нартов — Саусэруко, подвиги которого овеяны легендами. Он «добывает огонь для нартов, возвращает семена проса, украденные Емынежем, воюет с многочисленными врагами нартов, придумывает интеллектуальную игру сэнтрац, заставляет нартов упразднить хабзэ, который требовал убивать немощных стариков» [4, с. 34–35].

В творчестве Феликса Петуваша образ нартского героя Саусэруко занимает значительное место, он нашел феноменальное воплощение в графическом цикле «Нартский эпос», начатом в далеком 1976 г. и завершеном в 2006 г. Можно утверждать, что художник всю свою творческую жизнь активно работает над сюжетами нартского эпоса, раскрытием его содержания, воплощением нартских сказаний и образов героев в разных изобразительных жанрах и техниках. Графическая

серия «Нартский эпос», посвященная образу Саусэруко, включает в себя 15 листов в технике граттографии, выполненной «в завышенно-эстетичной манере, продиктованной почтительным отношением к содержанию эпоса. Рисунок аскетичен, линии точно и бережно обозначают силуэты персонажей. Тип штриховки восходит к традиционной для адыгов насечке по металлу. Несколько вытянутый по вертикали формат, крупный рисунок, контраст черного и белого придают листам монументальность» [13, с. 8].

В серии коллажей герой нартского эпоса предстает в центре композиции картины «Саусэруко» (2010) на своем крылатом, умеющем разговаривать и летать коне Тхожие, в сопровождении двух орлов. В верхней части картины даны изображения противников героя, которых он победил благодаря уму, хитрости, смекалке и храбрости. Над всей композицией возвышаются Солнце, Луна и гора Ошхэмаф как символы Вечности Жизни.

В контексте реализации образа Саусэруко в творчестве Феликса Петуваша уместно вспомнить монументальное мозаичное панно, сделанное в 1993 г. и украшающее фойе Государственной филармонии, которое стало тиражируемым арт-объектом и своеобразным символом Республики Адыгея.

На настоящий момент последней в рассматриваемой необычной и креативной серии «картин не маслом», посвященной космогоническим божествам нартского эпоса и покровителям атмосферных явлений, окружающего мира и связанных с ними культов, стала работа «Бог грома» (коллаж, 110×72. 2010 г.). Шыбле — космогоническое божество грома, молнии и огня «пробивает» по вертикальному центру крону огромного дерева на солярном символе креста и поражает место на земле, которое становится священным и особо почитаемым. Когда гремит гром и сверкает молния, молодые люди выходят из домов, начинают петь и танцевать, радоваться дождю. Если молния убивает кого-либо из них, то он считается «избранными богом Шыбле», святым, и его хоронят с почестями в том самом месте, где человека настиг Шыбле. На картине в нижней части художник показывает двух джегуако в ритуальных масках слева и справа, двух

музыкантов с камыль — дудками, еще двух мужчин с факелами в руках, а в центре экспрессивный музыкант с пхачич — трещотками в руках. Вся сюжетная композиция в деталях показывает культовый праздник, посвященный богу-громовержцу Шибле, с именем которого связано большое количество обрядов, ритуалов и поверий, сохранившихся в культуре до наших дней.

В этой необычной по технике исполнения, убедительной по содержанию и художественной стилистике серии коллажей, состоящей из 10 картин, на тему адыгского героического эпоса «Нартхэр» и ее мифологических образов, воплотилась духовная культура и история, мифы и легенды, герои и враги, боги и люди, добро и зло, жизнь и смерть, забвение и вечность в прошлом, настоящем и будущем.

Немного в другой тематической концепции сделаны несколько не менее интересных и содержательных коллажей, таких как «Гера на стойке», «Старая башня», «Речная фея», «Фазан», «Сазан» (рис. 5), «Икар», «На дереве» и «Год крысы». Коллаж «Год крысы» сделан в виде «картинки в картинке» с палитрами и кистями, бессменными атрибутами художника, рожденного для творчества и искусства. 2020 год считается Годом Крысы по китайскому гороскопу, из-за пандемии ставшим очень

Рис. 5. Ф. М. Петуваш. Сазан. Коллаж. 2009 г.
61 см*71 см

Fig. 5. F. M. Petuvash. Carp. Collage. 2009.
61x71 cm

сложным для всех людей, независимо от места рождения и национальной принадлежности. Он показал, как ценна человеческая жизнь и как важно быть в гармонии с Природой и самим собой, ведь «гармония мира и человека — это не атрибут, не изначальная раз и навсегда данная сущность, а скорее тенденция развития, возникающая лишь на руинах противоречий, проблем, препятствий. Гармония достижима лишь в процессе преодоления, разрушения дисгармонии. А это испытание на всю жизнь» [12, с. 7].

Итак, анализ коллажей, выполненных Феликсом Петувашем, позволяет заключить, что они, как и произведения мастера,

созданные в технике живописи масляными красками и графики, свидетельствуют о глубоко погружении их автора в мир адыгской традиционной культуры, национальной ментальности. Опыт художника позволяет ему достигать максимальной искренности и достоверности при передаче сюжетов, связанных с народной памятью адыгского этноса. Серьезное изучение мифологии и нартского эпоса дают возможность Ф. Петувашу наполнить коллажи древней символикой, по-новому раскрыть содержание эпических сказаний, осуществляя таким образом живую связь времен, побуждая зрителя к самопознанию через искусство.

Maryet G. KUYOK

Cand. Sci. (Art History),
 Adyghe Republican Research Institute
 of the Humanities named after T. M. Kerashev,
 Maykop, Russian Federation,
kuek.marina@yandex.ru

Felix Petuvash: Non-Oil Paintings

Abstract. The main aim of this review is to identify elements of the creative experience of the famous Adyghe artist Felix Petuvash. These elements allowed him to create works in the collage technique; through their deep symbolism, Petuvash's works actualize the historical memory of the audience. The range of research materials included Petuvash's works (collages), his interviews reflecting his creative ideas, as well as art criticism studies dedicated to Petuvash. In the research, a formal-stylistic method was used. The artist's works associated with nature and the motives of unity with it are characterized. The merit of the artist is noted: for many years on the banks of the Krasnodar reservoir he found thousands of archaeological objects from mounds, connected with the history of the Adyghe people, that were flooded during the construction of the man-made reservoir. The *Setenai* collage, which the artist created from the ancient jewelry, elements of weapons and other discoveries he found, is analyzed; the artist's memories of his first experiments with the collage technique are given. The significance of the pagan pantheon of the ancient Adyghe people, mythology and the Nart epic in Petuvash's works is reflected, the process of the artist's personal creative understanding of the origins of spirituality, culture and Adyghe mentality is shown. Collages on mythological plots (*God of the Hunt, Patron of Animals, God of Abundance, God the Blacksmith, etc.*) are described, the artistic techniques Petuvash used when creating them are explained. Traditional religious ideas and various regulations that existed in the Adyghe culture and are associated with the deities depicted by the artist are revealed. Petuvash's collages are analyzed in close connection with the plot outline and symbolism of the images of the heroic Nart epic, in which social changes that took place in ancient times found expression. The author believes that, among the collages created by Petuvash, the quintessence of his creative thought is expressed by the work *Theshkho (Main God)*. The author also mentions and briefly characterizes collages Petuvash made on topics not related to Adyghe mythology. The author concludes that the artistic effect of works by Petuvash is based on a serious study of mythology and the Nart epic, a deep immersion of the master in the world of the Adyghe traditional culture and national mentality, maximum sincerity and reliability in the transmission of artistic plots.

Keywords: Adygea, Adyghe, Nart epic, Adyghe mythology, historical memory, Felix Petuvash, collage, quintessence of art, artistic style.

Использованная литература:

1. Абакумова Е. В., Позднякова Т. С. Тема Родины в творчестве художников Адыгеи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 247–252.
2. Емиж Н. Художник Феликс Петуваши: «Мы – песчинки на фоне вечного пейзажа» [Электронный ресурс] // АиФ Адыгея. URL: <https://adigea.aif.ru/culture/details/48872> (дата обращения: 12.06.2022).
3. Ильинова Е. А. Образ Саусоруко в творчестве Феликса Петуваши // Мир глазами черкесских художников: сб. ст. / сост. А. Н. Соколова, Ф. Х. Сулейманова. Вып. 2. Майкоп: Электронные издательские технологии, 2021. С. 76–93.
4. Куёк А. С. Мифопоэтическая модель мира в адыгской (черкесской) Нартиаде. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2018.
5. Кушу А. С. Феликс Муратович Петуваши. М.: Художник РСФСР, 1981.
6. Мезитха // Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. Москва; Ленинград: Academia, 1936.
7. Персональный архив Куёк Марьет Гиссовны.
8. Позднякова Т. С. Натюрморт в творчестве адыгских художников // Мир глазами черкесских художников: сб. ст. / сост. и гл. ред. А. Н. Соколова. Майкоп: Электронные издательские технологии, 2020. С. 147–158.
9. Соколова А. Н. Религиозные мотивы в творчестве художников Адыгеи // Богослужебные практики и культы в искусстве в современном мире: сб. материалов IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, 09–12 ноября 2020 г.) / ред.-сост. С. И. Хватова. Краснодар: Магарин Олег Григорьевич, 2020. С. 658–687.
10. Сулейманова Ф. Х. Тема смерти в творчестве Ф. Петуваши // Сборник материалов, научных статей Национального музея Республики Адыгея. Вып. III. Майкоп, 2011. С. 88–93.
11. Тертышник Н. В. Национальное и международное в декоративно-прикладном искусстве художников Адыгеи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 255–259.
12. Феликс Петуваши. Каталог персональной выставки / вступ. ст. А. Н. Борщева. Майкоп: Б. и., 1989.
13. Феликс Петуваши: живопись, графика, коллаж и монументальное искусство / вступ. ст. Л. П. Гуниной. Майкоп: Качество, 2014.
14. Филатова М. Ю. Феликс Петуваши – художник, несущий свою мечту // Образы, сюжеты, художественные направления в изобразительном искусстве: региональный аспект / сост. и гл. ред. А. Н. Соколова. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2020. С. 54–63.
15. Хокон С. Э. Преломление эстетической идеи адыгского этнокостюма в художественном сознании современных авторов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 4. С. 159–165.

References:

1. Abakumova, E.V. & Pozdnyakova, T.S. (2018) Homeland as Subject in Works of Adyghea Artists. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2(217). pp. 247–252. (In Russian).
2. Emizh, N. (2013) Khudozhnik Feliks Petuvash: “My – peschinki na fone vechnogo peyzazha” [Artist Felix Petuvash: “We are grains of sand against the background of the eternal landscape”]. *AiF Adygeya*. [Online] Available from: <https://adigea.aif.ru/culture/details/48872> (Accessed: 12.06.2022)
3. Il'inova, E.A. (2021) Obraz Sausoruko v tvorchestve Feliksa Petuvasha [Image of Sausoruko in the Works of Felix Petuvash]. In: Sokolova, A.N. & Suleymanova, F.Kh. *Mir glazami cherkesskikh khudozhnikov: Sb. st. [World Through the Eyes of Circassian Artists: Articles]*. Vol. 2. Maykop: Elektronnye izdatel'skie tekhnologii. pp. 76–93.
4. Kuek, A.S. (2018) *Mifoepicheskaya model' mira v adygsКОЙ (cherkessкой) Nartiade* [The Mythoepic Model of the World in the Adyghe (Circassian) Nartiad]. Maykop: Adyghe State University.
5. Kushu, A. G. (1981) *Feliks Muratovich Petuvash* [Felix Muratovich Petuvash]. Moscow: Khudozhnik RSFSR.
6. Broydo, G.I. (ed.) (1936) Mezitkha. In: *Kabardinskiy fol'klor* [Kabardian Folklore]. Moscow; Leningrad: Academia.
7. Maryet G. Kuyok's Personal Archive.
8. Pozdnyakova, T.S. (2020) *Natyurmort v tvorchestve adygsKikh khudozhnikov* [Still Life in the Works of Adyghe Artists]. In: Sokolova, A.N. (ed.) *Mir glazami cherkesskikh khudozhnikov: sb. st. [World Through the Eyes of Circassian Artists: Articles]*. Maykop: Elektronnye izdatel'skie tekhnologii. pp. 147–158.
9. Sokolova, A.N. (2020) [Religious Motives in the Works of Artists of Adygea]. *Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire* [Liturgical Practices and Cult Arts in the Modern World]. Proceedings of the IV International Conference. Krasnodar. 09–12 November 2020. Krasnodar: Magarin Oleg Grigor'evich. pp. 658–687. (In Russian).
10. Suleymanova, F.Kh. (2011) Tema smerti v tvorchestve F. Petuvasha [The Theme of Death in the Works of F. Petuvash]. In: *Sbornik materialov, nauchnykh statey Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya* [Collection of Materials, Research Articles of the National Museum of the Republic of Adygea]. Vol. III. Maykop. pp. 88–93.
11. Tertyshnik, N.V. (2012) *Natsional'noe i internatsional'noe v dekorativno-prikladnom iskusstve khudozhnikov Adygei* [National and International in the Decorative Art of Artists Adygea]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 1. pp. 255–259.
12. Anon. (1989) *Feliks Petuvash. Katalog personal'noy vystavki* [Felix Petuvash. The Personal Exhibition Catalog]. Maykop: [s.n.].

16. Штыбин В. Утерянное наследие Адыгеи. Какой ценой построили Краснодарское водохранилище [Электронный ресурс] // Юга.ру. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8470.html> (дата обращения: 12.06.2022).

13. Kachestvo. (2014) *Feliks Petuvash: zhivopis', grafika, kollazh i monumental'noe iskusstvo* [Felix Petuvash: Painting, Graphics, Collage and Monumental Art]. Maykop: Kachestvo.

14. Filatova, M.Yu. (2020) Felix Petuvash – khudozhnik, nesushchiy svoyu mechtu [Felix Petuvash – An Artist Carrying His Dream]. In: Sokolova, A.N. (ed.) *Obrazy, syuzhety, khudozhestvennye napravleniya v izobrazitel'nom iskusstve: regional'nyy aspekt* [Images, Plots, Artistic Directions in the Visual Arts: A Regional Aspect]. Maykop: Magarin Oleg Grigor'evich. pp. 54–63.

15. Khokon, S.E. (2011) Prelomlenie esteticheskoy idei adygsnogo etnokostyuma v khudozhestvennom soznanii sovremennykh avtorov [The Refraction of the Aesthetic Idea of the Adyghe Ethnic Costume in the Artistic Consciousness of Modern Authors]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 159–165.

16. Shtybin, V. (2018) *Uteryannoe nasledie Aдыgei. Kakoy tsenoy postroili Krasnodarskoe vodokhranilishche* [The Lost Heritage of Adygea. At What Cost the Krasnodar Reservoir Was Built]. [Online] Available from: <https://www.yuga.ru/articles/society/8470.html> (Accessed: 12.06.2022).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Куёк, М. Г. Феликс Петуваш: картины не маслом / М. Г. Куёк // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 102–114. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.007

Full bibliographic reference to the article:

Kuyok, M.G. (2022) Felix Petuvash: Non-Oil Paintings. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 102–114. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.007

МЕМОАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ

MEMOIRS, DIARIES, DOCUMENTS

МАЛЬСАГОВА Тамара Хасановна
советник Главы Республики Ингушетия
Магас, Российская Федерация

Tamara Kh. MALSAGOVA
Advisor to the Head of the Republic of Ingushetia,
Magas, Russian Federation,
sov.malsagovatamara@gmail.com

УДК: 654.197:93/94(470.66)“197/199”
ГРНТИ: 03.23.55
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.008

**Люди, судьбы, связь поколений:
к тридцатилетию телевидения
Республики Ингушетия**

**People, Destinies, Connection
of Generations: To the Thirtieth
Anniversary of the Television
of the Republic of Ingushetia**

Мемуарный очерк вобрал в себя плоды многолетнего опыта и профессиональный взгляд автора, отдавшего работе на телевидении 37 лет своей жизни. В 18 лет (1974) начав работать на Грозненском ТВ как диктор вещания на ингушском и русском языках, Т. Мальсагова прошла путь до главного директора программной дирекции вещания (1987–1993). В последующие годы она работала над созданием ГТРК «Ингушетия» в качестве председателя (1993–1995) и директора телекомпании (2009–2011). В первой части публикуемого очерка охарактеризованы представители ингушской интеллигенции, формировавшие облик регионального радио и телевидения в 1960–1980-е гг. Основная цель – показать плодотворную связь поколений, которую несколько десятилетий создавали и упрочивали творческие усилия подвижников, истинных мастеров тележурналистики.

Ключевые слова: СМИ Северного Кавказа, творческая интеллигенция 1970–1980-х гг., региональные телерадиокомпании, телевидение ЧИАССР, телевидение Республики Ингушетия.

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
отдела комплексных проблем изучения культуры
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Elena Yu. TRET'YAKOVA

Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Southern Branch,
Krasnodar, Russian Federation,
drevo_rechi@mail.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА EDITOR'S PREFACE

Предлагаемый читателям мемуарный очерк посвящен 30-летию Ингушского телевидения (1992–2022), но отображенные в нем события и судьбы охватывают также предыдущие три десятилетия (1959–1991), поскольку стержнем этих воспоминаний выступает мысль о культурной преемственности и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. При всей своей целостности публикуемый текст является только лишь фрагментом, небольшим наброском для будущей книги, где Тамара Хасановна Мальсагова решила передать свои размышления о профессии, которой отдала почти сорок лет своей жизни.

Ретроспекции длиной в несколько десятилетий – это уже История. И рассказать о наиболее важных ее вехах, не предавая забвению судьбы, действия, жизненную позицию наиболее достойных современников, – наш долг перед новыми поколениями, прямая обязанность тех, кому выпало быть очевидцем решающих преобразований страны на рубеже XX–XXI столетий. Ныне, выходя из лавины обрушений и противостояний, мы пытаемся разглядеть сквозь пелену текучего и преходящего те незыблемые опоры жизни и нашей родной культуры, на которых можно и нужно строить братское единение народов.

С расстояния прошедших лет все более очевидна правота созидательной деятельности людей, которые, вопреки испытанию огнем войны, сумели дать жизнь телерадиокомпания «Ингушетия», своими руками построили в медийном пространстве плацдарм для сплочения народа новорожденной республики.

Когда все отдано для достижения общенародных целей, частные амбиции отходят на задний план. По этой и многим другим не менее объективным причинам ранний период истории ГТРК «Ингушетия» малоизвестен, практически не описан. А поскольку информационное пространство не терпит пустоты, лакуны заполняют досужие домыслы и, увы, не бескорыстно честные трактовки.

Задача воспроизвести истинную канву событий по свидетельствам прямых участников и по документам очень непроста, потому что бумажные архивы и архивы киноплёнки Грозненского телецентра не сохранились – сгорели в дни военного конфликта. В этой связи неопределимую важность имеют свидетельства человека, непосредственно работавшего в те дни над выработкой стратегии действий и занимавшегося практическим решением сложного комплекса задач, которые сопутствовали размежеванию двух субъектов СКФО и образованию двух разных телерадиокомпаний.

Перед нами не просто суждения мастера своего дела. Очерк вобрал в себя окрепший с годами взгляд на активно востребованную сегодня отрасль – тележурналистику. Как развернутое сравнение тридцатилетий до- и послевоенной жизни он ценен огромным опытом плодотворной работы в творческом контакте с выдающимися представителями национальной интеллигенции, стремлением сконцентрировать это важное наследие и передать более молодым. Не менее ценен и актуален рассказ о первых шагах становления новой телекомпании в условиях экстремальных, приближенных к боевым. Читатель, мы уверены, почувствует масштаб и историческую значимость этого материала, высвеченного личным опытом, знаниями и убеждениями незаурядного человека, столь ярко проявившего себя в культурно-организаторской и общественной жизни Северокавказского региона и страны в целом.

Рано, в 18 лет предугадав свое творческое предназначение, студентка-первокурсница филологического факультета Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого Тамара Мальсагова не побоялась серьезного конкурса: опередила более 50 участников и, легко пройдя трехуровневый отбор, стала весной 1974 г. диктором Грозненской студии телевидения. Энергично осваивая необходимые навыки в сфере телевизионного производства: ведущая общественно-политических и молодежных программ (1975); редактор отдела выпуска программ (1976), главный выпускающий (1977), Тамара вела и немалую общественную работу как секретарь первичной комсомольской организации Госкомитета по телевидению и радиовещанию.

В 1987 г. на базе отдела выпуска была создана Главная программная Дирекция вещания. Назначенная ее руководителем Т. Х. Мальсагова работала Главным директором программной Дирекции вещания Гостелерадио Чечено-Ингушской АССР до 1993 г.

Став в 1993 г. Председателем филиала ВГТРК Государственной телерадиокомпании «Ингушетия», она занимала эту должность до 1995 г.

Около 15 лет ее трудового стажа составила работа в Московских СМИ:

– 1995–1996 гг. – Агентство ИРА-ПРОВПРЕСС: заместитель главного редактора газеты «Провинциальная хроника», «Дипломатической газеты», детского журнала «Стригунок», литературный редактор журнала «Театр и жизнь», редактор газет «Москвичка», «Русский инвалид», член редколлегии газеты «ДАЙМОХК» («Родина», газета издавалась для чеченской и ингушской диаспоры, проживающей в Москве);

– 1996–2000 гг. – главный редактор телевизионных проектов ООО «ТИН-ТИН» (Телевидение-Информация-Новости), телеканалов «СТС», «ГНТ», «ТВ-Центр», «Столица»;

– 2000–2007 гг. – начальник редакторского отдела ООО «Радионет» и ООО «Компас» (российская телекоммуникационная сеть); автор и ведущая проекта «Сеть точка ру» на телеканале «Культура» (2000–2002, первая из российских программ, выходивших в онлайн-режиме); с 2002 по 2007 гг. – ответственный редактор утренней четырехчасовой программы «Доброе утро» (ОАО «ПЕРВЫЙ КАНАЛ»);

– 2008–2011 гг. – советник гендиректора Всесоюзной государственной телевизионной и радиовещательной компании О. Б. Добродеева.

В 2009–2011 гг. занимала пост директора Государственной телерадиокомпании «Ингушетия» – филиала ВГТРК.

С 2011 г. являясь советником Главы Республики Ингушетия, параллельно формировала новый отдел общественно-политического развития по взаимодействию с Администрацией Президента РФ и аппаратом СКФО (2013–2017); возглавила это структурное подразделение и работала начальником Управления внутренней политики Администрации Главы и Правительства Республики Ингушетия (2017–2019).

Ее деятельность оценена многочисленными наградами и знаками отличия, в том числе:

– Нагрудный знак «Отличник телевидения и радио СССР» (1981);
– Золотой Знак Иордании «За вклад в развитии культурных связей» между СССР и Иорданским Хашимитским Королевством (1991);

– Золотая звезда Артийского комитета и Мировой ассамблеи «За высшие достижения в профессиональной деятельности и общественное признание» (2010);

– медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (Указ Президента РФ от 05.04.2011 г.);

– почетные грамоты, которыми Т. Х. Мальсагову награждали в 1974–2011 гг. Министерство культуры СССР, Гостелерадио СССР и ЧИАССР; Всесоюзная государственная телерадиовещательная компания; Народное Собрание; Правительство Республики Ингушетия, МЧС России; ФСБ России.

За выдающийся вклад в развитие телерадиовещания Т. Х. Мальсаговой присвоено в 2011 г. почетное звание Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия.

В настоящем номере нашего журнала мы помещаем первую часть мемуарного очерка «Люди, судьбы, связь поколений: к тридцатилетию телевидения Республики Ингушетия». Часть эта посвящена предыстории ГТРК «Ингушетия» и рассказывает о вкладе представителей ингушской интеллигенции в становление Грозненского телевидения (1959–1992). Вторая часть, которая выйдет в четвертом номере «Наследия веков» в декабре, непосредственно в дни празднования 30-летия Ингушской ГТРК (филиала ГТРК России), повествует о процессе создания телерадиокомпании, раскрывая малоизвестные страницы ее деятельности в годы Чеченской войны.

Обе части снабжены комментариями, примечаниями и записями устных бесед с автором мемуарного очерка, введенными в состав комментирующего аппарата для более полного знакомства с деталями личной биографии и уточнения сведений о деятельности и жизненном пути коллег Т. Х. Мальсаговой, упомянутых в основном тексте публикации.

Всесторонне изучать и помнить в деталях историю регионального телевидения важно уже по той причине, что именно оно фиксирует для жителей каждого отдельного уголка страны реалии живого самобытного потока событий. Эта информация повседневно востребована и актуальна на местах не менее новостей «из центра». Огромные пласты контента региональных телерадиокомпаний остаются вне рамок учета, поскольку в эфире центральных аудиовизуальных СМИ проходят лишь краткие фрагменты новостных лент «из глубинки». Более пристальное внимание к региональному ТВ как явлению и его социальному контексту диктуется потребностями сегодняшнего дня, когда тема региональной политики во всех сферах общественной жизни приобрела новые аспекты, актуальные в философско-теоретическом и прикладном плане. «Недополучаемый» населением, проживающим за московским кольцом, контент отражает специфику каждого отдельного региона и жизненно необходим зрителям, которые смотрят информационные сообщения с мест событий, узнают в лицо и слышат людей, отвечающих за благополучие в конкретных сферах жизнедеятельности их республики, области, края. Местное теле- и радиовещание на языках коренных народов и на общегосударственном русском языке изо дня в день заполняет эту нишу. Вот почему история становления и развития отечественного регионального телевидения является неотъемлемой частью исторического наследия народа.

Отдавая дань знаменательной дате в истории ингушского телевидения, которому 20 декабря 2022 г. исполнится 30 лет, обратимся сначала к более ранним событиям, от которых нас отделяют еще почти три десятка лет, и попытаемся конструктивно осмыслить процессы, создавшие непростую общественно-политическую обстановку на рубеже 1980–1990-х. Материалом для размышлений послужит практический опыт автора – руководителя одного из региональных телеканалов Северного Кавказа, прошедшего трудовой путь от должности диктора телевидения до поста директора телерадиокомпания. Три главных, на наш взгляд, аспекта данной проблематики в современном контексте объединяет задача показать, что каждое значимое для нации, республики и государства культурное явление кристаллизуется прочной связью между творческими поколениями. В своем очерке мы осветим роль журналистов-ингушей в становлении телевидения ЧИАССР (конец 1950-х – начало 1990-х гг.), вещание на котором было трехязычным: на чеченском, ингушском и русском языках. Это необходимо для полноценного решения второй задачи – пояснить и зафиксировать ряд фактов, повлиявших на переходный период и первые шаги становления телевидения Республики Ингушетия. Немаловажные для истории факты, не будучи введены в научный оборот, замещаются недостоверными домыслами, которые можно развеять только на основании того, что известно свидетелям и непосредственным участникам тогдашних событий. Третий аспект проблематики – влияние бурных общественно-политических процессов на такую полную героики и риска отрасль, как военная журналистика (роль тележурналиста в подготовке репортажей из зоны вооруженных конфликтов) будет раскрыт вместе со вторым.

Первая часть мемуарного очерка посвящена предыстории – трем десятилетиям развития Грозненского ТВ. О насущной потребности поднять и осветить эту тему нас заставило вести речь выложенное в интернете и выпущенное отдельной книгой (издательство Чеченского государственного университета и издательство «Джангар», 2013) учебное пособие об основных этапах становления чеченского радио и телевидения [5]. Эта книга, составленная Адизом Кусаевым, адресована студентам грозненского университета. Во вступительном «Слове об авторе» директор института развития образования ЧР, член-корреспондент РАЕН Абдулла Арсанукаев указал, что в этом учебном пособии дано примерно 90 биографических справок о людях, работавших на радио и телевидении Чечни в 1928–2000-е гг. «Это – чеченцы и русские, которые внесли... вклад в развитие Чеченского радио и телевидения» [1, с. 5]. Вполне полезная инициатива вспомнить людей, которых автор учебной книги знал лично, работая рядом с ними или под их руководством с 1966 г., невольно вызывает у читателя вопрос о роли представителей других национальностей в становлении чечено-ингушского телевидения. Адиз Кусаев привел краткие биографии лишь пяти представителей ингушской творческой интеллигенции, работавших в Комитете телерадиовещания. Устраняя это упущение, заметим, что в первое тридцатилетие деятельности (с конца

Фото 1. Март 1975 г. Дикторы Руслан Дукаев и Тамара Мальсагова перед первым двухголосным эфиром вечернего выпуска «Новостей» на русском языке (Архив автора)

Photo 1. Announcers Ruslan Dukaev and Tamara Malsagova before the first broadcast of the Novosti evening newscast in two-voice format in Russian. March 1975 (Author's archive)

ры театра и кино, общественно-политические деятели, профессиональные работники печати. А в целом штат Комитета, если учесть все службы этой солидной творческой организации, превышал 300 человек.

Как известно, в 1970–1980-е гг. за идеологическую политику чечено-ингушского телевидения и радио отвечал ингуш Магомед Османович Бузуртанов – секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС. Этот человек, много лет курировавший вопросы науки, культуры, образования, издательскую деятельность, активность творческих союзов республики, взвешенно выстраивал работу электронных СМИ. А заведующим сектором печати обкома партии был Асхаб Мякиев. По четвергам он вел передачу «Международное обозрение» на ингушском языке.

О стремлении гибко сбалансировать вещание на трех языках (чеченском, ингушском, русском) свидетельствовал, в частности, переход весной 1975 г. на двухголосное ведение выпуска вечерних новостей. Решив опробовать формат, аналогичный передаче «Время» на ЦТ, мы сформировали дикторский дуэт: «Новости» на русском языке вели чеченец Руслан Дукаев и ингушка Тамара Мальсагова (фото 1)¹.

Информационному, культурно-познавательному и идеологическому аспектам деятельности соответствовали подразделения телекомпании: редакция информационная; редакция об-

1950-х по 1992 г.) в многонациональной телерадиокомпании г. Грозного их насчитывалось до 40. И вклад редакции вещания на ингушском языке заслуживает внимательного изучения: среди ингушских сотрудников грозненского ТВ были заслуженные деятели искусств республики, народные писатели, поэты, кандидаты наук, профессиональные журналисты, звукорежиссеры, киносценаристы-документалисты, первые кинорежиссеры, первые республиканские дикторы, известные актеры,

¹ Передача «Новости» существовала с 1959 г., а чтение этих выпусков на два голоса стали практиковать весной 1975-го. Т. Х. Мальсагова рассказывает об этом: «Чуть раньше мы увидели, что Центральное телевидение уже вещает на два голоса, читают мужчина и женщина. И на летучке у нас руководство предложило: а может быть, мы тоже рискнем на два голоса, посадим двух дикторов? За закрытыми дверями решили: пусть будет чеченец и ингушка. Ну, нас двоих и привлекли. Мы справились с этой задачей, так и читали, пока Руслан Дукаев не ушел с работы. Лет пять «Новости» на русском языке так и шли. Я уже редактором была, не диктором. Мне приходилось каждый вечер бежать в дикторскую, готовиться на «Новости», т. к. это было поручение партии... Когда Руслан ушел, некому уже было читать. Несколько раз проводили конкурс, но диктора-мужчину так и не смогли подобрать».

щественно-политическая (на чеченском языке); отдел пропаганды (на русском языке); редакция художественных программ (на русском и чеченском языках); отдел писем; редакция народного хозяйства, промышленности и транспорта (на русском языке); редакция ингушского вещания; редакция детских, молодежных и спортивных передач; обменная редакция. В них под руководством двух главных редакторов сотрудничали профессиональные журналисты, имевшие опыт работы в редакциях газет, специалисты с филологическим или театральным образованием, среди которых были не только выпускники вузов, но и заслуженные деятели культуры, образования, науки. В интернет-версии вузовского учебного пособия, составленного Адизом Кусаевым, читаем: «Каждой редакцией руководил старший редактор, и в редакцию входило один-два корреспондента и редактора. И были они в трех комплектах, потому что вещание велось на трех языках: русском, чеченском и ингушском. Время распределялось по 50, 30, 20 процентов соответственно. И соотношение это языковое сохранилось до 1990 г., не изменившись даже в годы перестройки. В 1992 г. Ингушетия отделилась от Чечни, почти все русское и русскоязычное население покинуло мятежную республику, русский язык перестал быть “языком межнационального общения” и радиовещание в республике стало одноязычным – чеченским» [4].

Наш разговор о национальном составе работников чечено-ингушского радио и ТВ хотелось бы начать с мысли о том, что именно культура делает народ нацией и что советская журналистика была интернациональной. Ее представители ценили уважительное отношение к традициям народов, проживающих в том или ином регионе. Популяризация духовных и исторических ценностей, созданных нашими предками, предполагала формирование национального самосознания, чуткого к сбережению природных ресурсов и объектов культурно-исторического наследия. Вклад чеченских, русских, ингушских журналистов в это общее дело не оценим.

Большинство тогдашних работников телевидения приходили в профессию по зову сердца и с желанием *самоучиться*. Профильных вузов, готовящих к работе на ТВ, в стране на то время не было, но профессиональные знания можно было почерпнуть в книгах В. В. Егорова, Э. Г. Багирова, сборниках статей под редакцией Я. Н. Засурского. По ним, собственно говоря, и учились мои коллеги-ровесники¹.

Ингушская редакция на телевидении ЧИАССР представляла собой одно-единственное штатное подразделение с пятью редакторами-корреспондентами. Все прекрасно владели и русским, и ингушским языком. Очень ценили родной язык, письменный и разговорный, наьна мотт – язык матери, который обязан знать каждый ребенок, выросший в ингушской семье. До 1977 г. старшими редакторами ингушского вещания были: Джемалдин Хамурзаевич Яндиев – классик ингушской литературы, известный как автор многих поэтических сборников, корреспондент, переводчик, литературный консультант, председатель Союза писателей Чечено-Ингушской АССР; профессиональные журналисты: Султан-Гирей Котиев, Тухан Тебоев, Саид Плиев, Султан Шадиев и др.

В 1977 г. старшим редактором ингушского вещания назначили Мустафу Керимовича Льянова. В 69 лет он пришел на телевидение, имея за плечами два десятка лет работы главным редактором старейшей республиканской газеты «Сердало» («Свет»). Образование получил в Москве. Окончив в 1932 г. с отличием Коммунистический университет трудящихся Востока, стал заведующим отделом культуры и пропаганды Ингушского обкома ВКП (б), затем вторым секретарем Пригородного райкома партии Ингушской автономной области. Успел поработать и директором драматического театра в г. Грозном, директором Чечено-Ингушского Госиздата. Вот только не удалось попасть на фронт, хотя в годы войны (1942–1943) был курсантом военно-политическо-

¹ Т. Х. Мальсагова подчеркивает, что дикторскую профессию и ей пришлось осваивать без педагога, главными учителями были голубой экран и ее отец Хасан Сосланбекович, педагог, ветеран войны: «Набиралась опыта у дикторов Центрального телевидения, по примеру которых я осваивала манеру держаться в кадре, умение работать с голосом. В городских библиотеках интересующего меня материала не было вообще. Главным учебно-методическим пособием в моем самообразовании послужил первый в СССР учебник “Основы телевизионной журналистики”, написанный А. Я. Юровским и Р. А. Борецким, которых по праву называют основоположниками отечественной теории в этой области профессиональных знаний».

Фото 2. Октябрь 1974 г. Стоят: диктор Тамара Мальсагова, первый диктор русского вещания Ольга Романова, ассистент режиссера редакции новостей Сацита Асуева; сидят: диктор Малика Шахгиреева, ведущая рубрики «Новости в мире книги» Зарема Мусаева, редактор детско-молодежных программ Лиза Карнаева (Архив автора)

Photo 2. Standing: announcer Tamara Malsagova; Olga Romanova, first announcer of Russian broadcasting; Satsita Asueva, assistant of the news editorial director. Sitting: announcer Malika Shakhgireeva; Zarema Musaeva, host of the News in the World of the Book section; Liza Karnaeva, editor of children and youth programs. October 1974 (Author's archive)

го училища. Сразу после выпуска М. К. Льянова отправили в Алтайский край (г. Барнаул), где он вплоть до депортации ингушей в Казахстан служил инструктором-пропагандистом гарнизонного Дома Красной Армии. Как видно из биографии, к приходу на телевидение ЧИАССР М. К. Льянов имел большой опыт политической, пропагандистской, культурной журналистской работы. Это был энциклопедически образованный человек, мудрый наставник, профессионал-практик.

После проводов Мустафы Керимовича Льянова на пенсию редакцию временно возглавила Лейла Мехтиевна Мартазанова – филолог, многодетная мать, супруга покойного профессора Ибрагима Дахкильгова, преподававшего в Чечено-Ингушском университете им. Л. Н. Толстого. Лейла успевала во всем: и редакцией руководить, и на съемки ездить, и писать на ингушском языке интересные очерки о выдающихся сынах и дочерях края. Собирала в студии многочисленных гостей, готовила передачи по фольклору и народным промыслам, сюжеты о писателях, поэтах, научных деятелях. Из числа замечательных проектов для молодежной, детской, женской аудитории отметим: «Заманхо» («Современник»), «Дешархо» («Школьник»), «Шоана, кхалнах» («Для вас, женщины»), «Шоана дай-ноной» («Для вас, родители»). В сюжетах этих программ

говорилось о молодежных буднях, о семейных традициях, о воспитании детей, об уважении к учительскому труду, формировании у детей чувства патриотизма, любви к Родине и уважения к народам, живущим рядом, о развитии и сохранении родного языка и приобщении детей к культурному наследию, духовным ценностям ингушского народа.

Богатое духовно-нравственное и патриотическое содержание передач играло важную роль в воспитании школьников и молодежи – главного стратегического и кадрового ресурса республики. Источником, объединяющим созидательные силы общества, служили примеры выдающихся личностей прошлого и наших дней, таких как Герои Социалистического Труда механизатор Артаган Орцхоевич Албогачиев (1914–1984); звеньевой механизированного звена совхоза «40 лет Октября» Назрановского района Багаудин Гаспоевич Кодзоев (1934–2010); работник нефтяной отрасли, почетный гражданин города воинской славы Малгобека Ахмед Бибертович Лолохоев (1924–2010); олимпийцы тяжелоатлет Исраил Магомедгиреевич Арсамаков и четырехкратная чемпионка олимпийских игр уроженка г. Грозного Людмила Ивановна Турицева; защитник Родины в годы Великой Отечественной войны пулеметчик Ханпаши Нурадилович Нурадилов. Передачи выходили в эфир под чутким наблюдением Тамары Алаудиновны Гантемировой – первой из женщин-телережиссеров среди ингушей; Рукият Абукаровны Мальсаговой-Евлоевой – редактора-режиссера; ассистента-режиссера Розы Султановны Мальсаговой¹.

По субботам редакция готовила передачи для молодежи о театральной жизни, концерты «По письмам» и эфиры, приуроченные к профессиональным праздникам. В числе участников молодежных и общественно-политических программ были передовики производства, вожаки комсомола, первопроходцы комсомольских строек, делегаты съездов, фестивалей; молодые политики, воины-афганцы, выдающиеся спортсмены. Назову лишь некоторых: Герой Советского Союза генерал-лейтенант Руслан Султанович Аушев (фото 3); первый Герой России Суламбек Сусаркулович Осканов (1943–1992) – генерал-майор авиации, летчик-испытатель, совершивший подвиг в мирное время; ветеран войны Хасан Сосланбекович Мальсагов; летчики, Герои Советского Союза Ахмет Мальсагов и Мурат Оздоев; народный депутат СССР Муса Дарсигов – «человек от сохи», известный всей стране передовик труда, кавалер двух Орденов Красного Знамени; участник XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе, представлявший молодежь Чечено-Ингушетии в составе делегации СССР Мурат Зязиков (впоследствии Президент Республики Ингушетия); Герои Социалистического Труда: доярка совхоза «Назрановский» Лемка Барахоева, звеньевой совхоза «Экажевский» Артаган Албогачиев, мастер по добыче нефти «Малгобекнефть» Федор Львович Колесников. Экран знакомил телезрителей с замечательными творческими личностями: первый в истории чечено-ингушской литературы профессиональный критик Алихан Усманович Костоев (1934–1992); поэты ученый-кавказовед Дошлуко Мальсагов, Сали Арчаков, Гирихан Гагиев, Азамат-Гирей Угурчиев, Магомед Плиев, Али Хашагульгов, Магомед Вышегуров, Ваха Хамхоев; писатели Идрис Базоркин, Саид Чахкиев, Багаудин Зязиков, Ахмед Веджижев, основатель Назрановского музея краеведения Туган Мальсагов и многие другие. Ведущей всех перечисленных телевизионных программ была автор этих строк Тамара Мальсагова².

¹ В середине 1980-х Роза Султановна Мальсагова перешла в республиканский ингушский театр кукол. Писала сценарии к новым спектаклям, опыт работы на телевидении позволил ей стать театральным режиссером, директором театра. Неординарная, смелая, равнодушная личность, человек непростой судьбы, она по праву получила звание Заслуженная артистка ЧИАССР. Чеченская война отняла супруга, но она сама воспитала двух замечательных сыновей. Ныне живет во Франции и в последние годы является ведущей авторской программы «Кавказский дневник» на французском радио.

² Т. Х. Мальсагова рассказывает, как прошел и чем запомнился ей первый пробный выход в эфир 25 марта 1974 г.: «Велели прийти к 11 часам для ознакомления с коллективом. Полчаса простояла в холле, рядом со швейцаром, в ожидании пропуска к главному режиссеру В. Б. Насардинову. Когда меня стали знакомить с работниками (а начали с приемной директора и редакции информационных программ), вдруг раздался женский крик: “Ваха Баудинович, диктора нет! Что делать? В 12.05 программу открывать, кто будет читать?”. Главреж ответил: “Вот, знакомьтесь, Тамара Хасановна, наш новый диктор, она и откроет”. Я разволновалась: “На мне нет соответствующего костюма...” И услышала: “У тебя есть восемнадцать – молодость в руках. Пошли!” Мне на бегу протянули лист с несколькими строчками и

Фото 3. Ноябрь 1986. Выездная передача «Школьник» о встрече Героя Советского Союза Р. С. Аушева с молодежью г. Малгобека. После тяжелого ранения в Афганистане и лечения Р. С. Аушев побывал у себя на родине (Архив автора)

Photo 3. Schoolboy: a field program about the meeting of Ruslan Aushev, the Hero of the Soviet Union, with the youth of Malgobek. After being seriously wounded in Afghanistan and being treated, Aushev visited his homeland. November 1986 (Author's archive)

Вести разножанровые передачи информационного, общественно-политического, художественного, детско-молодежного направления на русском, ингушском языках мне самой было очень интересно. Это были «Новости», тележурналы «Патриот», «Солдат моей державы», «Заманхо», «Дешархо», телевизионные фестивали «Пою мое Отечество», «Комсомольская юность моя», огоньки, телеочерки, а также передачи литературно-художественного и музыкального жанра. Работа с творческими индивидуальностями, с самостоятельными хорами коллектива-

подписью директора телевидения. Это была программа, которую я храню до сих пор. Волнение куда-то ушло. Меня посадили за дикторский стол и попросили смотреть в глазок камеры. Павильон мне был уже знаком, я здесь проходила конкурс. В течение каких-то секунд я успела пробежать глазами по тексту, и прозвучала команда: Внимание, мотор! Пошел обратный отсчет времени: 10, 9, 8... Ваха Баудинович скороговоркой сказал: «В текст не смотри, больше на камеру!» И я, будто полетела в космос, легко и свободно произнесла: «Добрый день, уважаемые телезрители! В эфире Грозненская студия телевидения. В дни школьных каникул мы продолжаем показ многосерийного художественного фильма «Адъютант его превосходительства». Смотрите заключительную серию картины». Глазок камеры потух, и я услышала: «Поздравляю с премьерой!».

Чуть позже мне стало известно, что все было подстроено: меня проверяли на мобильность, как буду реагировать в экстренных ситуациях. А дежурный диктор сидел на втором этаже рядом с программным режиссером и наблюдал за происходящим. Экзамен на профпригодность был успешно сдан. А представление меня коллективу состоялось неделю спустя, 1 апреля».

ми, мастерами сольного и ансамблевого исполнительства увлекала и нравилась, хотя загружали очень, и к каждой передаче надо было серьезно готовиться¹.

К концу 1980-х ингушскую редакцию возглавил потомственный журналист Рашид Мухтарович Мальсагов (сын Мухтара Мальсагова, начинавшего творческий путь в качестве критика и журналиста газеты «Сердало» еще в 1930-х гг.). Рашид быстро перешел от газетной публицистики на телевизионный лад. Спокойный, уравновешенный человек с солидным опытом работы в республиканской прессе, он владел всеми газетными жанрами, особенно удачно у него получались очерки и зарисовки. Они легко воспринимались и запоминались зрителям, слушателям. Как диктор я с удовольствием читала его работы, в них было много воздуха, что позволяло применять различные голосовые вариации. Звуковая окраска интонационно указывала на важные фрагменты текста. Предложения были короткие, содержательные, что и нужно для телепублицистики. Его телесюжетам и передачам были присущи органичность, правдивость фактов, чувство меры. Что отличало Рашида от других руководителей редакции – это неумение, он не был кабинетным работником, вместе с оператором выезжал на съемки и привозил интересный материал, нередко сам выходил в эфир. В 1992 г. после образования Ингушской Республики возглавил редакторский отдел на ГТРК «Ингушетия».

В 1990-х настала чередой молодой плеяды третьего поколения на республиканском ТВ – первые пробы развлекательного эфира, свободного от цензорского взгляда. Деятельная, полная творческих задумок и новых идей студентка филологического факультета Чечено-Ингушского университета Рита Хасановна Мальсагова стала одной из самых заметных звезд этой плеяды: первая на Грозненском телевидении стала снимать и монтировать музыкальные клипы, постановочные выездные концерты, прямые эфиры, огоньки, телемосты, охотно помогала коллегам из других редакций. Яркой вехой в истории развития регионального ТВ был задуманный с ее участием первый проект на национальном языке для детей дошкольного возраста «Фабль-фульг». Удостоенный республиканской премии, он был начат в 1985 г. и продержался на экране вплоть до распада ЧИАССР на две республики. Открывала передачу повторяющаяся в стихотворной форме народная присказка:

*Фабльг фабльг, фура фабльг!
1аха йи1иг, 1аха к1анк.
Хъанз аз шоана бувцаргба
Ц1аккха хаза боаца фабльг!*

Подстрочный перевод: «Сказка, сказка, сказочка! Садись девочка, садись мальчик! Вам сейчас я расскажу сказку, которую вы еще никогда не слышали». Целью передачи было через сказки, сказания, легенды, считалочки, потешки приобщать детей к традиционной культуре родного народа – заронить в душу интерес к устному народному творчеству и развивать родную речь как важнейший источник миропонимания. Проект имел колоссальный успех у телезрителей, был популярен и в соседних республиках (сигнал Грозненского ТВ частично распространялся на населенные пункты КБР и Северной Осетии). Дирекции вещания пришлось изменить время выхода в эфир с 18.30 на 19.30 по просьбе родителей, так как детсадовские дети не успевали попасть на момент начала передачи домой. Требовавшая брать планку выше и выше режиссура телевидения

¹ Дебют в роли ведущей тоже случился спонтанно: «В тот день я должна была читать только “Новости”. Однако попросили выручить в ситуации, когда под угрозой срыва оказалась поставленная в эфир передача “Литературные встречи” на ингушском языке: к указанному времени в студию не пришли приглашенные гости: поэт Гирихан Гагиев, писатели Ахмет Боков и Ахмед Ведзижев, а также их собеседница – студентка университета (член литературного клуба). Чтобы предотвратить срыв эфира, мне дали команду прочитать 15 страниц печатного текста. Редакторы тогда готовили подробный сценарий – целиком расписывали текст выступления каждого из участников. И это в критических случаях выручало. Такую заготовку – стихи, отрывки прозы и биографические сведения о литераторах – я и прочла, чтобы “добрать” эфирное время. За режиссерским пультом сидел Суламбек Мамилев, звукорежиссером был Хаджи-Умар Костоев».

на всю жизнь затянула Риту в свои сети. Позже, на ингушском ТВ в г. Назрани она возглавила режиссерский состав, затем была заместителем начальника информационного отдела, главным редактором, в 2004 г. ей присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия.

На снимке участников передачи «Заманхо» 11 декабря 1986 г. (фото 4) у всех комсомольские значки, все активисты, вожаки. Кто в нефтяной отрасли возглавлял комсомольскую бригаду,

кто в музее работал, кто в школе и так далее. Слева от меня сидит Зина Галаева – секретарь комитета комсомола плюс учитель литературы и языков, русского и ингушского. Она тогда преподавала в школе № 19 сельского поселения Сагопши. Затем ушла работать в муниципалитет, была заместителем главы администрации Малгобекского района.

Хочу отдельно рассказать о редакторе отдела пропаганды Башире Ахметовиче Чахкиеве – одном из первой десятки ингушей, получивших профессиональное журналистское образование в МГУ. Он пришел на телевидение в начале семидесятых по окончании факультета журналистики. Работал собкором Всесоюзного радио и телевидения, был уже кандидатом исторических наук. В начале 1973 г., когда ингушский народ, собравшись на центральной площади им. Ленина в Грозном, потребовал справедливого решения вопроса о Пригородном районе, Башир присутствовал на митинге по долгу службы, готовил для Москвы репортаж. После событий 16–17 января – вспоминал в личной беседе федеральный судья в отставке Б. М. Горданов – «состоялся 10-й Пленум Чечено-Ингушского обкома партии, на котором подверглись обструкции тогдашние лидеры национального движения. Башир Ахметович попросил слова и заявил, что ингушский народ и его лидеры не нарушили советские законы, они действовали именно в рамках закона: “Я, как ингуш, не могу промолчать. Требования моего народа абсолютно справедливы, и они должны быть удовлетворены”. Закончить Баширу Ахметовичу не дали, спустя некоторое время Чахкиева сняли с работы и лишили партбилета» [6]. Вместе с ним работу потеряли и многие представители ингушской интеллигенции: их увольняли с занимаемых должностей, исключали из партии, комсомола, отчисляли из вузов, за некоторыми началось уголовное преследование. Всего задержано было до тысячи человек. В числе уволенных была и первый диктор республиканского ТВ Лидия Измайловна Яндиева-Мейсигова. Через полгода Б. Чахкиев устроился на работу в редакцию пропаганды Грозненского телевидения редактором-корреспондентом и

Фото 4. 11 декабря 1986 г. участники передачи «Заманхо» («Современник») В центре – режиссер Рита Мальсагова (стоит), Тамара Мальсагова и комсомольский работник Зина Галаева, второй слева – основатель музея боевой и трудовой славы г. Малгобека Башир Асламбекович Чербижев (Архив автора)

Photo 4. Participants of the Zamankho (Contemporary) program. In the center: director Rita Malsagova (standing), Tamara Malsagova and municipal service worker Zina Galaeva; second from the left: Bashir Cherbizhev, founder of the Malgobek Museum of Military and Labor Glory. 11 December 1986 (Author's archive)

ведущим спортивных программ. Параллельно начал собирать собственный архив исторических сведений о выдающихся личностях Кавказа, который использовал в своей работе как основу для передач (с 1994 г. в Республике Ингушетия Б. Чахкиев принял на себя обязанности руководителя Ингушского госархива, созданного по его инициативе).

Включая в передачи и телеочерки поднятые «из подвалов» архивные документы, привлекая ранее «закрытые» исторические факты, записи и труды исследователей, ингушские журналисты дозированно, объективно пользовались ими при подготовке своих программ. Работа осуществлялась в тесном сотрудничестве с научной и творческой интеллигенцией республики, музейными, библиотечными специалистами, представителями общественных кругов. Если акцентировать внимание на вкладе ингушской интеллигенции в развитие печати, телевидения и радио ЧИАССР, рассказ о массиве материалов и весомости творческого следа займет немало места, охватит десятки тысяч метров магнитной киноплёнки и пространства газетных полос.

В целом следует отметить, что самая первая плеяда сотрудников телевидения формировалась из известных в республике представителей творческой интеллигенции. Дипломированные специалисты, поэты, писатели, артисты театров и кино, они в большинстве своем получили образование в Москве, Ленинграде, Ростове, Воронеже, Краснодаре. Из них назову двух. Это Суламбек Саадулович Котиев – актер театра и кино, телевизионный режиссер, сценарист и Суламбек Ахметович Мамилов – кинорежиссер, сценарист, актер Грозненского драмтеатра им. Х. Нурадилова, сыгравший Казбича в фильме по роману «Герой нашего времени», заслуженный деятель искусств ЧИАССР, народный артист РИ. Им снято более 10 полнометражных художественных и документальных фильмов («Дамское танго», «День гнева», «Убийство на Ждановской», «Ночевала тучка золотая», исторические ленты «Мелодии гор», «Забытые герои Бреста», документальный детектив «Покушение. Дело 2004 года» и др.), а также ряд телепостановок.

В 1970–1980-е гг. телевидение для жителей республики имело огромное значение: люди носили с собой программу передач с пометками, что смотреть на вечер. С восторгом принимали появление на голубом экране первых собственных/ингушских постановочных телеспектаклей, в которых играли любимые актеры. Например, «Обжегся на калыме» по пьесе ингушского писателя Ахмеда Веджижева, изобличавшей пережитки прошлого. В спектакле гениально сыграли наши земляки: советский и российский актер, народный артист ЧИАССР ингуш Магомед Цицкиев (роль Хамурзы), диктор, заслуженная артистка Чечено-Ингушетии Лидия Яндиева (роль Зано), лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный артист РСФСР Магомед Хаджиев (роль Аббаса). Не менее яркими были спектакль «Бож-Али» по пьесе чеченского драматурга Абдул-Хамида Хамидова (режиссер-постановщик Петр Харлип, в главных ролях народный артист РСФСР, лауреат государственных премий, актер чеченского театра, любимец публики Муталиб Давлетмирзаев и народная артистка ЧИАССР Зулейхан Багалова), телеспектакль «В те дни и всегда» ингушского телережиссера, сценариста, документалиста Ратмира Льянова, снятый в соавторстве с ассистентом режиссера Ритой Мальсаговой. Великолепно сыграли роли партизана и немецкого офицера артисты театра и кино Руслан Наурбиев и Ибрагим Беков – талантливые и колоритные, запомнившиеся. Эта работа была приурочена к очередной годовщине Дня Победы.

Телевидение, как и кино, одновременно разворачивая действие на нескольких постановочных площадках, воспроизводило на экране картинку как наяву. Чечено-ингушский телезритель откликнулся на телеспектакли потоками писем с просьбой о повторном показе. Первые телепостановки стали демонстрироваться на экране в 1975 г., и это тоже была новая веха в истории регионального телепрогресса.

Нельзя забывать об огромном вкладе в телепроизводство, который вносят участники съемок, остающиеся «за кадром», чьи имена мелькают в конечных титрах. Удивительным мастером своего дела был звукорежиссер высшей категории Хаджи-Умар Костоев. Людей со столь богатым опытом работы в системе телерадиовещания в те годы было мало. Наставники и первые учителя специалистов телевидения, они зажигали творческое вдохновение, давали ученикам путевку в жизнь. Романтик, потрясающе одаренная личность, Хаджи-Умар Орснакиевич Костоев любил книги, играл на духовых инструментах, тонко понимал оркестровую музыку, скрипку,

фортепиано. Трудовую деятельность он начал в должности осветителя Казахского драмтеатра, находясь в ссылке. Затем работал в оперном театре Омска, а по возвращении на родину – в драмтеатре им. Х. Нурадилова (г. Грозный). Обладая абсолютным музыкальным слухом, вмиг определял, кому из оркестрантов принадлежит фальшивая нота. И выражал себя в творчестве через звук.

Ответственный за звуковое и музыкальное оформление телепередач, он записывал голоса артистов, дикторов (обычный набор задач звукорежиссера), но значительно превышал рамки своих обязанностей: проводил реставрацию архивных фонограмм, создал свой личный фонд национальных мелодий – уникальные старинные образцы.

В 1976 г. Хаджи-Умар в соавторстве с лауреатом премии Ленинского комсомола режиссером Ратмиром Льяновым снял свой первый документальный фильм «И к тебе придет счастье» о чабанских буднях. Вторая его работа – кинолента «Кто шагает левой», посвященная перестроечным процессам в стране, – была удостоена награды на фестивале документального кино в Перми. Выбор такого специалиста-звукорежиссера для работы в период Олимпийских игр – 80 был своего рода знаком качества, признанием самого высокого творческого потенциала (фото 5).

Как ветераны журналистики, так и молодые специалисты – каждая творческая личность на ТВ, невзирая на национальность, стремилась оставить след в научно-познавательном, образовательном, историческом пространстве, расширяя массив хроникально-документальных работ об историческом прошлом и настоящем народа республики: о передовиках производства, героях пятилеток, судьбах интеллигенции, биографиях общественно-политических деятелей. Список

Фото 5. 22 августа 1980 г. После эфира «Телевизионной гостиной» актер Михаил Боярский в кругу сотрудников Грозненского ТВ. В первом ряду вторая справа Тамара Мальсагова. Во втором ряду справа участник прямых трансляций Олимпиады-80 звукорежиссер Хаджи-Умар Костоев (Архив автора)

Photo 5. After the broadcast of the TV Lounge program, actor Mikhail Boyarsky in the circle of employees of Grozny TV. Tamara Malsagova is second from the right in the first row. In the second row on the right is sound engineer Khadzhi-Umar Kostoev, a participant in the live broadcasts of the 1980 Olympics. 22 August 1980. (Author's archive)

сделанного для региональной компании становился все более внушительным, хотя поступавшее из Москвы финансирование на документальную кинохронику оставляло желать лучшего. Экономии на повседневных расходах (еда, гостиницы, такси), но выдавали продукцию «на отлично». Документальные фильмы Чечено-Ингушского телевидения, снятые Суламбеком Мамилковым, чеченским кинорежиссером Ильясом Татаевым, Борисом Насимовым, заслуженным деятелем искусств Чечено-Ингушетии Ратмиром Льяновым, Джабраилом Дарсиговым совместно с Северо-Кавказской студией телевидения и по сценариям грозненских тележур-

налистов, занимали первые места, получали дипломы и премии на региональных, всесоюзных и зарубежных кинофестивалях (гран-при «Золотой дракон» на польском международном фестивале документального кино в г. Кракове за фильм «Салам-алейкум, ингуши!», 1993 г.), достойно представляли Северный Кавказ на международной арене, вошли в золотой фонд программ Гостелерадиофонда России. За два десятилетия снято более 80 документальных, видовых и художественно-музыкальных работ.

Здесь очень важно подчеркнуть преемственность творческого опыта, традиций регионального телевидения, сыгравших ключевую роль в подготовке и профессиональном росте молодых специалистов. К числу первых кинооператоров телевидения ЧИАССР относились: Николай Куан, Юрий Чекашкин, Осман и Руслан Мальсаговы, Юрий Тимофеев, Клара Титова (первая в республике женщина-кинооператор). Они были наставниками для тех, кто пришел позже (Владимир Бельфер, Джабраил Дарсигов, Умар Магомадов, Абдулла Багаев, Таня Григоренко, Александр Быков, Александр Мулкинджаниянц и др.). Каждому из названных присущ индивидуальный стиль работы с кадром. Телезритель воспринимает происходящее на экране глазами оператора – и не дай Бог упустить важный план, особенно при съемке общественно-политических, значимых массовых мероприятий! – впечатление от увиденного материала во многом формируется за счет профессиональной работы кино- и телеоператора. Заведовал кино-телеоператорским цехом и транспортной службой ветеран войны и труда Владимир Митрофанович Захаров, которого по-родственному величали «батей». Отзывчивый и уважаемый всеми человек, он руководил коллективом как отец большого семейства. Когда мы спускались в цех к операторам, центром обсуждения была только профессиональная тематика: что сняли, какие впечатления; как раскрыли образ или тему; что не удалось сделать, какой план упустили; как поступить в следующий раз.

Формированием и выдачей передач в телевизионный эфир занималась Главная дирекция программ. «Это сердце компании, Генеральный штаб», – говорили коллеги. На Дирекцию были возложены все функции по организации и осуществлению контроля за ходом подготовки передач отраслевых редакций (вплоть до выпуска в эфир), включая художественно-документальную кинопродукцию и оформление программ. Единая система планирования имела три составляющих: перспективный календарно-текущий план; ежемесячный план; недельная программа.

До 1985 г. Дирекция называлась Отделом выпуска и программ. Здесь, как на металлургическом заводе, ковалось все: круглосуточно не отключался телетайп, допоздна работали сотрудники, вносились изменения по вещательной сетке, планировалась творческая и техническая работа на день, неделю, месяц, квартал, год. Верстались недельные и ежедневные программы передач; оформлялись выезды бригад в районы на съемки; составлялся график трактовых репетиций для творческого и технического персонала; решались проблемы транспорта, соблюдения сетки вещания и эфирного режима, распределялось время по редакциям, составлялись отчеты и справки в Москву, в областной комитет партии и проч. В отделе работало 13 человек, от которых зависел рабочий день сотрудников телевидения и телецентра, даже ретрансляционной службы. Структура службы выглядела следующим образом: начальник-заведующий отделом, главный выпускающий, три программных режиссера: Зоя Увайсовна Шахбулатова – супруга известного чеченского композитора Аднана Шахбулатова, чьим именем сейчас названа государственная филармония в Грозном; Татьяна Сметанина и Татьяна Омеляненко – милые, грамотные девушки с широким кругозором, знающие хорошо русскую классику и современную театральную режиссуру. Два ассистента-режиссера – сестры-близняшки Татьяна и Наталья Бакаловы – помогали в вечернем эфире давать без погрешностей сверстанную телепрограмму. Валентина Дмитриевна Ивахненко – грамотная машинистка (машинописный труд в то время был востребован в СМИ), чуткая и внимательная, доброжелательный судья, критик от Бога, могла указать редактору, как перестроить или изменить фразу. Самыми нужными «людьми под рукой» в каждую минуту были Светлана Андреевна Отинова и заведующая фильмотекой Людмила Семеновна Клевцова, обе крайне обязательные и ответственные, умеющие хранить государственную тайну, всегда собранные, спокойные, добропорядочные, искренние друзья и коллеги. Людмила Семеновна обладала феноменальной памятью хранителя фонда, содержащего сотни тысяч метров кино-видео-

о-пленки. В ее «арсенале» находилось огромное собрание художественных и документальных, научно-популярных, детских фильмов, киносюжетов, записей передач на больших бобинах. Разбуди ночью – могла назвать четырехзначные номера электромагнитных видеокассет, их хронометраж и титры, сведения об авторе передачи. Ежедневно сотрудники Дирекции отправляли с рассылным готовые материалы к цензору ЛИТО (политико-идеологический контроль). После одобрения и поправок ЛИТО материал распределялся по редакциям.

Каждую среду, в строго обозначенное время, выходила программа передач местного и Центрального телевидения, которую отдел выпуска и программ получал через телетайп. Светлана Отинова принимала по телетайпу и внимательно вычитывала этот текст, если замечала технические ошибки, сразу же созванивалась с Москвой. Затем начальник отдела и выпускающая вместе с ней включали в отобранный временной отрезок (с 17.00 до 20.00) местную программу, которая печаталась в республиканских и районных газетах.

Местная программа составлялась на основе редакторских заявок. При поступлении каждой из заявок уточнялась содержательная и техническая часть контента: дата выхода в эфир, хронометраж, имя автора, имя режиссера, количество участников, в каком режиме планируется передача (в записи или вживую). И, согласно сетке вещания, передачу вставляли в определенный временной блок. Срывы или беспричинные переносы не допускались, соблюдение дня и времени выхода в эфир строго контролировались отделом выпуска.

К Главной Дирекции относилась и дикторская служба, состоявшая из четырех человек.

Первым руководителем отдела выпуска был Борис Овсянников – добросовестный, не скандальный, позитивный, с юмором, грамотно владеющий русским языком. После него была назначена бывший редактор отдела писем Зоя Михайловна Игнатова-Ашихмина. Энергичная, элегантная, всегда при ярком маникюре, жизнерадостная, мастер на все руки и самый нужный представитель для исполнения производственных поручений, она возглавляла комитетский местком. В течение рабочего дня умудрялась улететь в Москву и в тот же день вернуться. Однажды, помнится, мы не могли дозвониться в головное Управление до одного очень важного чиновника, распределяющего время вещания на год. Декабрь 1987-го, настроение предновогоднее, но без решения этой важной проблемы идти в Новый год никак нельзя. Зоя Михайловна звонит в аэропорт, заказывает билеты в Москву и обратно. К вечеру она уже вернулась, так как утром необходимо было сетку вещания на предстоящий год положить на стол руководству для утверждения: сроки поджимали. Мы, сотрудники, ее ждали, так было условлено. Без четверти шесть в кабинет вошла довольная Зоя Михайловна в пальто нараспашку и без норкового воротника. «А воротник в салоне самолета забыли?» – «Нет, воротник сделал свое дело. Я подарила его на Новый год одной важной даме!»

В 1987 г. на базе отдела была создана Главная программная Дирекция вещания, руководителем структуры назначили Тамару Мальсагову (автора этих строк). До назначения на эту должность она работала главным выпускающим, начальником и заведующей Отдела выпуска и программ, с правом ведения телевизионных передач на русском и ингушском языках.

Для удобства аудитории 31 мая 1991 г. под патронажем Главной Дирекции вещания стала выходить газета «Ориентир», печатавшая недельную программу трех телеканалов (местного и двух российских). У телезрителя появилось право выбора просматриваемых передач.

Весной того же года на телевидение стал захаживать Мовлади Удугов, тот самый чеченский «Геббельс», выигравший информационную войну в первую чеченскую военную кампанию. Часто навещался к девушкам в машбюро, засиживался в редакциях, иногда приходил со своим другом – ингушом Х. Орцхановым. Не раз их видели и в Дирекции вещания. В разговорах они намекали, что хотят работать на телевидении. Поскольку к этим намекам отнеслись без внимания, М. Удугов пошел выше. И в один из дней мне позвонил руководитель Гостелерадио ЧИАССР Юрий Витальевич Мареченков – попросил определить М. Удугова «хоть куда». В тот период как раз готовился проект выпуска четырехполосной газеты-вестника «Ориентир», в которой размещались аннотации, короткие статьи с фотосопровождением о наиболее важных общественно-политических, социальных, культурных телепередачах на предстоящую неделю. Предпола-

галось также размещать биографические публикации о дикторах, ведущих программ, актерах; каждый выпуск этой рекламной газеты сопровождался информационными подводками (аннотациями) об участниках и гостях эфира. Мы набирали редакционный состав, и М. Удугов прошел «под горячую руку». Несмотря на то, что он был экономист по образованию, тексты писать умел и неплохо справлялся с ролью ведущего в молодежной программе русского вещания, куда пригласил его для сотрудничества старший редактор молодежной редакции Василий Литвиненко. У меня Мовлади проработал около двух лет.

Известно, что на телевидении «Новости» являются лицом компании, рейтинг этой программы всегда высок; у республиканских новостей самая большая аудитория, они востребованы телезрителем. Более двух десятков лет руководила новостной редакцией Лилихан Умаровна Аушева, оперативная, грамотная, целеустремленная женщина, секретарь парткома телерадиокомпании. Вместе с ней новостные эфиры оперативно готовили редактор-корреспондент, член Союза журналистов СССР Жансурат Аушева (на ингушском и русском языках); на чеченском языке – Аднан Хатуев; на русском – Нина Амбарцумова, Виталий Вардиев, Виталий Елфимов и режиссерская группа: Петр Мусаев, Сацита Асуева, Башир Газгиреев. Таким образом, «Новости» выходили на трех языках пять дней в неделю.

С началом горбачевской перестройки цензура уже не так сильно давила на слово. Газетчикам, телевизионщикам и радищикам стало легче работать. Появились новые понятия и выражения: плюрализм, перестройка, гласность, многопартийная система. Газеты размахисто давали материалы под новыми рубриками, у телевидения поменялась сетка вещания, стартовали цикловые телепроекты «Прожектор перестройки», «Курсом ускорения», «Ускорение. Темпы. Перестройка», «Социалистические обязательства: как они выполняются?», «Партия – наш рулевой», «Родина у всех одна», «Забота о детях – забота о нашем будущем». Создавались новые общественные организации («Вайнахская демократическая партия», ингушский «Народный Совет», чеченский «Народный фронт», «движение зеленых»), а вместе с ними рождались и новые экранные герои, новые мысли, новые программы и идеи... Перестраиваться пришлось и корреспондентам, и дикторам: ведущие программ могли, отступая от редакторских текстов, говорить своими словами, резюмировать суть выступления, более свободно вести беседу, включать элементы живой дискуссии и интервью. Возникли новые газеты, региональные журналистские объединения, информационные агентства «ЧечИнпресс», «Импульс», повсеместно открывались «Школы пропагандистского мастерства» – от 100 до 200 нештатных собкоров давали материалы о своем районе, населенном пункте. Воздух свободы, демократизация, гласность раздвинули культурные границы СССР, открыли шлюзы на Запад. Кругозор стал шире, условия творчества свободнее, содержание материалов глубже и искреннее, без умолчаний и фальши; стали приглашать в студию священнослужителей (муфтий Шахид-хаджи Газабаев и др.), о чем вспоминал ветеран тележурналистики Хамзат Тухашев, начавший в этот период на Чечено-Ингушском телевидении часовой проект в прямом эфире «Ваше мнение».

Однако при отмене цензурных тисков создалась ситуация, о которой доктор исторических наук Джабраил Гакаев пишет: «Первые два года горбачевской перестройки не оказали сколько-нибудь существенного влияния на общественно-политическую жизнь Чечено-Ингушетии. Единственным местом для дискуссии, обкатки новых идей, пока оставались партсобрания, где демократически настроенная часть коммунистов робко выступала в поддержку реформ» [2, с. 150]. Региональная власть смотрела на перестроечный процесс с большой осторожностью, республиканским печатным СМИ, телевидению и радио было крайне затруднительно получить комментарии руководителей административных органов относительно того, что происходит в аппарате Правительства. На авансцену бурно вторгались совсем иные «политические идеологии». Зато при освещении тем культуры и науки открылась возможность использовать материалы спецхранилищ, запрещенные ранее книги, фото- и видеоматериалы, раритеты творческого наследия, данные статистики, экономики, юриспруденции. В том числе и сведения о репрессированных и переселенцах. Выходили статьи по истории и культурному наследию чеченцев, ингушей, вайнахов. На телеэкране появились передачи «Культура – душа народа», «Наша исто-

рия – наше богатство», «Импульс». Консолидировались усилия по возрождению национального достояния («Так это было», «В дружбе наша сила», «Память родной земли», «Мы помним»).

Уделялось внимание и национальной музыкальной традиции коренных народов. Редакция художественных программ телевидения (русского вещания) занималась восстановлением песенного искусства терских и сунженских казаков. Оркестр народных инструментов, созданный при Комитете по телевидению и радиовещанию под руководством известного на Кавказе композитора Александра Хalebского еще в 1957–1958 гг., способствовал возрождению народных чечено-ингушских песен. За долгие годы работы в Комитете талантливый музыкант и отличный организатор А. Хalebский оставил о себе добрую память. За ним эстафету приняли Аднан Шахбулатов (друг Иосифа Кобзона со студенческих лет), Юрий Долгов, Зайнди Чергизбиев, Али Димаев. Их музыкальные композиции в исполнении первых солистов Салмана Дацагова, Ахмета Цицкиева, Жансари Шамилевой, Мовлада Буркаева, Ахмета Хамхоева, Бембулата Тимурзиева звучали по радио и телевидению, воспитывая новые поколения любителей родной песни. По окончании московского училища им. Гнесиных, воронежской, саратовской государственных консерваторий в коллектив пришли Лейла Мусаева, Имран Усманов, Осман Имагожев, виртуоз игры на национальной гармошке Рамзан Паскаев, неразлучный со своим «говорящим» инструментом. Подчеркивая красоту и современный уровень исполнительского искусства музыкантов региона, творчество композиторов, солистов и исполнителей народной инструментальной музыки с поставленными голосами обогащало палитру многонационального искусства Чечено-Ингушетии. Оркестр гастролировал в трудовых коллективах и учебных заведениях, выступал в прямой радио- и телетрансляции, выезжал в соседние республики. Его роль в сохранении духовного и художественного наследия народов страны обретает особую актуальность в свете проблем социокультурной ориентации, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Регион активно посещали высокие гости из Кремля и советского правительства, руководители центральных общественных организаций и ВЦСПС, иностранные делегации (молодежь Лаоса, Вьетнама, Йемена) (фото 6), известные артисты, писатели, поэты, драматурги, популярные музыкальные коллективы, мэтры советской эстрады. Память подсказывает яркие имена: Давид Кугультинов, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Хамзат и Ахмат Кубановы, Танзиля Зумакулова, Алим Кешоков, Азамат Суюнчев, Азрет Акбаев, Олжас Сулейменов, Игорь Ляпин. Концерты приезжих знаменитостей проходили на стадионе, во дворце культуры им. Ленина. В летнее время город нефтяников Грозный становился центром интернациональной культуры благодаря артистам московских театров, звездам кинематографа, оперетты и эстрады (Татьяна Шмыга, Анатолий Папанов, Роман Карцев, Людмила Чурсина, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Махмуд Эсамбаев, Владимир Высоцкий, Алла Пугачева, София Ротару, Азиза, Валерий Леонтьев, Валентина Толкунова, Михаил Боярский, Людмила Сенчина, Волынский хор, «Песняры», «Ялла»). Юрий Антонов после гастролей на два года остался работать в Грозном в местной государственной филармонии.

На концертах и встречах с участием лучших представителей творческого сообщества центральных городов и союзных республик нашей страны шел не только познавательный процесс. Реально ощущалось взаимодействие культур как способ узнать и принять разнообразную палитру певческого искусства других народов, а традиционность и мастерство исполнителей выступали залогом сохранения общенародного единства. Их присутствие на радио, в передачах «Телевизионная гостиная» поднимало статус гостеприимной республики, вдохновляло население еще лучше работать, учиться, общаться: гастролы популярных артистов воспринимались на местах как подарок от власти жителям трудовой Чечено-Ингушетии (фото 7).

Журналист Амир Гхала 21 ноября 2015 г. поместил на странице ЖЖ заметку, которую можно назвать одной из легенд о тех временах, эхом народной памяти: «Ингушский редактор Башир Чахкиев трижды ездил в Баку и трижды делал передачи о Муслиме Магомаеве. И под конец уговорил Муслима Магомаева переехать на родину своего деда Муслима Магомаева, чеченского композитора. Где-то, по-моему, около полугода, Муслим проработал у нас солистом радио и преподавал в одной из лучших музыкальных школ Северного Кавказа. Но бывший

Фото 6. Лето 1979 г. Встреча с молодежью из Йемена и Лаоса. Во втором ряду первый справа – секретарь чечено-ингушского Обкома комсомола Мухарбек Ахматов, третий слева – первый секретарь Обкома комсомола Герсолт Эльмурзаев. В первом ряду вторая слева – Тамара Мальсагова (Архив автора)

Photo 6. Meeting with the youth from Yemen and Laos. In the second row, first from the right is Mukharbek Akhmatov, secretary of the Chechen-Ingush Regional Committee of the Komsomol; third from the left is Gersolt Elmurzaev, first secretary of the Regional Committee of the Komsomol. In the first row, second from the left is Tamara Malsagova. Summer 1979 (Author's archive)

тогда министром культуры Вахаев¹ не смог обеспечить его квартирой, и Муслим Магомаев уехал в Баку...» [3].

В рамках музыкального фестиваля-конкурса «Пластинка дружбы» грозненское телевидение передавало песенную эстафету городам Северного Кавказа: Махачкале, Орджоникидзе, Нальчику, Черкесску. Членами жюри фестиваля были известные композиторы и старшие редактора художественных программ регионального ТВ. Когда победителем стала студентка 4-го курса Грозненского нефтяного института Надежда Таинкина, телезрители приняли это как большой успех и радость, месяц не кончался поток писем с поздравлениями. Иначе и не могло быть. Телевидение формировало вкус, эстетические меры, давало знания по искусству, сближало и развивало региональные культуры, знакомило с лучшими произведениями многонациональной литературы, поэзии, монументальной живописи, архитектуры, открывало сокровищницу фольклорного наследия народов. Глубинная общность гуманистических и эстетических устремлений формировала единую опору самых разных аспектов социально-идеологической работы с телезрителями. Положительная реакция, высокая оценка населения вдох-

¹ Вахаев Хож Магомед Хумайдович – известное лицо фирмы «Чеченвнешторг», был заместителем председателя Культурного центра московской чеченской общины. Весной 1990-го стал депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушетии (разогнанного Джохаром Дудаевым в августе 1991), в 2000-м был назначен начальником отдела труда и социального развития временной администрации ЧР, затем министром труда и социального развития ЧР и спустя три года как заместитель председателя правительства Чечни курировал блок социальных вопросов.

Фото 7. 1985 г. В гостях у работников телевидения и радио Чечено-Ингушетии мэтры советского кино (А. Папанов, Л. Чурсина, В. Этуш, Р. Карцев и др.). На заднем плане четвертый справа директор радио Мустафа Аушев (В. Этуш разговаривает с ним). В первом ряду, вместе с Р. Карцевым, сидят редакторы чечено-ингушского радио. Во втором ряду справа шестая – Т. Мальсагова, пятая – зав. фильмофондом Л. Клевцова

Photo 7. Masters of Soviet cinema (Anatoli Papanov, Lyudmila Chursina, Vladimir Etush, Roman Kartsev, and others) are visiting Chechen-Ingush television and radio workers. In the back, fourth from the right, is radio director Mustafa Aushev (Etush is talking to him). The editors of the Chechen-Ingush radio are sitting in the front row, together with Kartsev. In the second row, Tamara Malsagova is sixth from the right, Lyudmila Klevtsova, head of the Film Fund, is fifth from the right. 1985

новляла сотрудников средств массовой информации республики на новые смелые проекты, в том числе и межстудийные, как эффективный инструмент интернационального воспитания трудящихся.

Однако влияние перестройки было противоречивым. Свобода слова набирала темпы. Что знаменовал в плане политики попутно начавшийся пересмотр истории СССР, показывают публикации специалистов: «В Чечено-Ингушетии уже во второй половине 80-х... первыми на Северном Кавказе возникли неформальные политические организации, проходили свободные митинги и демонстрации, стали выходить независимые газеты. Росло национальное самосознание, формировалась вайнахская национальная идеология, появились первые концепции создания государственности чеченцев и ингушей» [2, с. 153]. Работники СМИ понимали, что во власти не все спокойно, что имеются препятствия продвижению реформ, сказываются накопившиеся ошибки и проблемы, территориальные споры и связанные с ними противоречия, которыми воспользовались нечестные на руку идеологи. С момента, как Верховный Совет ЧИ-АССР принял 27 ноября 1990 г. декларацию о суверенитете, скоротечные изменения статуса

республики накаляли общественно-политическую обстановку. Это «сыграло на руку радикальной оппозиции и активизировало ее деятельность в Грозном. Исполком ОКЧН во главе с генералом Дудаевым взял курс на захват власти» [2, с. 157]. На 2-й сессии Съезда чеченского народа 8–9 июня 1991 г. Дудаев и его сторонники призвали свергнуть ВС ЧИР как утративший права законной власти. При наведении «конституционного порядка» телерадиовещание в республике стало одноязычным чеченским. С 31 декабря 1994 г. развернулись широкомасштабные военные действия, в результате которых были разрушены почти все объекты культурного назначения: театры, библиотеки, концертные студии. Дважды горело телевидение, пришло в негодность не только оборудование – был уничтожен архив телевидения и Дома радио.

Ингушская и русскоязычная часть населения сохранила приверженность идеям мирного, преемственного развития. С 30 ноября по 1 декабря 1991 г. в трех районах Ингушетии прошел референдум о создании Ингушской Республики в составе РСФСР, в котором приняли участие около 70 % населения – и 90 % участников референдума высказались за образование своего отдельного федеративного субъекта. Верховный Совет РФ принял 4 июня 1992 г. закон об образовании Ингушской Республики. Вопрос был вынесен на утверждение высшего органа власти – Съезда народных депутатов, который 10 декабря 1992 г. одобрил образование нового субъекта федерации и внес соответствующую поправку в Конституцию страны. Поправка официально разделила Чечено-Ингушскую Республику на две самостоятельные единицы: Ингушскую Республику и Чеченскую Республику.

В настоящее время в Чеченской Республике вещают две государственные телерадиокомпании: филиал ВГТРК ГТРК «Вайнах» и ЧГТРК «Грозный» (вторая работает в спутниковом режиме) и государственное автономное учреждение ТРК «Путь» имени Ахмата-хаджи Кадырова, а также четыре радиоканала от этих компаний – Радио «ДайМохк», Радио «Путь», Радио «Грозный», Радио России.

Tamara Kh. MALSAGOVA

Advisor to the Head of the Republic of Ingushetia,
Magas, Russian Federation,
sov.malsagovatamara@gmail.com

People, Destinies, Connection of Generations:

To the Thirtieth Anniversary of the Television of the Republic of Ingushetia

Abstract. The memoir essay reflects the prehistory and the early years of the formation of the state republican television broadcasting of Ingushetia. The author, an active participant and witness of the events, spent 37 years working on television. At the age of 18, she came to work as an announcer on Grozny Television (1974) and in the process of career growth she rose to the position of chief director of the broadcasting program directorate (1987–1993). In subsequent years (1993–1995; 2009–2011) she served as chair (director) of the Ingushetia State Television and Radio Broadcasting Company. In the published first part of the memoir text the author characterizes the position, professional qualities, and creative contribution of representatives of the Ingush intelligentsia that made a personal impact on the formation of the cultural image of the state television and radio of the Chechen-Ingush ASSR in the 1970s–1980s. Combining elements of biographical, cultural-historical and ideological-aesthetic analysis, the author of the essay reconstructs a number of wonderful creative portraits and shows a fruitful connection between generations. In the lens of attention is a topic that is practically not disclosed in modern books on the history of the Chechen-Ingush radio and television (including A. Kusaev's textbook Chechen Radio and Television: Stages of Formation and Development (1928–2003), published in 2013 for students of the Faculty of Journalism of Grozny University). This prompted the author of the memoirs to tell in detail about the activities of the Ingush editorial office – a structural unit that functioned on the television of the Checheno-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic in

the 1960s–1980s along with editorial offices and broadcasting departments in Chechen and Russian. In total, about 40 remarkable specialists worked in the Ingush editorial office. Many of them later, since 1992, participated in the creation of the Ingushetia State Television and Radio Broadcasting Company. The facts that influenced the transition period and the first steps in the formation of television in the Republic of Ingushetia are reflected and explained. The influence of turbulent sociopolitical processes on military journalism (the role of a TV journalist in preparing reports from the zone of armed conflicts) is shown. The history of television in the Republic of Ingushetia will be told in the second part of the memoir essay, which will be published in the next issue of the *Heritage of Centuries* journal.

Keywords: Media of North Caucasus, creative intelligentsia of 1970s–1980s, regional television and radio companies, television of Checheno-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic, television of Republic of Ingushetia.

Использованная литература:

1. Арсанукаев А. Слово об авторе // Кусаев А. Чеченское радио и телевидение: Этапы становления и развития (1928–2008 гг.). Грозный: Чеченский гос. ун-т; Элиста: Джангар, 2013. С. 3–6.
2. Гакаев Д. Путь к чеченской революции // Чечня и Россия: Общества и государства. М.: Музей общественного центра им. Андрея Сахарова, 1999. С. 150–176.
3. Гхала А. Немного истории ингушского телевидения [Электронный ресурс] // Livejournal. 21 нояб. 2015 г. URL: <https://ghalgha.livejournal.com/519694.html> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Кусаев А. История чеченского радио: Становление [Электронный ресурс] // Нохчалла: URL: <https://nohchalla.com/history/1729-chechenskoe-radio-stanovlenie> (дата обращения: 10.08.2022).
5. Кусаев А. Чеченское радио и телевидение: Этапы становления и развития (1928–2003 гг.). Грозный: Чеченский гос. ун-т; Элиста: Джангар, 2013.
6. Мальсагова Т. С. Интервью с Б. М. Гордановым [Видеозапись] // Личный архив автора.

References:

1. Arsanukaev, A. (2013) Slovo ob avtore [About the Author]. In: Kusaev, A. *Chechenskoe radio i televidenie: Etapy stanovleniya i razvitiya (1928–2003 gg.)* [Chechen Radio and Television: Stages of Formation and Development (1928–2003)]. Groznyy: Chechen State University; Elista: Dzhangar. pp. 3–6.
2. Gakaev, D. (1999) Put' k chechenskoy revolyutsii [The Way to the Chechen Revolution]. In: Furman, D.E. (ed.) *Chechnya i Rossiya: Obshchestva i gosudarstva* [Chechnya and Russia: Society and the State]. Moscow: Muzei obshchestvennogo tsentra im. Andrey a Sakharova. pp. 150–176.
3. Gkhala, A. (2015) *Nemnogo istorii ingushskogo televideniya* [A Little on the History of Ingush Television]. Livejournal. 21 November 2015. [Online] Available from: <https://ghalgha.livejournal.com/519694.html> (Accessed: 10.09.2022).
4. Kusaev, A. (2013) *Istoriya chechenskogo radio: Stanovlenie* [A History of the Chechen Radio: Formation]. [Online] Available from: <https://nohchalla.com/history/1729-chechenskoe-radio-stanovlenie> (Accessed: 10.08.2022).
5. Kusaev, A. (2013) *Chechenskoe radio i televidenie: Etapy stanovleniya i razvitiya (1928–2003 gg.)* [Chechen Radio and Television: Stages of Formation and Development (1928–2003)]. Groznyy: Chechen State University; Elista: Dzhangar.
6. Author's Archive. Mal'sagova, T. S. (n.d.) *Interv'yu s B. M. Gordanovym* [Interview With B. M. Gordanov]. A Video Recording.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мальсагова, Т. Х. Люди, судьбы, связь поколений: к тридцатилетию телевидения Республики Ингушетия / под науч. ред. Е. Ю. Третьяковой / Т. Х. Мальсагова, Е. Ю. Третьякова (ред.) // *Наследие веков*. – 2022. – № 3. – С. 115–135. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.008

Full bibliographic reference to the article:

Malsagova, T.Kh. (2022) People, Destinies, Connection of Generations: To the Thirtieth Anniversary of the Television of the Republic of Ingushetia. Ed. by E.Yu. Tretyakova. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 115–135. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.008

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ

ИКОННИКОВА Елена Александровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Сахалинского государственного университета,
Южно-Сахалинск, Российская Федерация

Elena A. IKONNIKOVA

Dr. Sci. (Theory of Literature, Textology), Prof.,
Sakhalin State University,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation,
e.ikonnikova@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2492-8471

УДК: 821.161.1:82-25"188"

ГРНТИ: 17.09.91

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.009

Любовь к трем экземплярам: о малоизвестном и загадочном произведении А. П. Чехова

Рецензия на книгу:

Спачиль О. В. Судьба пьесы: «Татьяна Репина»
А. П. Чехова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022.
192 с. ISBN 978-8209-2106-3

Love for Three Copies: On a Little-Known and Mysterious Play by Anton Chekhov

Book Review:

Spachil, O.V. (2022) *The Fate of a Play: "Tatyatna Repina" by A.P. Chekhov*. Krasnodar: Kuban State University. 192 p. ISBN 978-8209-2106-3

Рецензируемая монография посвящена пьесе А. П. Чехова «Татьяна Репина». Кратко характеризуется история создания и содержание пьесы, сюжет которой связан с трагической судьбой русской актрисы Евлалии Павловны Кадминой. Отмечено, что один из разделов рецензируемой монографии отражает личную и творческую биографию Е. П. Кадминой, основанную на воспоминаниях современников о ней. С привлечением новых архивных материалов в книге подробно представлена история самоубийства актрисы, положенная в основу сюжета пьесы.

Рассматриваемая книга определяется как научная монография, разворачивающая перед читателями исторический и литературный контекст, в котором было создано драматическое произведение. Анализируется текст А. С. Суворина, ставший протопьесой чеховской одноактной драмы и размещенный в рецензируемом издании в качестве приложения. Предполагается, что новое исследование о чеховском творчестве будет способствовать росту читательского интереса к произведениям великого русского писателя и драматурга.

Ключевые слова: О. В. Спачиль, русская драматургия, А. П. Чехов, А. С. Суворин, Е. П. Кадмина, пьеса «Татьяна Репина».

В Кубанском государственном университете издана научная монография О. В. Спачиль «Судьба пьесы: “Татьяна Репина” А. П. Чехова». Автор книги уже давно преподает в краснодарском вузе английский язык, а параллельно с этим — занимается наследием русского писателя и драматурга, рассматривая чеховские книги не только в рецепции отечественной науки, но и в пространстве англоязычного мира. Написание монографии у О. В. Спачиль ушло более 7 лет. Впрочем, срок этот не кажется таким большим в сравнении с тем,

какой долгий путь пришлось проделать пьесе «Татьяна Репина» навстречу читателям и зрителям.

Книга-легенда — драма А. П. Чехова в одном действии «Татьяна Репина» — была издана в 1889 г. в Петербургской типографии А. С. Суворина всего в трех экземплярах. Один предназначался автору, другой — самому издателю, а третий — общему другу двух заинтересованных в пьесе лиц — А. Н. Плещееву.

Летом 2015 г. на сайте антикварных книг появился плещеевский экземпляр издания. Информация о драме А. П. Чехова на этом сайте повторяет комментарии И. Ю. Твердохлебова и привлекает потенциальных покупателей характеристикой жанра представленного произведения: «сновидение, а во сне все возможно, так и книге была уготована мистическая судьба...» [4].

История русской литературы имеет примеры произведений с одинаковыми названиями, например «Кавказский пленник» А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого. Так случилось и с «Татьяной Репиной». Первым пьесу с таким названием, посвященную судьбе актрисы Евлалии Павловны Кадминой (1853–1881), написал А. С. Суворин. Малоизвестный сегодня полный текст этой комедии в четырех действиях (так обозначен жанр пьесы на обложке издания 1911 г.) включен в монографию в качестве приложения. А. П. Чехов обращается к произведению своего друга, популярного тогда автора, богатого издателя и пишет пьесу с таким же названием и темой, посвящая ее, соответственно, А. С. Суворину. Нельзя не отметить такт и любовь, с которыми это делает драматург — в добрых, честных письмах, оставляя

последнее слово за А. С. Сувориным, возраст, ум и эрудицию которого он глубоко уважал: «За то, что я воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд. Не показывайте его никому, а прочитавши, бросьте в камин. Можете бросить, не читая... Можете даже по прочтении сказать: черт знает что!» [6, с. 171]. Но А. С. Суворин не следует советам драматурга и все-таки издает пьесу.

Сегодня по прочтении текста А. С. Суворина возникает ощущение общения с чем-то фальшиво-пафосным: реплики и жесты персонажей театральны, напыщенны и неискренни. Но знание исторического факта, что пьеса имела грандиозный успех и выдержала несколько переизданий, заставляет подумывать о том, как изменились наши вкусы.

Монография О. В. Спачиль о «Татьяне Репиной» — это настоящий роман, в котором описана не только судьба несчастной актрисы, ставшей прототипом героинь двух вышеупомянутых пьес, а также других произведений 1880-х гг., в частности стихотворения С. А. Андреевского «Певица», рассказов В. Куницкого «Муж певицы» и А. И. Куприна «Последний дебют», рассказа-очерка Н. С. Лескова «Театральный характер». Книга о чеховской пьесе вмещает в себя еще и метафизическое повествование о том, есть ли жизнь после смерти. На такую трактовку событий, связанных с гибелью талантливой актрисы, указывает и известная таинственная повесть И. С. Тургенева «Клара Милич (После смерти)» (1882), посвященная Евлалии Кадминой. Страдания от измены, использование яда, самоубийство как способ защиты чести — всё это события, связанные с образом чеховской Татьяны Репиной, в котором пересекаются личная любовная драма актрисы и феномен ее актерской жизни, ее судьбы, когда раз за разом приходится «играть» смерть на сцене.

Поскольку не всем потенциальным читателям известны детали биографии Е. П. Кадминой, в книге один раздел представляет собой своеобразную летопись жизни и творчества актрисы. Здесь автору пришлось обращаться к архивным материалам, газетным публикациям 1881 г. Ю. Говорухи-Отрока, воспоминаниям современников, среди кото-

рых Н. Рубинштейн, П. Чайковский, В. Уманов-Каплуновский. Отдельная глава посвящена положению женщины-актрисы в XIX в., действовавшему в то время кодексу чести и нравам русской театральной провинции середины 1880-х гг., без меры восторженно принявшей любимых актрис и актеров. Особенно этим славился Харьков, где и произошла трагедия [1].

О. В. Спачиль рассматривает героиню своей монографии как личность необыкновенно привлекательную, а вместе с этим удивительно трагическую, сложную и таинственную. Сюжет книги можно назвать филологическим детективом: не будем раскрывать те сюжетные повороты, которые делают монографию по-настоящему увлекательной для читателей, любящих загадки и постепенное движение к поиску правильных ответов. Действительно, все это есть в книге, написанной хорошим языком в научно-публицистическом стиле и читающейся быстро и легко. Не исключено, что все эти особенности монографии спровоцируют волну интереса к малоизвестной пьесе Чехова.

И все-таки это издание именно научный труд, все представленные в нем факты и исследовательские предположения проверены и доказаны, опираются на исчерпывающий корпус материалов, написанных о чеховской «Татьяне Репиной» до выхода в свет монографии О. В. Спачиль, первой полностью посвященной этому произведению. Через занимающий несколько страниц библиографический список перед нами разворачивается исторический и литературный контекст, в котором была написана книга.

Отдельно хочется отметить «сахалинский» след монографии О. В. Спачиль: рецензенты книги — чеховед, часто бывавший на Сахалине, профессор Уральского педагогического университета, доктор филологических наук А. В. Кубасов и кандидат филологических наук, литературовед Т. Е. Шумилова, до 2018 г. работавшая в островном вузе. Есть в повествовании о пьесе «Татьяна Репина» и отсылки к сборникам Чеховских чтений, ежегодно проводимых Литературно-художественным музеем книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» [3].

И, наконец, сама О. В. Спачиль осенью 2020 г. впервые побывала на Сахалине как участница VII Международной конференции «“Остров Сахалин” А. П. Чехова в XXI веке» [2]. В то время работа над монографией двигалась к завершению и неформально обсуждалась среди коллег-филологов.

Тираж монографии О. В. Спачиль — 500 экземпляров. Такой тираж сегодня считается достаточным для научной общественности. И он, несомненно, более высокий, чем первая публикация «Татьяны Репиной» всего в трех экземплярах.

Необычная судьба пьесы обусловлена не только историей ее публикации и мистическим содержанием, но и тем, что даже сегодня, по прошествии более 140 лет, она все еще полностью, до конца не осмыслена. Автор монографии будет считать свое предприятие успешным, если читатели снова обратятся к тексту чеховского шедевра, к творчеству так высоко сегодня чтимого писателя и драматурга. Пусть это почитание будет выражено не только в названиях улиц, библиотек, но прежде всего в медленном, вдумчивом чтении произведений А. П. Чехова.

Elena A. IKONNIKOVA

Dr. Sci. (Theory of Literature, Textology), Prof.,
Sakhalin State University,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation,
e.ikonnikova@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2492-8471

Love for Three Copies:

On a Little-Known and Mysterious Play by Anton Chekhov

Abstract. The monograph on Anton Chekhov's play *Tatyana Repina* written by Olga Spachil, an associate professor of the Kuban State University, is reviewed. The author of the book reveals the details of the publication of the play: its first edition, published in three copies, is now an extreme bibliographic rarity. She briefly characterizes the history of the creation and the content of the play. The plot of the play is connected with the biography of the Russian actress Eulalia Pavlovna Kadmina. The book reflects not only the tragic fate of the actress, but also touches upon philosophical issues that are revealed through reflections on life and death. The book's thematic aspect is connected with the perception of the play in other countries and in other historical times. One of the sections of the book reflects Kadmina's personal and creative biography, based on the contemporaries' memories about her. Using new factual material collected from the archives, Spachil describes in detail the story of Kadmina's suicide, which formed the basis of the plot of the play. The author of the book has an individual, creative attitude to her protagonist. The reviewer defines the book as a research monograph that shows the reader the historical and literary context in which the play was created. The text of Aleksey Suvorin, which became the prototype of Chekhov's one-act play and is placed in the book as an appendix, is analyzed. The reviewer notes the significance for the reviewed book of conferences on Chekhov's oeuvre that are regularly held on Sakhalin. The reviewer expresses hope that this new book will contribute to the growth of reader interest in the works of the great Russian writer and playwright.

Keywords: Olga Spachil, Russian dramaturgy, Anton Chekhov, Aleksey Suvorin, Eulalia Kadmina, play *Tatyana Repina*.

Использованная литература:

1. Головачева А. Г. Как Аркадину и Сальвини принимали в Харькове // Головачева А. Г. Антон Чехов, театр и

References:

1. Golovacheva A.G. (2020) *Anton Chekhov, teatr i "simpatichtnye dramaturgi"* [Anton Chekhov, Theater and

«симпатичные драматурги»: монография. М.: Гос. центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 73–101.

2. Спачиль О. В. «Остров Сахалин» А. П. Чехова в британских и американских переводах // «Остров Сахалин» А. П. Чехова в XXI веке: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Южно-Сахалинск, 14–20 сент. 2020 г.). Южно-Сахалинск: ООО «Эйкон», 2020. С. 169–176.

3. Спачиль О. В. Перевод очерков А. П. Чехова «Из Сибири» на английский язык: обретения и потери // XXIII Чеховские чтения: материалы региональной науч. конф. (г. Южно-Сахалинск, 29–30 янв. 2020 г.). Южно-Сахалинск: ООО «Эйкон», 2020. С. 19–26.

4. Татьяна Репина. Драма в I действии Антона Чехова [Электронный ресурс] // Rarus's Gallery. URL: <http://www.rarus.ru/skany/1130.html?itemid=3> (дата обращения: 26.10.2015).

5. Твердохлебов И. Ю. Татьяна Репина // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1976. С. 364–368.

6. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 6 марта 1889 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 3. Письма, октябрь 1888 – декабрь 1889. М.: Наука, 1976. С. 171–172.

“Pretty Playwrights”]. Moscow: Gos. tsentr. teatral'nyy muzey im. A.A. Bakhrushina. pp. 73–101.

2. Spachil', O.V. (2020) [“Sakhalin Island” by A.P. Chekhov in British and American Translations]. *“Ostrov Sakhalin” A.P. Chekhova v XXI veke* [“Sakhalin Island” by A.P. Chekhov in the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. Yuzhno-Sakhalinsk. 14–20 September 2020. Yuzhno-Sakhalinsk: Eykon. pp. 169–176. (In Russian).

3. Spachil', O.V. (2020) [Translation of Essays “From Siberia” by A.P. Chekhov Into English: Gains and Losses]. *XXIII Chekhovskie chteniya* [XXIII Chekhov Readings]. Proceedings of the International Conference. Yuzhno-Sakhalinsk. 29–30 January 2020. Yuzhno-Sakhalinsk: Eykon. pp. 19–26. (In Russian).

4. Rarus's Gallery. (2015) *Tat'yana Repina. Drama v 1 deystvii Antona Chekhova* [Tatyana Repina. A Play in 1 Act by Anton Chekhov]. [Online] Available from: <http://www.rarus.ru/skany/1130.html?itemid=3> (Accessed: 26.10.2015).

5. Tverdokhlebov, I.Yu. (1976) Tat'yana Repina [Tatyana Repina]. In: Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete Works and Letters: In 30 Volumes. Works: In 18 Volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 364–368.

6. Chekhov, A.P. (1976) Pis'mo Suvorinu A.S., 6 marta 1889 g. Moskva [Letter to A.S. Suvorin, March 6, 1889, Moscow]. In: Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete Works and Letters: In 30 Volumes. Letters: In 12 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 171–172.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Иконникова, Е. А. Любовь к трем экземплярам: о малоизвестном и загадочном произведении А. П. Чехова / Е. А. Иконникова // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 136–140. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.009 – Рец. на кн.: ЗСпачиль О. В. Судьба пьесы: «Татьяна Репина» А. П. Чехова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022.

Full bibliographic reference to the article:

Ikonnikova, E.A. (2022) Love for Three Copies: On a Little-Known and Mysterious Play by Anton Chekhov. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 31. pp. 136–140. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.009

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM

Когда перевернут последний календарный лист, человеческий путь не заканчивается, люди не уходят из культурной жизни, если немало дали ей. Ученики и последователи отдадут по крупицам долг памяти и понимания тем, кого знали и высоко ценили как своих учителей, руководителей, наставников в научном творчестве.

В память о тех, кто оставил яркий личностный след в науке, пополняем галерею биографических портретов публикацией новых материалов о Викторе Кирилловиче Чумаченко и Эмилии Аюбовне Шеуджен.

ТЁР Виктор Васильевич
независимый исследователь
Ленинградская, Краснодарский край, Российская Федерация
Viktor V. TYOR
Independent Researcher,
Leningradskaya, Krasnodar Krai, Russian Federation,
ter_75@inbox.ru

УДК: 929:82-057.4(470.62)“199/201”
ГРНТИ: 17.09.91
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.010

Литературоведческие регалии профессора В. К. Чумаченко

Literary Regalia of Professor Chumachenko

Автор посвятил очерк воспоминаниям о своем личном общении и совместной деятельности с профессором Виктором Кирилловичем Чумаченко (1956–2017), ученым, много лет жизни отдавшим изучению истории кубанской литературы. Рассказано о нескольких раритетах, найденных автором и подаренных им ученому. Приведены факты, касающиеся эпистолярного наследия писателя В. С. Мовы (Лиманского), которое было вывезено за границу в годы Гражданской войны. Описаны мероприятия, связанные с празднованием 170-летнего юбилея В. С. Мовы и прошедшие в 2012 г. в станице Ленинградской Краснодарского края при непосредственном участии профессора В. К. Чумаченко. Автор повествует о своей краеведческой работе, проводившейся по просьбе кубанского литературоведа и направленной на поиск потомков В. С. Мовы. Подчеркивается, что литературоведческое дело, которому посвятил научные изыскания профессор В. К. Чумаченко, нуждается в своем дальнейшем продолжении.

Ключевые слова: В. К. Чумаченко, Кубань, Краснодар, станица Ленинградская, краеведение, кубанская литература, В. С. Мова.

*Виктор Кириллович Чумаченко
(1956-2017)*

В журнале «Родная Кубань», когда его редактором был писатель Виктор Лихонос, увидели свет редкие рукописи художественных произведений, воспоминаний, путевых дневников, повествующие о прошлом казаков, военных чиновников, ученых, оказавшихся после Первой мировой и Гражданской войн в России за рубежом. Привлекало внимание читателей и эпистолярное наследие отдельных из них.

Мне же пришлось по душе литературно-исторические очерки и литературоведческие исследования о Я. Г. Кухаренко, А. Е. Пивне, В. С. Мове (Лиманском), Ф. А. Щербине и других литераторах члена редколлегии журнала, кандидата филологических наук, позже — профессора В. К. Чумаченко из Краснодара, чем в беседе по телефону я и поделился с ответственным секретарем «Родной Кубани».

— А вы скажите об этом лично автору, Виктору Кирилловичу,— и он назвал номер его домашнего телефона.

Невозможно было этим не воспользоваться. Узнав о том, что я из Ленинградской, бывшей Уманской станицы, журналист Виктор Кириллович попросил поучаствовать в поиске литературного архива казачьего поэта и драматурга Василия Мовы (Лиманского), хранителем этого архива до отъезда из страны с почетной миссией в марте 1920 г. оставался его родственник по жене, бывший атаман Ейского отдела (1910–1917) генерал-лейтенант Петр Иванович Кокунько. Кроме того, Виктора Кирилловича занимали отдельные эпизоды из жизни сыновей Мовы — Павла и Юрия, дочери Анны, которые, по его сведениям, в 1920-е гг. работали в школах Уманской и Кущевской. Все полученные им на тот момент сведения были весьма скудными.

Впоследствии часто созванивались по телефону: обменивались новостями из мира книг, мнениями о публикациях в краевой печати, газетах Павловского, Каневского районов. Объединял нас поиск утраченного наследия кубанских литераторов, о чем свидетельствовали его статьи в краевой периодике, а также мои — в краевой газете «Ярмарки Кубани» и районной «Степные зори» (обе издавались в станице Ленинградской). Сошлюсь на конкретные факты, где, как в зеркале, отражены наши творческие пристрастия, о некоторых из них можно вспомнить.

...Как-то вечером я зашел к соседке, старой колхознице Анне Ивановне Бруевой, проживавшей в Ленинградской. Она сидела в холодной хате у печи, пытаясь разжечь отсыревшие дрова. Старушка выдергивала пожелтевшие печатные страницы из украинского журнала «Зоря» за 1893 и 1894 годы, сшитые и переплетенные чьей-то заботливой рукой...

Я убедил Анну Ивановну не рвать страницы из старинного фолианта. Принес ей на растопку дров чувал ненужных газет, партийных изданий. Разжег ей печь. В благодар-

ность за обыкновенное человеческое участие женщина на прощание сказала, что, мол, «возьми журнал, все равно рано или поздно спалю в печи». Из беседы выяснилось: с молодых лет фолиант хранился у нее в доме — подарил станичный ухажер. Тому, в свою очередь, издание дал для прочтения подросток, который в годы коллективизации вывозил книги бречками из богатых хуторских усадеб. Бруева, украинка, переселившись на Кубань в 1920-е гг., хранила журнал «Зоря» до старости.

Журнал «Зоря», издававшийся во Львове в конце XIX в. научным товариществом Т. Г. Шевченко и подаренный мне Анной Ивановной, прочитал и я, и не единожды. От «доски до доски». Среди авторов произведений, публиковавшихся в нем, нашел стихи Леси Украинки и пьесы И. Карпенко-Карого, критические многостраничные статьи Г. Конисского... Нашлось «местечко» для краткой биографии первого историка и драматурга Кубани Я. Г. Кухаренко и его дружеской переписки с поэтом и художником Т. Г. Шевченко.

В одной из своих публикаций я и сообщил читателям о редкой находке — журнале «Зоря», его известных авторах. Позже, как зеницу ока, более трех десятилетий, меняя съемные квартиры, переезжая уже как редактор газеты из одного в другой район, хранил старинный фолиант в своей личной библиотеке. Даже не предполагал, что на Кубани среди любителей художественных редкостей он вызывал небывалый интерес.

Случались и другие подарки судьбы.

Долгие годы в хуторе Куликовском, позже в средней школе № 12 станицы Ленинградской учителем русского языка и литературы работал Евстафий Никитович Лукьяненко (1897–1983). С малых лет влюбленный в поэзию Тараса Шевченко, Евстафий Никитович до конца жизни оставался его поклонником. И не только он. В городе Золотоноша Черкасской области жил и писал картины его старший родной брат Федор Никитович (1893–1976). Среди работ художника выделялись написанные в молодые годы маслом портреты, в том числе великого Кобзаря. Это полотно в последние годы хранилось в семье старого учителя Е. Н. Лукьяненко, позже — его сына Ивана Евстафьевича, бывшего шофера пред-

приятия Ленинградских электрических сетей. Как-то, заглянув в его гараж, я и увидел на стене портрет Т. Г. Шевченко в расколотой от небрежного хранения раме. Да и само полотно выглядело ветхим, хотя краски на нем достаточно хорошо сохранились. Заметив, с каким жадным любопытством я рассматривал портрет, написанный век назад его дядей, Иван Евстафьевич спросил:

— Что, нравится?

Снял со стены, немного подержал в руках, а потом сказал:

— Раз интересуешься — дарю...

От счастья я, кажется, был на седьмом небе...

Об этих двух старых находках я поведал при случае собирателю старины В. К. Чумаченко. И что же? Он предложил и фолиант, и художественное полотно 20-х годов минувшего столетия обменять на краеведческую литературу, наконец, просто купить... Напряженную тишину я прервал обещанием подумать.

Во время дальнейшего общения, когда напряжение спало, Виктор Кириллович рассказал о том, что накануне, для того чтобы познакомиться с содержанием подшивок львовского журнала «Зоря», ездил во Львов, днями, мучаясь болями в ногах, просиживал за чтением статей и заметок в книжном хранилище.

Не лучше случилась история и с оформлением зала, в котором проходили заседания литературоведов кубанского отделения научного товарищества Т. Г. Шевченко в Краснодаре, — портрет классика мировой литературы пришлось изготавливать на обыкновенном листе бумаги самому председателю, профессору В. К. Чумаченко — выручал принтер. «Нехорошо, — соглашался он, — но иного выхода пока не нашел». И тогда бескорыстно и без всяческих условностей я дал слово подарить ему оба эти раритета.

К месту запланированных встреч (их было две) Виктор Кириллович добирался на такси. Передал я дорогие «гостинцы» лично в его руки. И это было незабываемо! Много позже он как-то заметил, что за многие годы собирательства раритетов редко встречал таких бескорыстных людей, каким я ему казался. Другие (он назвал их имена) за подобные предметы старины «три шкуры сди-

рали» и глазом не моргнув. В благодарность за все Виктор Кириллович многие годы потом присылал по почте вышедшие в печати ценные книги, расходуя на пересылку немалые деньги из своих скромных гонораров.

Не скрою, мне импонировали близкие отношения с В. К. Чумаченко. Порой он нуждался в исторической информации, публикуемой в районной печати. По своим журналистским каналам я скоро находил ее и делился с Виктором Кирилловичем. А, случалось, и он помогал мне. Так, только благодаря ему удалось получить от одного из краснодарских краеведов сведения о месте захоронения в 1913 г. в Уманской атамана Ейского отдела генерала А. Я. Кухаренко, сына первого историка и драматурга Кубани Я. Г. Кухаренко. Теперь на Октябрьской площади (бывшей Полковой) станицы Ленинградской установлена памятная плита — вместе со мной участвовал в этом важном деле бывший районный казачий атаман есаул Н. И. Сидак. Изданы две брошюры об А. Я. Кухаренко — они пополнили и библиотеки казачьих обществ. Кстати, сын кубанского писателя был дружен с ейским поэтом И. П. Подушкой, военным медиком, полковником Ф. М. Шанько, который одно время служил в госпитале станицы Уманской, а также с судейским чиновником, поэтом и драматургом В. С. Мовой. Всех четверых роднила любовь к творчеству Т. Г. Шевченко: любили они песни на его стихи, ставшие народными, обменивались новинками литературы, появившимися на Кубани, сообща отмечали памятные даты, связанные с жизнью и творчеством Тараса Григорьевича.

Но вернемся к портрету Т. Г. Шевченко художника из города Золотоноша. Виктору Кирилловичу и его друзьям удалось-таки отреставрировать портрет. Он приглашал меня в гости, чтобы сообща порадоваться обновленной картине, которой исполнился ровно век! Увы, не получилось...

Виктор Кириллович внимательно следил за моими публикациями. Одними оставался доволен, похваливал. Наиболее ценные сведения использовал в своих работах, безусловно, со ссылкой на автора. Примеры? Пожалуй-ста. Передо мной вкладыш «Кубань» общероссийской газеты «Аргументы и факты» (№ 1–2,

2017). В интервью «Рукописи не горят? Тайны литературных регалий Кубанского классика» (о В. С. Мове) В. К. Чумаченко говорил об утраченном архиве казачьего поэта и драматурга.

Как я уже отмечал, часть его хранил в своем доме в Уманской по улице Красной генерал П. И. Кокунько. Перед тем как покинуть Кубань навсегда, он решил навестить жену в станице. Тут его с адъютантом Рудаковым и захватили красноармейцы. На следующее утро их бы и казнили за железнодорожным вокзалом, как это было с другими. Спасла обоих невенчанная жена Рудакова, о чем поведала мне ее дочь.

Эту историю я передал в одном из краеведческих очерков. Близко к сердцу приняли ее родственник спасенного Петра Ивановича Кокунько — московский журналист Г. В. Кокунько, позже — поэт и литературовед В. К. Чумаченко. В интервью он рассказывал, что, уходя с ординарцем ночью из Уманской, П. И. Кокунько прихватил-таки с собой самое ценное и хранил его в притороченной к седлу сумке, «прежде всего письма Кобзаря (Т. Г. Шевченко — другу Я. Г. Кухаренко). Будучи в эмиграции, П. И. Кокунько многим потом их показывал, но опубликовать никому так и не дал. Но и кое-что из творчества Мовы тоже скорее всего прихватил. По крайней мере, заметки о казачьем прошлом и объемный очерк об атамане Кухаренко, опубликованные в эмиграции за подписью Кокунько, сильно напоминали конкретные тексты и темы, над которыми много лет кропотливо трудился его талантливый деверь». Но все это, на мой взгляд, лишь догадки. Нужен сравнительный анализ текстов. Сделать его В. К. Чумаченко не успел — ушел из жизни...

Примерно за год до празднования на Кубани 170-летия со дня рождения казачьего поэта и драматурга В. С. Мовы (Лиманского) В. К. Чумаченко поделился планами о его проведении. Я заверил профессора, что в нашем районе это событие отметят достойно. И не обманул его ожиданий.

В память об известном талантливом земляке-литераторе, казаке В. С. Мове (Лиманском), книги которого издаются не только в России, но и в США, Германии и других странах, активисты районной организации краево-

го отделения общества историков-архивистов ходатайствовали перед местными властями об установке на одном из корпусов нынешнего Ленинградского социально-педагогического колледжа мемориальной памятной доски. Нам пошли навстречу депутаты и главы Ленинградского сельского поселения и муниципального образования, совет ветеранов войны и труда.

На открытие памятной доски собрались преподаватели, студенты колледжа, участники войны и труженики тыла, гости. По такому торжественному случаю учащиеся любовно оформили исторический уголок у старинного здания по улице Красной. Здесь же разместили портрет писателя. В буклетнице — копии рукописей, публикаций В. К. Чумаченко и других авторов-краеведов о жизни и творчестве В. С. Мовы. Ведущая С. Я. Горина открыла митинг. Выступили исполняющий обязанности главы района С. В. Гаркуша, глава Ленинградского сельского поселения Н. И. Сидак, директор социально-педагогического колледжа В. Э. Бауэр, краевед и журналист, автор этих строк В. В. Тёр, а также председатель студенческого совета А. Кравченко. Они говорили о необходимости хранить историческую память во все времена, ибо без знания своего прошлого, имен выдающихся личностей нельзя двигаться вперед, строить будущее.

В торжественной тишине С. В. Гаркуша и В. Э. Бауэр сняли покрывало, и взору участников торжества открылась памятная доска. На ней начертано: «В 1852 году в пансионе Уманского войскового училища обучался кубанский поэт и драматург В. С. Мова (Лиманский) (1842–1891)». Это событие в Ленинградской было, пожалуй, самым знаковым на Кубани, а состоялось оно — 19 апреля 2012 г. Фотографию этого мероприятия составители и научные редакторы А. М. Авраменко и В. К. Чумаченко разместили на форзаце историко-культурного альманаха, вышедшего в 2012 г.

Чуть позже в студенческих классах казачьей направленности Ленинградского социально-педагогического колледжа мной и полковым священником Ейского отдела Кубанского казачьего войска протоиереем Игорем Тихновецким были прочитаны лек-

ции, посвященные писателям Т. Г. Шевченко, Я. Г. Кухаренко, В. С. Мове (Лиманскому), атаманам Ейского отдела А. Я. Кухаренко, П. И. Кокунько...

А закончить это повествование хочу тем, с чего и начинал, — с интереса В. К. Чумаченко к членам семьи В. С. Мовы и желания найти сведения о его детях. Обнаружить удалось немного, относящееся непосредственно к Уманской–Ленинградской, в основном о Павле Мове. В Одессе он получил высшее образование, в школах на Кубани преподавал детям рисование и черчение.

Недавно, просматривая в интернете публикации об истории станицы Уманской начала XX в., в газете «Военный вестник» (г. Екатеринбург, 6 октября 1916 г., с. 629–630) заинтересовался статьей «“Встречи и речи” (станция Уманская)» автора, писавшего под псевдонимом «Хмурый». В ней помимо прочего перечислялись имена преподавателей Уманской женской гимназии, в том числе Павла Васильевича Мовы (нетрудно догадаться, что это не кто иной, как сын поэта и драматурга В. С. Мовы (Лиманского)). На газетной полосе внимательно рассмотрел фотографии педагогов, среди которых в центре узнал (по ранним снимкам) и Павла.

Сын писателя Павел Васильевич Мова проживал в доме атамана Ейского отдела П. И. Кокунько по улице Красной. В станице он женился, здесь же в 1924 г. у молодых родился сын, которому дали имя Юрий (так звали и родного брата Павла). В 1927 г. семья учителя П. В. Мовы переехала в Краснодар.

В соседней станице Куцевской в школе работали брат Павла Юрий и сестра Анна. После смерти Юрия Васильевича в конце 1930-х гг. она переехала из станицы в Краснодар. Эти сведения почерпнуты из писем сына Павла — Юрия Павловича Мовы, которые он в 1980-х гг. адресовал писателю-краеведу В. Н. Орлу в город Николаев.

Каким был педагогом Павел Васильевич Мова? В газете «Краснодарские известия» от 28.02.2013 г. журналистка Анастасия Куропатченко опубликовала очерк «Два наставника — одна судьба» о талантливом художнике-графике, основателе первой на Кубани детской художественной школы

В. А. Пташинском. Привлекли внимание строки: «Кубанец Владимир Пташинский (1922–1982) вырос в Армавире. К поступлению в Краснодарское художественное училище его подтолкнул школьный учитель рисования П. В. Мова...». Встреча с педагогом Павлом Васильевичем и обусловила зарождение нового таланта, который в свою очередь подготовил на Кубани плеяду замечательных художников — графиков, живописцев... Один из них, кстати, ныне живет и работает

в детской художественной школе станицы Ленинградской.

Не ошибусь, если скажу, что новые сведения о династии великого казачьего поэта и драматурга XIX в. В. С. Мовы (Лиманского) очень бы заинтересовали профессора В. К. Чумаченко. Кто из известных ученых продолжит на Кубани литературоведческое дело, которое так хорошо начал и посвятил ему более тридцати лет своей жизни Виктор Кириллович, друг и соратник многих краеведов?

Viktor V. TYOR

*Independent Researcher,
Leningradskaya, Krasnodar Krai, Russian Federation,
ter_75@inbox.ru*

Literary Regalia of Professor Chumachenko

Abstract. The author dedicated the essay to memories of his personal communication and joint activities with Professor Viktor Kirillovich Chumachenko (1956–2017), a scholar who devoted his life to studying the history of Kuban literature. The author describes his collaboration with Chumachenko (the relationship between them was businesslike, constructive and trusting) in the search for the lost literary heritage of Kuban writers and poets; tells about several rarities he found and presented to Chumachenko. The author gives facts concerning the epistolary heritage of the writer Vasiliy Mova (Limansky), which was taken abroad during the Civil War. The author describes events associated with the celebration of Mova's 170th anniversary held in 2012 in the Leningradskaya village of Krasnodar Krai with Professor Chumachenko's direct participation. The author tells about his research of local history work, carried out at Chumachenko's request and aimed at searching for Mova's descendants. The research was successful: mentions of the writer's sons were found in the regional press of the second decade of the 20th century. The author stresses that the literary studies Professor Chumachenko conducted need to be further continued with the broad support of the local history community.

Keywords: Viktor Chumachenko, Kuban, Krasnodar, Leningradskaya village, local history, Kuban literature, Vasiliy Mova.

Использованная литература:

1. Лазебная С. Забытый классик. Как исчезнувшая рукопись Василия Мовы сама нашла книговеда [Электронный ресурс] // АиФ-Краснодар. 2017. 12 янв. URL: https://kuban.aif.ru/opinions/main/zabytyy_klassik_kak_ischeznuvshaya_rukopis_vasiliya_movy_sama_nashla_knigoveda (дата обращения: 15.10.2022).

References:

1. Lazebnaya, S. (2017) Zabytyy klassik. Kak ischeznuvshaya rukopis' Vasiliya Movy sama nashla knigoveda [A forgotten classic. How the disappeared manuscript of Vasily Mova found the bibliologist]. *AiF-Krasnodar*. 12 January. [Online] Available from: https://kuban.aif.ru/opinions/main/zabytyy_klassik_kak_ischeznuvshaya_rukopis_vasiliya_movy_sama_nashla_knigoveda (Accessed: 15.10.2022).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тёр, В. В. Литературоведческие регалии профессора В. К. Чумаченко / В. В. Тёр // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 141–146. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Tyor, V.V. (2022) Literary Regalia of Professor Chumachenko. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 141–146. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.006

ПОЧЕШХОВ Нурбий Асланович

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета Майкоп, Российская Федерация

Nurbiy A. POCESHKHOV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Adyghe State University,
Maykop, Russian Federation,
bases11@yandex.ru

ХОТКО Самир Хамидович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева Майкоп, Российская Федерация

Samir Kh. KHOTKO

Dr. Sci. (National History), Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T. M. Kerashev,
Maykop, Russian Federation,
inalast@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5097-5864

УДК: 928:93-057.4(470.621)"198/201"
ГРНТИ: 03.01.09
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.011

**Эмилия Аюбовна Шеуджен
(1937–2021) –
основатель исторической школы
в Республике Адыгея**

**Emilia Ayubovna Sheudzhen
(1937–2021) –
the Founder of the Historical School
in the Republic of Adyghea**

Очерк посвящен памяти известного ученого, доктора исторических наук Эмилии Аюбовны Шеуджен. Отражено ее влияние на формирование исторической научной школы и исторического образования в Республике Адыгея. Отмечены заслуги Э. А. Шеуджен в организационно-педагогической и преподавательской деятельности. Подчеркивается независимость и объективность историка, ее неукоснительное следование научной этике. Подробно освещена научная биография ученого, показана ее работа, нацеленная на создание специальных учебных пособий по историографии, источниковедению и методологии исторической науки. Уделено большое внимание исследованиям Э. А. Шеуджен, связанным с изучением исторической

памяти адыгов. Отмечается, что научная новизна трудов ученого заключается прежде всего в формировании особого подхода к изучению истории адыгов, в котором учет значения фактора среды в этногенезе и использование методологии фронта подкрепляется скрупулезной работой с источниками.

Ключевые слова: Э. А. Шеуджен, Адыгея, адыги, Северо-Западный Кавказ, история Адыгеи, историческая память адыгов.

*Эмилия Аюбовна Шеуджен
(1937-2021)*

В конце 2021 г. не стало выдающегося историка — Эмилии Аюбовны Шеуджен, профессора, педагога, заслуженного деятеля науки РФ. Она была образцом искреннего и подвижнического служения научному знанию и на протяжении многих лет преподавала нам урок особой культуры учительства. Родилась Эмилия в семье черкеса Аюба Ибрагимовича Шеуджена и донской казачки Зои Васильевны Смагиной в далеком 1937 году.

Ее подвижнической деятельности в науке, сопряженной с огромным вниманием, которое она уделяла дипломникам, аспирантам, докторантам, не было равных. Люди, успешно закончившие факультет под ее чутким руководством, сегодня работают в школах, системе высшего образования, государственном управлении, бизнесе. Эмилия Аюбовна профессионально взрастила (от студенческой скамьи до ученой степени) или, по край-

ней мере, оказала благотворное воздействие на несколько десятков профессиональных историков и на несколько сот выпускников факультета. Это наше огромное культурное наследие. Город и республика приобрели целое поколение людей, получивших отличное гуманитарное образование.

Смело можно констатировать, что весь современный этап становления и развития исторического образования и научной школы в Республике Адыгея связан с деятельностью Эмилии Аюбовны Шеуджен. Она поставила наш, на момент ее появления, еще молодой факультет на рельсы обучения и воспитания профессиональных преподавателей истории и социально-политических дисциплин. Исторический факультет Адыгейского государственного университета в очень значительной, даже определяющей степени мыслился и начинал развиваться как идеологическая ин-ституция, направленная на воспитание кадров для КПСС и советских органов, что обеспечило ему большой приток абитуриентов. Главным предметом была история КПСС, а большая часть преподавателей — историками партии или специалистами по определенному набору «актуальных» проблем истории СССР.

Но в стране происходили эпохальные изменения и возвратившаяся на родину Эмилия Аюбовна, на тот момент доктор исторических наук с отличной ростовской и московской школами, в 1989 г. была выбрана в конкурентной и достаточно напряженной обстановке деканом. Студенческое сообщество факультета участвовало в этих выборах: это были, наверное, первые настоящие выборы в их жизни. То, как она говорила, ее в высшей степени рафинированная речь профессионального историка, обладающего такими навыками, которых не наблюдалось еще в наших стенах, обеспечили ей очень скоро безусловное ли-

дерство. Она проявила себя не только как лектор и учитель, но и как организатор образовательного процесса.

Впервые в нашей республике Э. А. Шеуджен создала крайне важную институцию: диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по двум историческим дисциплинам — отечественной истории и историографии.

Еще одна черта характера и мировоззрения Эмилии Аюбовны — ее подчеркнуто дистанцированное отношение к институтам власти. Она была государственным и патристически ориентированным человеком, но никогда не подстраивалась под распоряжения начальства, оставалась независимым специалистом, который неуклонно следовал самым высоким нормам поведения и этике ученого-гуманитария. Можно сказать, что это еще один очень важный урок Учителя — ученый должен следовать академическому духу, отстаивать определенную автономность, независимость высшей школы. Неслучайно самое большое уважение к Эмилии Аюбовне демонстрировал Хазрет Меджидович Совмен, который высоко ценит в людях профессионализм, честность, благородство.

Историографический исследовательский опыт Э. А. Шеуджен основывался на прочном фундаменте хорошего знания трудов классических российских историков: Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева и др. Она отличалась почтительным отношением к именам первых адыгских историков: Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, Р. Трахо, первых российских исследователей истории и этнографии Северного Кавказа: Л. Я. Люлье, Е. Д. Фелицына, В. А. Потто, Н. Ф. Дубровина. Это свое отношение Эмилия Аюбовна передавала нам, ее студентам. Историческое знание воспринималось ею как глубоко преемственный феномен, ориентированный на постижение истины. Отсюда и увлеченность источниковедческой деятельностью, нацеливание учеников на работу в архиве, выявление и публикация разнообразных документальных и нарративных источников.

Докторская диссертация Э. А. Шеуджен была посвящена историографическому осмыслению советских работ по национально-

культурному строительству на Северном Кавказе [10].

Необходимо отметить, что она была профессиональным специалистом в области исторического метода. Этому очень непросто научиться, практически нет примеров того, когда теория и методология исторического знания усваивается вне исторической аудитории. Только совместная работа над критическим анализом исторического текста под руководством опытного преподавателя (а здесь следует вспомнить мастера, у которого училась Эмилия Аюбовна, — Александра Павловича Пронштейна), а впоследствии годы самостоятельного труда и щедрые порции критики от коллег способны создать настоящего историка. Эмилия Аюбовна уделяла очень большое внимание этому направлению работы и опубликовала ряд специальных учебных пособий по историографии, источниковедению и методологии исторического исследования [3] [9]. Эти усилия дополнительно и с благоприятной стороны характеризуют профессиональные качества нашего учителя: она искренне беспокоилась о том, чтобы дать в руки студенту и аспиранту хорошо написанное и актуальное пособие.

В 1997 г. Э. А. Шеуджен была удостоена диплома, почетной грамоты и медали за лучшее учебное пособие по истории для детей [5] [6].

Ряд исследований были осуществлены Эмилией Аюбовной в рамках федеральных грантовых программ. Так, ею был разработан проект «Историческая память народов Северного Кавказа», на основе которого вышли работы об исторической памяти адыгов и их месте в различных форматах исторической памяти [8]. Теоретическая основа исследования включает труды Ф. Йейтса, П. Нора, П. Рикёра, М. Хальбвакса, А. Ассман и др. Впервые в историографии адыгов была поставлена проблема социальных и культурных границ национальной памяти, избирательности и забвения исторической памяти, метафоричности памяти о прошлом этноса (в его дописьменный период истории, выраженной через нартовский эпос, символы и ритуалы), разработан целый ряд других аспектов. Глубокий символизм адыгской культуры всегда

привлекал внимание ученого [12]. «Адыги на протяжении многих столетий,— отмечает Э.А. Шеуджен,— сохраняли, более того, переживали связь с событиями, запечатленными в устной традиции, воспринимая себя наследниками исторического прошлого. В течение веков многочисленные безымянные сказители, совершенствуя идеи и сюжеты, сохраняли для потомков накопленный опыт» [1, с. 30]. Более того, «устойчивость любой общественной системы связана с исторической памятью, с массовым историческим сознанием, прямо или опосредованно влияющим на социально-политическую практику» [9, с. 209].

Исследовательская биография Э.А. Шеуджен связана с разработкой проблем региональной (северокавказской) истории и историографии на основе передовых исторических и антропологических концепций [4]. Вполне уместным выглядит сравнение Эмилии Аюбовны с Ароном Яковлевичем Гуревичем, который одним из первых и очень продуктивно стал внедрять методологию исторической и культурной антропологии в отечественную историческую мысль. Это происходило в 80-е годы XX в. Так и Э.А. Шеуджен своими монографиями и статьями произвела настоящий интеллектуальный прорыв в историографии истории адыгов. Она стала первой применять к историческому нарративу Северо-Западного Кавказа те наработки, которые были созданы в знаменитой французской школе «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Дюби, Ф. Бродель,

Ж. Ле Гофф и др.). Ей удалось очень хорошо показать значение изучения истории ментальностей, истории тела, человека как главного предмета внимания историка. Эмилиа Аюбовна создала также крайне важное исследование, посвященное исторической памяти адыгов [1], в котором, как нам представляется, весьма убедительно и успешно произвела «препарирование» целого комплекса устойчивых исторических и идеологических клише.

В 2018–2019 гг. одному из авторов этой статьи посчастливилось поработать с Эмилией Аюбовной над совместной книгой [11], в которой рассмотрены важные антропологические параметры социальных институтов и практик, эпохальных исторических событий, реконструируется адыгский рыцарский этос. Время работы над книгой стало очень важным опытом вдумчивого, взвешенного отношения к слову, особо тщательного подбора формулировок, привлечения обширного историко-сопоставительного материала.

Новое в трудах Э.А. Шеуджен проявляется не столько в установлении исторической конкретики, сколько в новом взгляде, в качественно новом подходе. Роль среды в этногенезе [2], критическое осмысление фронтального подхода в исследованиях северокавказской истории [7] в сочетании с виртуозной источниковедческой работой позволили Эмилие Аюбовне Шеуджен вывести проблематику локальной истории в более широкое исследовательское пространство.

Nurbiy A. PCHESHKHOV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Adyghe State University,
Maykop, Russian Federation,
bases11@yandex.ru

Samir Kh. KHOTKO

Dr. Sci. (National History), Adyghe Republican Research Institute
of the Humanities named after T. M. Kerashev,
Maykop, Russian Federation,
inalast@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5097-5864

**Emilia Ayubovna Sheudzhen (1937–2021) –
the Founder of the Historical School in the Republic of Adygea**

Abstract. The essay is dedicated to the memory of Emilia Ayubovna Shuedzhen, a famous scholar, Doctor of Historical Sciences. Her influence on the formation of the historical scientific school and historical education in the Republic of Adygea is reflected. Sheudzhen's merits in organizational, pedagogical and teaching activities are noted. The independence and objectivity of the historian, her strict adherence to research ethics are emphasized. The professional biography of the scholar is covered in detail; her work aimed at creating special teaching aids on historiography, source study and methodology of historical science is shown. Much attention is paid to Sheudzhen's studies on the historical memory of the Adyghes. Her works became the first experience of applying the developments of the French Annales school to the history of the peoples of the North-Western Caucasus and made an intellectual breakthrough in the Adyghe historiography. The authors come to the conclusion that the novelty of works by Sheudzhen lies primarily in the development of a new approach to the study of the history of the Adyghes, in which the consideration of the importance of the environmental factor in ethnogenesis and the use of the frontier methodology were supported by scrupulous work with sources. Sheudzhen's works made it possible to give local history a broader research dimension.

Keywords: Emilia Sheudzhen, Adygea, Adyghes, North-Western Caucasus, history of Adygea, historical memory of Adyghe.

Использованная литература:

1. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2010
2. Шеуджен Э.А. Влияние природно-географической среды на этногенез адыгов // Кавказология. 2017. № 2. С. 21–32.
3. Шеуджен Э.А. Историография: История исторической науки: курс лекций. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 1999.
4. Шеуджен Э.А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. Москва-Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2012.
5. Шеуджен Э.А. История Адыгеи: рассказы для детей. Ч. 1. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд., 1995;
6. Шеуджен Э.А. История Адыгеи: рассказы для детей. Ч. 2. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд., 1997.
7. Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 76–83.
8. Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2009.
9. Шеуджен Э.А. Путь в историю: в поисках методологии исследования. Майкоп: Качество, 2007
10. Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Изд-во Ростовского ун-та, 1983.
11. Шеуджен Э.А., Хотко С.Х. История адыгов (черкесов): военно-антропологический подход. Майкоп: Полиграф-Юг, 2019.
12. Sheudzhen E., Tleptsok R. The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication. Vol. 1. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017, pp. 189–200.

References:

1. Sheudzhen, E.A. (2010) *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati* [The Adyghe (Circassians) in the Space of Historical Memory]. Moscow; Maykop: Adyghe State University.
2. Sheudzhen, E.A. (2017) Influence of the Natural Geographical Environment on Ethnogenesis of the Adyghes. *Kavkazologiya – Caucasology*. 2. pp. 21–32. (In Russian).
3. Sheudzhen, E.A. (1999) *Istoriografiya: Istoriya istoricheskoy nauki: kurs lektsiy* [Historiography: A History of Historical Science: A Course of Lectures]. Maykop: Adyghe State University.
4. Sheudzhen, E.A. (2012) *Istoricheskoe znanie i istoricheskaya pamyat': zapadnoevropeyskaya traditsiya vzaimoobuslovlennosti* [Historical Knowledge and Historical Memory: Western European Tradition of Interdependence]. Moscow; Maykop: Adyghe State University.
5. Sheudzhen, E.A. (1995) *Istoriya Adygei: rasskazy dlya detey* [A History of Adygea: Stories for Children]. Part 1. Maykop: Adyg. resp. kn. izd.
6. Sheudzhen, E.A. (1997) *Istoriya Adygei: rasskazy dlya detey* [A History of Adygea: Stories for Children]. Part 2. Maykop: Adyg. resp. kn. izd.
7. Sheudzhen, E.A. (2006) K voprosu o severokavkazskom frontire [To the Question of the North Caucasus Frontier]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 3. pp. 76–83.
8. Sheudzhen, E.A. (2009) *Kavkazskaya vojna v prostranstve istoricheskoy pamyati. K 145-letiyu okonchaniya Kavkazskoy vojny* [The Caucasian War in the Space of Historical Memory. To the 145th Anniversary of the Caucasian War]. Maykop: Adyghe State University.
9. Sheudzhen, E.A. (2007) *Put' v istoriyu: v poiskakh metodologii issledovaniya* [A Way to History: In Search of Research Methodology]. Maykop: Kachestvo
10. Sheudzhen, E.A. (1983) *Sovetskaya istoriografiya natsional'no-kul'turnogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze* [Soviet Historiography of National Cultural Construction in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Rostov State University.

11. Sheudzhen, E.A. & Khotko, S.Kh. (2019) *Istoriya adygov (cherkesov): voenno-antropologicheskij podkhod* [A History of the Adyghe (Circassians): A Military-Anthropological Approach]. Maykop: Poligraf-Yug.

12. Sheudzhen, E. & Tleptsok, R. (2017) The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains. In: Motta, G. & Biagini, A. (eds) *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Vol. 1. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. pp. 189–200.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Почешхов, Н. А. Эмилия Аюбовна Шеуджен (1937–2021) – основатель исторической школы в Республике Адыгея / Н. А. Почешхов, С. Х. Хотко // *Наследие веков*. – 2022. – № 3. – С. 147–152. DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.011

Full bibliographic reference to the article:

Pocheshkhov, N. A. & Khotko, S. Kh. (2022) Emilia Ayubovna Sheudzhen (1937–2021) – the Founder of the Historical School in the Republic of Adygea. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 147–152. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.31.3.011

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№3 (31)
2022

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна А. А. Чариной "Поздние розы. Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной". 2016 г. Холст, масло. 60×70.

URL: <http://hiero.ru/pict/17f/2245728.jpg>

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 29. 09. 2022

Размещен в сети Интернет: 30. 09. 2022

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 17,686

Уч.-изд. л.: 14,338

Размер файла: 17,686 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»